

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8-й год издания

№ 11

Ноябрь 1938 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)». ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б).

I.

Выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. С появлением «Краткого курса истории ВКП(б)», партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии — научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире.

«Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является важнейшим средством в деле разрешения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии марксистско-ленинской теорией, т. е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Создавая «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», ЦК ВКП(б) исходил из следующих задач:

1) Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, сбланию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии.

2) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии, забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм.

Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксистско-ленинского учения — диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исто-

рический материализм был бы связан с политикой партии, — руководство, в котором было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксистскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций.

3) В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях, — «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, п а п д е я х марксизма-ленинизма.

Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) исходил из задачи преподавать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. ЦК ВКП(б) имел в виду, что такое изложение марксистско-ленинской теории наиболее отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действии, так как правильность и жизненность марксистско-ленинской теории проверены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксистско-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

4) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу освободить марксистскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии.

Такого рода вульгаризации и упрощенчество нашли выражение, например, в распространенных до последнего времени, явно антимарксистских и давно осужденных партией, взглядах о роли личности в истории, когда вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лже-теоретиками и пронагандистами с полу-эсеровских позиций.

К такого рода вульгаризаторству и упрощенчеству марксизма-ленинизма относится неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране.

Широкое распространение приобрели извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков, как на своего рода «нацифистов».

В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пронаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница сказалась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в принижении роли и значения социалистического государства, как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец этой и тому подобной вульгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, восстанавливая установки марксизма-ленинизма.

5) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей наглядно продемонстрировать силу и значение марксистско-ленинской теории, научно раскрывающей законы развития общества, — теории, которая учит применять эти законы для руководства революционной деятельностью пролетариата, — теории, кото-

рая, как и всякая паука, непрерывно развивается и совершенствуется и которая не боится заменять отдельные устаревшие положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что без знания теории марксизма-ленинизма, без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости, наши кадры будут хромать на обе ноги, ибо задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксистско-ленинской теории, требует умения руководствоваться теорией при решении вопросов практической деятельности.

Ошибочно думать, будто задача овладения теорией доступна лишь небольшому кругу работников. Овладение марксистско-ленинской теорией — дело наживное. Именно теперь, при Советской власти и победе социализма в СССР, созданы неограниченные возможности для того, чтобы наши руководящие кадры успешно овладевали марксистско-ленинской теорией, изучили историю партии, труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Для того, чтобы овладеть теорией марксизма-ленинизма, надо лишь проявить желание, настойчивость и твердость характера в достижении этой цели. Если можно успешно овладеть такими науками, как, например, физика, химия, биология, то тем более нет оснований сомневаться, что можно полностью овладеть наукой марксизма-ленинизма.

б) Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу помочь кадрам, ведущим теоретическую и пропагандистскую работу, перестроиться, улучшить качество работы, начать ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке и поднять пропагандистскую работу на должную высоту.

Все эти задачи, поставленные ЦК ВКП(б), нашли свое разрешение в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

II.

Каковы основные недостатки пропагандистской работы?

В каком направлении необходимо перестроить пропагандистскую и теоретическую работу партии?

1) Основным недостатком постановки партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающие отсюда кустарщина, неорганизованность в деле пропаганды.

Кустарничество и неорганизованность в области партийной пропаганды выразились прежде всего в том, что партийные организации основной формой пропаганды избрали устную пропаганду через кружки, забывая, что кружковый метод пропаганды был свойственен преимущественно нелегальному периоду партии, в силу условий работы партии в то время, и что в условиях Советской власти и при наличии в руках большевистской партии такого мощного орудия пропаганды, как печать, созданы совершенно новые условия и возможности для неограниченного размаха пропаганды и для централизованного руководства ею.

Вместо того, чтобы использовать эти возможности, партийные организации продолжают лепяться за старые формы пропаганды, не учитывая того, что кружки в нынешних условиях уже не могут являться главным методом обучения наших кадров большевизму, что основным методом обучения кадров марксизму-ленинизму должен являться испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения истории и теории большевистской партии, а партия должна прийти на помощь кадрам в этом отношении через печать и централизованную высококвалифицированную консультацию по возникающим у них в процессе изучения вопросам, через лекции, доклады и т. п.

Избрав основным методом пропаганды устную пропаганду через кружки, партийные организации увлеклись ошибочной затеей объединить в кружки всех коммунистов, поставив ставку на количественное расширение сети партийных кружков, на погоную за огульным «охватом» и при том в обязательном порядке всех без исключения коммунистов партийными кружками.

В погоне за количеством кружков, партийные организации вымуштровали из рук главное звено — качество пропаганды.

Обилие кружков, лишив партийные организации возможности контролировать пропагандистскую работу по существу, привело к тому, что партийные организации выпустили из своих рук руководство пропагандой, сведя свою деятельность главным образом к собиранию канцелярско-статистических сведений об «охвате» коммунистов учебной в кружках, их численности и посещаемости. В результате кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх.

Обилие кружков привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксистско-ленинской теории вредным упрощением и запутать своих слушателей.

В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из своих рук теоретическое руководство подготовкой и переподготовкой пропагандистских кадров и контроль за работой пропагандистов в кружках. Вместо того, чтобы централизовать руководство пропагандистами и обеспечить тем самым подъем качества работы с пропагандистами, парторганизации и в этом деле ошибочно взяли курс на количество, распылив дело помощи пропагандистским кадрам путем создания большого количества парткабинетов при предприятиях, семинаров пропагандистов, краткосрочных курсов пропагандистов и т. д. Погоня за количеством этих учреждений в ущерб качеству привела к тому, что парткабинеты и семинары пропагандистов оказались лишенными необходимого партийного руководства, а недостаток квалифицированных кадров руководителей семинаров и парткабинетов привел к снижению качества их работы, к неудовлетворенности пропагандистов постановкой дела в них, превращая посещение семинаров и кабинетов в формальную повинность.

Превратив посещение кружков в обязанность для членов партии, рассматривая партийцев как вечных школьников начальных классов, неспособных к самостоятельному изучению марксизма-ленинизма, парторганизации прибегли к целому ряду административных ухищрений для вовлечения и удержания членов партии в кружках, встали на путь мелочной опеки и регламентации работы коммунистов в кружках.

В работе кружков укоренились неправильные и тормозящие идейно-политический рост членов партии школярские методы, выразившиеся в насаждении «единых дней» учебы для всех кружков, единых регламентов их работы, в изгнании из кружков метода беседы и живой товарищеской дискуссии.

Не ограничиваясь этим, парторганизации задались бюрократической и вредной затеей «контролировать» каждого читающего марксистско-ленинскую книгу и заставлять отчитываться в прочитанном.

В результате этих неправильных установок в пропагандистской работе, у коммунистов, обязанных в течение ряда лет заниматься в одних и тех же кружках и лишенных надлежащей помощи в изучении марксистско-ленинской литературы у себя дома, теряется интерес к теоретической подготовке, а посещение занятий кружков зачастую превращается в тягостную обузу.

Нарушение принципа добровольности при вступлении в кружки, бюрократически-административная практика механического, принудительного зачисления членов партии в кружки, неправильный взгляд на кружки как на единственную форму партийного просвещения, подорвали у партийцев веру в то, что они могут успешно изучать марксизм-ленинизм путем самостоятельного чтения. Тем самым нанесен ущерб делу глубокого, самостоятельного усвоения коммунистами основ марксизма-ленинизма, идейному росту партийных кадров.

Необходимо восстановить коммунистам веру в свои силы и способности к овладению марксистско-ленинской теорией.

Необходимо разбить вредный предрассудок, будто учиться марксизму-ленинизму можно только в кружке, тогда как в действительности главным и основным способом изучения марксизма-ленинизма является самостоятельное чтение.

2) Одной из основных причин непомерного раздувания кружковой работы и устной пропаганды вообще, в ущерб пропаганде через печать, явился вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, явшедший свое выражение в раз-

тельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК накомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б).

В пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает возможность ту или иную истину сразу сделать достоянием всех, она поэтому сильнее устной пропаганды. Расщепление же руководства пропагандой между двумя отделами привело к приращению роли печати в пропаганде марксизма-ленинизма и, тем самым, к сужению размаха большевистской пропаганды, к кустарничеству и неорганизованности.

Отделы партийной пропаганды и агитации, ограничив свою деятельность устной пропагандой, погнавшись за количеством кружков, не использовали для дела пропаганды партийную печать, и в результате лишили себя возможности руководить пропагандой по существу.

В свою очередь отделы печати, будучи лишены необходимых квалифицированных кадров пропагандистов, которые почти целиком ушли в устную пропаганду, оказались неспособными вести пропаганду марксизма-ленинизма через печать.

3) Важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинской закалки наших кадров, нашей советской интеллигенции, — кадров партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, торговых, профсоюзных, сельскохозяйственных, просвещенских, военных, то-есть кадров партийного, государственного и колхозного аппарата, при помощи которых управляют рабочий класс и крестьянство Советской страной. Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упустила из виду командные кадры — нашу советскую, партийную и непартийную интеллигенцию, состоящую из вчерашних рабочих и крестьян.

«Краткий курс истории ВКП(б)» ставит одной из своих задач положить конец этому дикому, антиленинскому, пренебрежительному отношению к нашей, советской интеллигенции и к нуждам ее политического, ленинского воспитания.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращен, в первую очередь, к руководящим кадрам партийных, комсомольских, хозяйственных и иных работников, ко всей нашей партийной и непартийной интеллигенции как в городе, так и в деревне.

Наши партийные, советские, хозяйственные и другие руководящие ленинские кадры, занятые практической работой, сильно отстали в области теории. Создавая курс истории партии, ЦК ВКП(б) ставил задачу начать ликвидацию этой теоретической и политической отсталости наших кадров.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что «...если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» (Сталин).

ЦК ВКП(б) исходил из того, что искусство большевистского руководства требует знания теории, т. е. законов развития общества, законов развития рабочего движения, развития пролетарской революции, развития социалистического строительства и умения пользоваться этими законами в практической работе по руководству социалистическим строительством.

Все наши кадры составляют огромную армию советской интеллигенции. Советская интеллигенция всеми своими корнями связана с рабочим классом и крестьянством. Это совершенно новая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира.

Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы Советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это — вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, выдвинувшиеся на командные посты. Особое значение

имеет интеллигенция в такой стране, как наша, где государство направляет все отрасли хозяйства и культуры, в том числе и сельское хозяйство, и где каждый государственный работник, чтобы сознательно и с успехом выполнять свою работу, должен понимать политику государства, его задачи во вне и внутри страны.

Следовательно, задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач партии большевиков.

ЦК ВКП(б) констатирует, что несмотря на столь важную роль интеллигенции в советском государстве, до настоящего времени еще не преодолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение на нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в дореволюционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

Это пренебрежительное отношение к интеллигенции находит свое выражение в запущенности идейно-воспитательной работы с кадрами, в забросе политической работы среди интеллигенции, служащих, учителей, врачей, студенчества, колхозной интеллигенции и т. д., в пренебрежительно-высокомерном отношении к партийному и непартийному интеллигенту, как к человеку второго сорта, хотя бы это был выдающийся стахановец, выдвинутый в силу своих заслуг на руководящий пост советского государства.

Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для советского государства. Необходимо понять, что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишённая идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры.

ЦК ВКП(б) считает, что этому «махаевскому», антиленинскому отношению к интеллигенции необходимо положить конец.

Необходимо воспитать советскую интеллигенцию в духе марксизма-ленинизма.

Без такой интеллигенции советское государство не может с успехом руководить страной.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является средством такого воспитания советской интеллигенции.

III.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать неправильной практику погони за количеством охватом коммунистов кружками сети партпросвещения в ущерб качеству пропаганды, приводящую к дроблению сил и принижению уровня пропагандистской работы.

2. Обязать партийные организации дифференцировать организационное кустарничество в деле партийной пропаганды, установить необходимую централизацию в руководстве ею и перестроить организацию партийной пропаганды таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня.

3. В основу пропаганды марксизма-ленинизма положить «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Дифференцировать изучение истории ВКП(б) следующим образом:

Для **низового** звена кадров, в числе которых имеется значительная часть недостаточно подготовленных товарищей, целесообразно изучать курс в сокращенном объеме по трем основным этапам истории партии: 1) борьба за создание большевистской партии (I—IV главы), 2) партия большевиков в борьбе за диктатуру пролетариата (V—VII главы), 3) партия большевиков у власти (VIII—XII главы).

Для **среднего** звена, состоящего из сравнительно более подготовленных товарищей и являющегося наиболее многочисленным звеном наших кадров, ЦК ВКП(б) рекомендует изучение «Курса истории ВКП(б)» полностью, по 12 содержащимся в нем главам.

Для **высшего** звена, т. е. для наиболее подготовленных товарищей целесообразно изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы, одновременно

с изучением соответствующих произведений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина по первоисточникам.

4. Исходя из того, что главным методом изучения марксизма-ленинизма должен стать метод самостоятельного изучения, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий сократить количество кружков партийного просвещения.

Вместо существующих ныне на каждом крупном предприятии, в учреждении, в вузе многих десятков, а иногда и сотен кружков, при правильном подходе к делу окажется целесообразным иметь на крупном предприятии, в крупном учреждении, примерно, 2—3 кружка для низовых кадров, 2—3 кружка среднего уровня и 1 повышенный кружок для самых развитых и подготовленных людей, а в вузах несколько кружков среднего и повышенного типа.

В сельских районах при наличии желающих изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» в кружках и при наличии квалифицированных пропагандистов можно иметь несколько кружков для сельской интеллигенции: партийного и советского актива, учителей, торгово-кооперативных работников, колхозного актива и т. д.

При сокращении количества кружков необходимо исходить из задачи обеспечить их действительно квалифицированными пропагандистами.

5. Ликвидировать административно-бюрократическую практику принудительного зачисления коммунистов в кружки партийного просвещения.

Разъяснить каждому коммунисту, что участие в кружках является делом исключительно добровольным.

6. Работа кружков должна быть построена на основе живой беседы и товарищеской дискуссии. Из кружков должны быть решительно изгнаны вредные школьско-административные методы, казенщина и схематизм, тормозящие идейное воспитание партийных и непартийных большевиков. Пропагандисты должны давать товарищеское разъяснение по интересующим членов кружка вопросам.

Необходимо покончить с формально-бюрократической регламентацией работы кружков (единый день партийной учебы, двухчасовые занятия сразу же после работы, отказ от постановки практических вопросов, интересующих участников кружка и т. п.). Расписание занятий каждого кружка должно устанавливаться его участниками вместе с пропагандистом, исходя из местных условий. Каждое занятие должно продолжаться столько, сколько участники кружка сочтут необходимым для основательного обсуждения поставленных вопросов.

Работа кружков должна быть организована так, чтобы не растягивать занятия на слишком долгий период времени. Необходимо избежать одного из коренных недостатков теперешних кружков, когда неограниченное количество времени уделяется первым темам, а послеоктябрьский период, имеющий важнейшее значение в истории партии, остается неизученным.

Кружки по изучению истории партии должны формироваться так, чтобы обеспечить более или менее однородный уровень общеобразовательной и политической подготовки их участников. По уровню подготовки целесообразно иметь три типа кружков в соответствии с дифференцированным характером изучения «Краткого курса истории ВКП(б)»:

а) кружки для низового звена наших кадров, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» в сокращенном объеме и с более доступным изложением вопросов теории;

б) кружки для среднего звена, изучающие полностью «Краткий курс истории ВКП(б)» по отдельным главам;

в) кружки для наиболее подготовленных товарищей, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы с одновременным чтением первоисточников.

7. Ввести в практику лекции, являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма. Хорошо подготовленная, содержательная лекция должна являться серьезной помощью товарищам, самостоятельно изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма. Необходимо также ставить лекции по вопросам международного положения и по отдельным теоретическим и политическим вопросам. Считать целесообразным, чтобы после лекции лектор отвечал на

заданные вопросы. Ввести в практику организацию открытых лекций с небольшой платой за посещение.

8. Ликвидировать кустарщину и бесконтрольность в работе с пропагандистами, выразившиеся в погоне за огульным насаждением парткабинетов и семинаров пропагандистов. Обязать парторганизации в двухмесячный срок изучить и пересмотреть сеть парткабинетов, сократив их количество, оставив парткабинеты для помощи пропагандистам и консультации для занимающихся политическим самообразованием, как правило, при горкомах и райкомах партии. Не обеспеченные квалифицированными консультантами, партийные кабинеты на предприятиях и в учреждениях должны быть сокращены, или использованы в качестве читален и библиотек для занимающихся самообразованием. Обязать парторганизации сократить количество пропагандистских семинаров, сосредоточив работу семинаров пропагандистов при крупных городских райкомах, при горкомах, обкомах и крайкомах ВКП(б).

Партийные организации при создании семинаров пропагандистов должны обеспечить их марксистски-образованными, политически проверенными руководителями. Горкомы, обкомы и крайкомы ВКП(б) должны осуществлять постоянный контроль за содержанием работы семинаров пропагандистов.

Работа семинаров пропагандистов по истории ВКП(б) должна быть построена применительно к трем основным формам изучения истории ВКП(б) и, при этом, с таким расчетом, чтобы семинары пропагандистов при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» шли значительно раньше кружков.

Семинар не может быть местом для «накачивания» пропагандистов. Занятия в семинарах пропагандистов надо поставить таким образом, чтобы была обеспечена творческая работа каждого участника семинара, велось живое обсуждение теоретических вопросов, чтобы была обеспечена товарищеская дискуссия по теоретическим и методическим вопросам.

9. Обязать Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) объединить наиболее квалифицированных пропагандистов нашей партии, лекторов, докладчиков, консультантов, которые должны сотрудничать в теоретических журналах, в центральных газетах, выступать с лекциями и докладами на местах, оказывать действенную помощь местным партийным организациям в пропаганде марксизма-ленинизма.

Считать необходимым собирать и систематически публиковать на страницах печати опыт лучших пропагандистов, их занятия, консультации, лекции.

Рекомендовать горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий практиковать регулярный созыв пропагандистов и работников печати для обсуждения основных вопросов пропаганды.

10. Ликвидировать недооценку значения печати как важнейшего орудия марксизма-ленинизма и всесоюзной трибуны пропаганды.

Поднять роль печати в деле пропаганды марксизма-ленинизма. С этой целью обязать редакции «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет систематически помещать на страницах газет статьи по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, консультации, лекции лучших пропагандистов, «ответы» на «вопросы» читателей. Организовать в составе редакций «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет, отделы пропаганды, поставив во главе их теоретически подготовленных товарищей, и привлечь к работе в отделах пропаганды редакций лучших пропагандистов.

Считать необходимым перестроить журнал «Большевик» с тем, чтобы он являлся теоретическим органом партии и всесоюзной консультацией по вопросам марксизма-ленинизма, давая на своих страницах ответы и разъяснения по интересующим членов партии и беспартийных теоретическим и политическим вопросам.

Обязать Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Госполитиздат обеспечить издание популярных брошюр в помощь пропагандистам и особенно низовому активу, изучающему историю партии, а также разработать план издания пособий по истории партии.

11. Осудить как дикость и хулиганство пренебрежительное отношение к совет-

ской интеллигенции и к задачам ее идейно-политического воспитания в духе марксизма-ленинизма. Обязать партийные организации восстановить правильное большевистское отношение к советской интеллигенции и развернуть идейно-политическую работу среди интеллигенции, среди служащих, студенчества и колхозной интеллигенции. Считать первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма.

12. Отметить серьезное отставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении начетчиства и буквоедства, в вульгаризации и опошлении отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства. Призвать всех работников теоретического фронта решительно и быстро выправить нетерпимое отставание теоретического фронта, покончив с боязнью смелой постановки теоретических вопросов,двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетчиством, схоластикой, вульгаризацией и опошлением отдельных положений марксистско-ленинской теории.

13. Ликвидировать запущенность идеологического хозяйства, которая нашла, в частности, свое выражение в неудовлетворительной работе Института Маркса — Энгельса — Ленина, допустившего ряд искажений и неточностей при переводах на русский язык сочинений Маркса и Энгельса, а также грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений Ленина.

14. Обязать Институт Маркса — Энгельса — Ленина в кратчайший срок исправить искажения, допущенные в переводах сочинений Маркса — Энгельса на русский язык, а также грубейшие политические ошибки, содержащиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина, например, к XIII тому.

Обязать Институт Маркса — Энгельса — Ленина ускорить переиздание сочинений Маркса — Энгельса и В. И. Ленина.

15. Отметить оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии, их самозамыкание и тенденции к академизму.

Обязать редакции теоретических журналов перестроить свою работу, обеспечив на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров, разработку новых теоретических проблем и творческую дискуссию по вопросам теории.

16. В дополнение к системе политической переподготовки руководящих партийных кадров, установленной февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б), провести следующие мероприятия по переподготовке и подготовке квалифицированных пропагандистских кадров партии:

а) Организовать годовые курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы переподготовки пропагандистов, организованные в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годовых курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Общий контингент слушателей всех годовых курсов переподготовки пропагандистов установить в количестве 1 500—2 000 человек, с тем, чтобы в этом составе, примерно, половину составляли газетные работники.

б) Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодовым курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии.

17. Построить преподавание марксистско-ленинской теории в высших учебных заведениях на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». В связи с этим:

а) Взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма, ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма», сохранив в учебном плане общее количество часов, отводившееся ранее на социально-экономические дисциплины. Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание политической экономии должно проводиться после изучения «Истории ВКП(б)».

б) Вместо ныне существующих отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма.

в) В университетах и институтах, где имеются факультеты философские, исторические, литературные, сохранить на этих факультетах преподавание курса диалектического и исторического материализма.

г) Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзному Комитету по делам высшей школы отобрать к началу учебного 1939—40 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б). Предложить ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и горкомам ВКП(б) отобрать теоретически подготовленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма.

д) Организовать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма для вузов.

IV.

В целях коренного улучшения партийного руководства пропагандой марксизма-ленинизма, ЦК ВКП(б) постановляет:

18. Объединить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), создав единые отделы пропаганды и агитации.

19. Сосредоточить в отделах пропаганды и агитации всю работу по печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма и массовой политической агитации (партийная пресса; издание пропагандистской и агитационной литературы; организация печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма; контроль за идейным содержанием пропагандистской работы; подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров; организация массовой политической агитации).

В основу работы отделов пропаганды и агитации положить практическое проведение в жизнь настоящего решения ЦК ВКП(б).

20. Для поднятия качества пропаганды марксизма-ленинизма считать необходимым, чтобы в деле пропаганды парторганизации опирались впредь, как правило, на кадры освобожденных от всякой другой работы товарищей, могущих полностью посвятить себя этой работе и неустанно повышать свою теоретическую и пропагандистскую квалификацию.

В связи с этим поручить обкомам и крайкомам ВКП(б) отобрать лучших пропагандистов на постоянную пропагандистскую работу.

21. Работники отделов пропаганды и агитации должны подбираться парторганами из числа наиболее квалифицированных пропагандистов-профессионалов и партийных литераторов.

В составе отделов пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов и горкомов ВКП(б) должны быть организованы лекторские группы.

22. В связи с тем, что сокращение количества кружков, а также партийных кабинетов на предприятиях и в учреждениях высвободит часть пропагандистских работников в городах, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий передвинуть наиболее подготовленных из числа этих работников для усиления пропагандистской работы в сельские районы.

23. Реорганизовать существующие культпропы горкомов и райкомов партии в отделы пропаганды и агитации. Считать необходимым создание отделов пропаганды

и агитации также и в тех райкомах, где в настоящее время не имеется культпропов. Установить, что создание отделов пропаганды и агитации в райкомах партии разрешается ЦК ВКП(б) для каждого района в отдельности по мере подбора квалифицированных работников, по представлению обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий.

Включить в состав отделов пропаганды и агитации горкомов, райкомов партии городские и районные партийные кабинеты с тем, чтобы заведующие парткабинетами одновременно являлись заместителями заведующих отделов пропаганды и агитации.

24. Установить, что заведующие отделами пропаганды и агитации обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, окружкомов, горкомов и райкомов партии утверждаются ЦК ВКП(б), а все остальные ответственные работники отделов пропаганды и агитации этих комитетов утверждаются бюро обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий.

Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий в двухмесячный срок полностью подобрать и утвердить работников отделов пропаганды и агитации.

25. Ввиду тесной связи работы Института Маркса—Энгельса—Ленина с пропагандой марксизма-ленинизма, считать необходимым передать Институт Маркса—Энгельса—Ленина в ведение Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

26. ЦК ВКП(б) обязывает все партийные комитеты серьезно заняться пропагандой марксизма-ленинизма — кровным делом большевистской партии. Комитеты партии обязаны руководить делом пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание. Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий должны взять в свои руки руководство перестройкой всего дела организации пропаганды марксизма-ленинизма в соответствии с настоящим постановлением.

Указывая всем партийным организациям, что перестройка всего дела партийной пропаганды в духе настоящего решения ЦК потребует от партийных органов особого внимания и заботы, ЦК предупреждает парторганизации от опасности механически-формального подхода к перестройке пропаганды, от каких бы то ни было попыток огульного охаивания всего прошлого опыта пропагандистской работы.

В целях улучшения руководства делом партийной пропаганды установить, что в каждом горкоме, обкоме, крайкоме и ЦК нацкомпартий должен быть специальный секретарь, занимающийся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации.

* * *

ЦК ВКП(б) предлагает райкомам, горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий разъяснить настоящее решение партийному активу и всем членам партии.

ЦК ВКП(б) подчеркивает, что выход в свет «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» должен стать началом поворота наших кадров — партийных, комсомольских, советских, профсоюзных, хозяйственных, культурных работников, кадров всей советской интеллигенции, — к ликвидации своей теоретической отсталости.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Овладевая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непобедимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

21-ая ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДОКЛАД ТОВАРИЩА МОЛОТОВА НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
МОСКОВСКОГО СОВЕТА 6-го НОЯБРЯ 1938 г.

Товарищи! Год назад мы с гордостью праздновали двадцатилетие Великой Октябрьской Революции. За эти 20 лет создалась хорошая традиция: неуклонно, из года в год, продвигаться вперед в развитии нашего народного хозяйства, в подеме благосостояния и культуры народных масс и во всех других отраслях социалистического строительства.

21-й год Октябрьской Революции хорош тем, что, придерживаясь этой славной традиции, он сделал новый крупный шаг вперед в деле роста всех внутренних сил социалистического государства и в деле дальнейшего укрепления международного авторитета Советского Союза.

Вырвавшись 21 год тому назад из цепей капитализма, рабочие и крестьяне нашей страны получили неограниченные возможности, чтобы создать для себя свободную, обеспеченную, культурную, счастливую жизнь. Это происходит в такой период, когда в странах капитализма гнет буржуазии, террористическая диктатура насильников-фашистов и разжигание новой империалистической войны приобретают все больший размах, все большую опасность.

21-я годовщина Октябрьской социалистической революции говорит своими делами, своими новыми победами в стране социализма о том, что не только для нашего народа, но и для народов других стран, социалистическая революция является единственно верной дорогой к освобождению от гнета капитализма, от гнета фашизма, от новых кровавых империалистических войн. Как бы ни был силен гнет фашизма, как бы рабочие и все трудящиеся ни были придавлены фашистским сапогом, можно с уверенностью сказать, что и здесь, в странах фашизма, в странах капитализма, среди широких масс трудящихся все больше зреет мысль о правильности нашего советского пути к свободе, миру и счастливой жизни. (А п л о д и с м е н т ы.)

I. Внутреннее развитие СССР.

За это говорит, прежде всего, весь ход внутреннего развития СССР.

Куда ни помотришь, в нашем народном хозяйстве идет продвижение вперед. Это не значит, что у нас нет отсталых отраслей хозяйства. Есть и такие. Нам приходится принимать специальные меры в отношении отстающих отраслей. Но основная линия нашего развития в народном хозяйстве говорит сама за себя — она отражает неуклонный подъем и могучий рост сил Советского Союза.

Как известно, вредители все делали для того, чтобы подорвать подъем нашей промышленности и транспорта. Они знали, что бьют по самому чувствительному нерву государства. Поэтому иностранные разведки так настойчиво толкали своих агентов на это дело.

Однако, если им и удалось затормозить там или тут нашу работу, то остановить подъем нашей промышленности и транспорта не в их силах. Факты на этот счет говорят самым убедительным образом.

В этом году за первые 10 месяцев, по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, мы имеем подъем крупной промышленности на 12,5 процентов. Это означает, что с января до ноября текущего года, против соответствующих 10 месяцев прошлого года, мы получили прирост продукции только по крупной промышленности на 7 миллиардов 150 миллионов рублей. Сравните этот факт с тем, что среднегодовой прирост промышленной продукции за период первой пятилетки достигал всего 5 с половиной миллиардов рублей. Таким образом, успешное продвижение нашей промышленности вперед совершенно очевидно. Мы должны постараться, чтобы за оставшиеся 2 месяца этого года увеличить этот прирост еще на пару миллиардов рублей.

Если наша промышленность свободна от кризисов и с каждым годом делает все новые шаги вперед, то нельзя этого сказать о промышленности капиталистических стран. Достаточно указать на то, что за последние 8 лет промышленность капиталистических стран переживает второй кризис. Первый кризис продолжался с середины 1929 до конца 1933 года, то-есть больше чем 4 года, захватив, хотя и весьма неравномерно, все капиталистические государства. Прошло всего 3 года после окончания этого тягчайшего кризиса и в 1937 году начался новый кризис в промышленности ряда капиталистических стран. Он продолжается и в этом году, захватив, хотя и в разной мере, большинство капиталистических стран. Уровень всей капиталистической промышленности даже в 1937 году, когда новый кризис только начался, превышал всего на 3% уровень этой промышленности в 1929 году. Это в то время, как продукция промышленности Советского Союза в 1937 году почти в 4 раза превышала размеры продукции нашей промышленности в 1929 году.

Эти факты дают представление о том, насколько различно положение промышленности в капиталистических странах по сравнению с положением промышленности в Советском Союзе.

Октябрьская Революция вывела нашу промышленность на такую дорогу, о которой может только мечтать любящий родину гражданин другой страны.

Это значит, что никакие вредители не могли и не могут помешать под'ему нашей промышленности и ее расцвету. Это значит, что наши стахановки и стахановцы, наши честные хозяйственники и инженерно-технические работники знают куда вести дело, умеют бороться за под'ем социалистической промышленности, умеют преодолевать все и всякие препятствия на этом пути.

Наше сельское хозяйство в этом году встретилось с известными трудностями, в связи с летней засухой в Новозыбке и в некоторых прилегающих областях.

Несмотря на это, валовой сбор зерновых выше, чем в 1936 и 1935 годах и лишь немногим меньше валового сбора прошлого года, когда мы имели рекордно высокий урожай.

Насколько окрепло наше сельское хозяйство, видно также из следующего: заготовки зерна в этом году идут на уровне прошлого года, когда у нас был высокий урожай во всех районах. Могу заверить вас, товарищи, что наше государство настолько обеспечено хлебом и наши запасы настолько велики, что теперь нам не страшны никакие засухи и никакие другие неожиданности. (Б у р н ы е а п л о д ы с м е н т ы.)

Не только по зерну, но и по хлопку, и по свекле, и по другим сельско-хозяйственным культурам мы с полной уверенностью обеспечиваем теперь все потребности государства.

В нашей стране колхозы, колхозный строй со всей его новой техникой и новой организацией, создали такие условия для под'ема сельского хозяйства и для улучшения жизни колхозников, о которых прежний крестьянин не мог и мечтать. Недаром в нашей промышленности и на стройках теперь часто сказывается недостаток рабочих. Жизнь в деревне, по сравнению с прошлым, стала гораздо более обеспеченней, во много раз культурней и привлекательней.

Под'ем народного хозяйства, под'ем промышленности и колхозного производства составляют основу роста благосостояния масс Советского Союза. Об этом говорит и рост товарооборота.

За первые 10 месяцев 1938 года против соответствующего периода прошлого года наш товарооборот возрос на 8,5%. Это составляет увеличение товарооборота почти на 9 млрд. рублей. Рост не маленький. И все же мы не можем сказать, что это достаточный для нас рост.

Каждый знает, что в отношении продовольственных продуктов у нас теперь недостатка нет, как это еще было несколько лет тому назад. С этой задачей мы справились и справляемся все более успешно.

Другое дело насчет других промышленных товаров. Здесь у нас еще есть немалая нехватка. Мы упорно работаем над тем, чтобы поскорей справиться и с этой важной задачей.

Но интересно и здесь сравнить наше положение с положением дел в капиталистических государствах.

Вы уже слышали, что с 1929 года до 1937 года промышленная продукция во всех капиталистических странах, вместе взятых, увеличилась всего на 3 проц., а в этом году, ввиду растущего экономического кризиса, уровень производства промышленных товаров за пределами СССР значительно ниже даже 1929 г. И все же буржуазная печать за границей не пишет о нехватке там товаров. Нетрудно понять, почему это происходит. Если бы заработок трудящихся рос, а не падал, там неизбежно возрос бы спрос и была бы нехватка товаров. Но этого там нет. Там растет армия безработных, там буржуазия урезывает заработную плату рабочих, там сокращаются доходы простых труженников деревни и поэтому вместо нехватки товаров капиталистические страны переживают недостаток спроса и кризис сбыта товаров.

В нашей стране мы имеем обратное положение. Зарботки рабочих и доходы крестьян быстро растут. Мы не поспеваем с производством промышленных товаров за растущим спросом. Это, конечно, для нас не оправдание. Мы должны научиться поспевать за этим спросом, мы должны гораздо быстрее развивать нашу промышленность, гораздо быстрее увеличивать производство товаров широкого потребления, должны развивать не только крупные и средние, но и мелкие, а также кустарные предприятия, которые увеличат количество нужных промышленных товаров. Мы должны лучше организовать производство промышленных товаров в городе и деревне. Тогда рост зарботков рабочих и служащих и рост доходов колхозников не будет вызывать нехватки на наших рынках. Мы можем и должны справиться с этой задачей в непродолжительный срок.

Но кто не знает, что в капиталистических государствах, где нет разговоров о недостатке товаров в торговле,— это не показатель благосостояния трудящихся, а напротив — это показатель бедности и обнищания трудящихся масс.

У нас — другое дело. В нашей стране только за прошлый год зарботки рабочих увеличились на 10,5 миллиардов рублей. Растут и доходы колхозников. Мы можем радоваться росту благосостояния рабочих и крестьян в нашей стране. Но из этого следует, что нашей задачей является: навстречу этим растущим доходам трудящихся двинуть расширенное производство, как промышленных, так и продовольственных товаров.

Наше внутреннее развитие находит свое замечательное выражение и в политической области.

21-й год Октябрьской Революции был в этом отношении особенно показателен. Достаточно вспомнить о выборах в Верховный Совет Союза и в Верховные Советы республик. Блок коммунистов и беспартийных одержал на этих выборах блестящую победу, великое значение которой нам всем понятно. Этот блок под знаменем партии Ленина—Сталина собрал всю массу трудящихся: 98—99% всего народа. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Выборы в Верховные Советы республик, происходившие через полгода после выборов в Верховный Совет Союза, показали, что политический подъем в нашей стране не ослабевает, а растет.

Мы говорили о том, что к двадцатилетию Октябрьской Революции сложилось прочное моральное и политическое единство нашего народа, строящего социализм. Мы видим, что за истекший год моральное и политическое единство нашего народа окрепло и стало великой силой. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Этим объясняется, что среди трудящихся города и деревни растут ряды славных стахановцев и стахановок, что из молодежи и из новых слоев советской интеллигенции все быстрее растут замечательные работники культуры, техники, науки и искусства. Надо нам только научиться лучше организовывать их работу, лучше поддерживать всех передовых работников промышленности, сельского хозяйства, культурного строительства, техники и науки, всячески помогать развитию их инициативы.

Наши дни богаты замечательными примерами героизма в труде, в завоевании природы, в защите родины. Такие люди, как Папанин и папанинцы, замечательные летчики — Боккинаки и Бряндинский, изумившие всех своей отвагой, такие замечательные летчицы, как Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова, славные защитники Советского Приморья, имена которых стали всем нам самыми

близкими именами — все они стали любимцами народных масс. (Бурные аплодисменты.)

А сколько сердец зажгли эти люди своим примером, своей преданностью родине, своим беззаветным героизмом мы узнаем только позже, в событиях завтрашнего дня!

И замечательные стахановцы, герои социалистического труда, и славные герои Арктики и авиации, и герои — защитники родины, и сам рост их числа, и заразительность их примера среди широких слоев трудящихся — все это говорит о том, что народы Советского Союза живут новой, действительно, замечательной жизнью.

Эту жизнь создала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Народ прославляет все новые имена своих героев, которые своим трудом, знаниями и подвигом прославляют нашу родину.

И во всем этом видна ведущая и вдохновляющая воля нашей великой большевистской партии и ее вождя — товарища Сталина. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

II. Международное положение и СССР.

Перехожу к международным делам.

Все основное, необходимое для понимания современной международной обстановки, вы найдете в последней главе только что вышедшей в свет «Истории ВКП(б)». Там это сказано метко и бьет прямо в цель.

Там указано, как последние экономические кризисы обострили противоречия между буржуазией и пролетариатом в странах капитализма и как усилились попытки агрессивных государств возместить потери от экономического кризиса внутри страны за счет других, слабо защищенных, стран. Там указано, как в 1935 году фашистская Италия напала на Абиссинию и поработила ее. При этом имелась в виду не только сама Абиссиния, но и Англия, удар по ее интересам, по морским путям Англии из Европы в Индию, в Азию. Там указывается на то, как фашистские страны, Германия и Италия, в 1936 году начали военную интервенцию против Испанской республики. Под предлогом борьбы с «красными» в Испании, германские и итальянские фашисты ввели свои воинские части в Испанию, расположившись в тылу у Франции и, вместе с тем, перехватив морские пути Англии и Франции к их колониальным владениям в Африке и Азии. Там указывается и на то, как фашистская Германия насильственно захватила в 1938 году Австрию. Этим германские фашисты прокладывают себе путь не только в районе реки Дуная и на юге Европы, но и вообще обнаруживают свое стремление к гегемонии в Западной Европе.

Все это создало целый ряд узлов империалистической войны в странах Европы. Не видит этого только тот, кто ничего в международных делах не хочет видеть.

Кроме того, там указывается на то, как в 1937 году японская военщина захватила Пекин и Шанхай, вторглась в Центральный Китай и раскинула свой империалистический захватнический план на захват и подчинение всего Китая. Это значит, что интересам Англии и США, которые ведут большую торговлю с Китаем, Япония стремится нанести серьезный удар и уже добилась известных результатов. События последних дней лишь обостряют положение в Китае. Это также создает базу для развязывания войны между империалистическими державами.

Из всего этого в «Истории ВКП(б)» делается следующий вывод:

«Все эти факты показывают, что вторая империалистическая война на деле уже началась. Началась она втихомолку, без объявления войны. Государства и народы как-то незаметно вползли в орбиту второй империалистической войны. Начали войну в разных концах мира три агрессивных государства, — фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии. Война идет на громадном пространстве от Гибралтара до Шанхая. Война уже успела втянуть в свою орбиту более полмиллиарда населения. Она идет в конечном счете против капиталистических интересов Англии, Франции, США, так как имеет своей целью передел мира и сфер влияния в пользу агрессивных стран и за счет этих так называемых демократических государств.

Отличительная черта второй империалистической войны состоит пока-что в том, что ее ведут и разворачивают агрессивные державы, в то время как другие державы, «демократические» державы, против которых собственно и направлена война, делают вид, что война их не касается, умывают руки, пьются назад, восхваляют свое миролюбие, ругают фашистских агрессоров и... сдают немаленьку свои позиции агрессорам, уверяя при этом, что они готовятся к отпору».

В «Истории ВКП(б)» дается марксистское объяснение такого положения. Дело вовсе не в военной или экономической слабости «демократических» государств. Дело — совсем в другом. Дело в том, что отсутствует единый фронт «демократических» государств против фашистских держав», дело в том, что «демократические» государства, не одобряя «крайностей» фашистских государств и боясь усиления последних, «еще больше боятся рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии, считая, что фашизм является «хорошим противоядием» против всех этих «опасных» движений».

Обо всем этом надо помнить, чтобы судить о внешней политике Советского Союза и о всех международных событиях последнего времени.

Возьмем события в Советском Приморье, в районе озера Хасан. Сейчас нет нужды восстанавливать детали этих событий. Они происходили в конце июля и начале августа, и у всех остались в памяти.

Суть дела здесь в следующем. Как говорится, среди белого дня японская военщина сделала попытку оторвать кусок советской территории на Дальнем Востоке. За мотивами в таких случаях японские фашисты далеко не ходят. Вопреки очевидным фактам, вопреки международным договорам, они объявили было часть советской территории в районе озера Хасан территорией Манчжоу-Го, иначе говоря, японской территорией, а после этого пустили в ход не только свою «испытанную» в таких делах дипломатию, но и японские войска. Разумеется, этот захват советской территории им не удался и не мог удался. Они просто не поняли, с кем имеют дело. (А п л о д и с м е н т ы.) Пришлось убеждать доступными для них аргументами. Если японским фашистам требовалось, чтобы убедительно заговорила наша артиллерия и наша авиация, то они этого добились. Получив хороший отпор, а, пожалуй, и хороший урок, японские войска отошли на свою территорию, и советская граница полностью была восстановлена. (А п л о д и с м е н т ы.)

Теперь несколько слов о смысле этих событий.

Нам теперь точно известно, что вопрос о захвате горы Заозерной (Чанкуфын) и, значит, весь вопрос о событиях в районе озера Хасан решался, собственно, не в Токио, а в другом месте — где-то в Европе, а скорее всего в Берлине. Японская военщина должно быть хотела поддержать своих фашистских друзей в Германии и, не раскинув умом, попала на удочку каких-то своих мелких агентов. Если господа японские и германские фашисты хотели испытать, во-первых, твердость нашей внешней политики и, во-вторых, боевые качества Красной Армии, то по обоим этим вопросам они получили ясный и вразумительный ответ. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Они хорошо знали, что нами провозглашен принцип: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». (А п л о д и с м е н т ы.) Однако, у японских империалистов в Китае вошло в привычку грубое нарушение права другого народа. С другой стороны, германским фашистам это не раз уже удавалось в отношении народов Европы. Видимо, на этом основании японо-германские участники «антикоммунистического пакта» решили эту империалистическо-захватническую практику перенести и на СССР. Попытались перенести, но... просчитались. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Японское нападение в Советском Приморье дало нам повод продемонстрировать не только японским империалистам, но и всему миру, что Советский Союз до коппа верен своим заявлениям, своей внешней политике и что с ним опасно шутить. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Через своих плохих разведчиков японские и германские фашисты были, видно, сильно обмануты в расчет боевых качеств наших пограничников и красноармейцев. В этом они убедились, получив крепкий отпор. Теперь для самоутешения им ничего не остается, как распространять всякие небывшие о слабости Красной Армии и советской авиации через всяких прохожимцев, через всяких Линдбергов. Но пусть верит, кто хочет, наемным агентам, вроде шипка Линдберга. Мы предпочитаем верить фактам. И даже нашим врагам не советуем забывать о таких фактах, как героические дела красноармейцев у Хасана. Мы знаем, что как у японских, так и у германских фашистов не было желания популяризировать Красную Армию, но независимо от своих желаний они добились того, что красноармейские части в Советском Приморье продемонстрировали свои прекрасные боевые качества и силу советского патриотизма.

Непреклонная верность СССР своей мирной внешней политике и готовность до конца отстоять советские границы от всяких нападений,— вот итог событий у Хасана, имеющий большое международное значение.

Перейдем к последним событиям в Европе.

Уроки последних событий, связанных с Чехословакией, во многом поучительны. Руководители английского и французского правительств охотно изображают Мюнхенское соглашение Англии, Германии, Франции и Италии как большую победу дела мира, а себя — великими миротворцами. Правда, далеко не все этому верят и, пожалуй, имеют на это серьезные основания.

В самом деле, как развивались события вокруг Чехословакии? Кто в этих событиях был действительным победителем и кто побежденным? Вспомните в действительные факты и станет ясным, что здесь надо говорить, по крайней мере, о двух «победах».

Первым решающим событием в чехословацком вопросе надо признать «победу», одержанную совместными усилиями правительств Англии и Германии не над кем-либо, а... над правительством Франции. Два правительства — правительство Англии и правительство Германии — «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии. Такова была первая «победа» в ходе этих событий.

Это уже предreshало и последний этап в решении вопроса о Чехословакии. Оставалось нетрудное дело, оставалось правительствам 4-х государств — Англии, Германии, Франции и Италии — сговориться и «победить» правительство Чехословакии. 4 наиболее сильных империалистических государства Европы без особого труда действительно «победили» и маленькую Чехословакию. Сговор фашистских и, так называемых, «демократических» держав Европы в Мюнхене состоялся и «победа» над Чехословакией была одержана полная.

Все остальное пошло, как по маслу. Германский империализм отхватил от Чехословакии больше, чем он сам мог рассчитывать. Поживилась Польша, как союзник германского фашизма по расчленению Чехословакии. С жадностью откусила солидный кусок Венгрия. Это не значит, что аппетиты малых и больших хищников Европы удовлетворены. Напротив, их, эти аппетиты, только разожгли еще больше и возбудили усиленную борьбу вокруг новых разделов не только Чехословакии, но и некоторых других европейских стран.

Советский Союз не участвовал и не мог участвовать в сговоре империалистов фашистских и, так называемых, «демократических» правительств за счет Чехословакии. Советский Союз не участвовал и не мог участвовать и в расчленении Чехословакии для удовлетворения аппетитов германского фашизма и его союзников. Но ни у кого не могло остаться сомнения в том, какой политики держался Советский Союз в этом вопросе. Если французское правительство отказалось от своего договора с Чехословакией в момент решительного его испытания и помогло сговору Англии с германским фашизмом за счет как-никак демократической Чехословакии, то Советский Союз показал, что его отношение к международным договорам совсем другое. Советский Союз показал и продемонстрировал перед всем миром, что его верность заключенным договорам о борьбе с агрессией непоколебима. (А п л о д и с м е н т ы.)

Несмотря на все, в том числе и на самые жульнические попытки изобразить советскую позицию в чехословацком вопросе как уклончивую и неопределенную, это не удалось и очень ловким людям. Французское же и английское правительства пожертвовали не только Чехословакией, но и своими интересами ради сговора с агрессором.

Подняли ли этим правительства Франция и Англии уважение к своим правам в глазах германского и итальянского фашизма? Пока не видно. Скорее напротив, их международный авторитет значительно пошатнулся. Как известно, в последнее время в Вене дележка чехословацкой территории велась уже без их участия, а путем простого сговора германского и итальянского фашизма. Но одно ясно: Советский Союз не дал себя запугать угрозами со стороны фашистских стран, чего нельзя сказать о некоторых так называемых «демократических» странах. Советский Союз, напротив, демонстрировал перед всеми странами свою верность заключенным договорам и международным обязательствам и свою готовность к борьбе против агрессии. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Этот факт имеет громадное международное значение не только для данного момента, но и для всей дальнейшей международной борьбы с фашизмом и фашистской агрессией.

Только Советский Союз, страна социализма, непоколебимо стояла и стоит на позиции борьбы с фашистской агрессией, на позиции защиты мира, свободы и независимости народов от фашистского нападения. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Как события у Хасана, так и события вокруг судьбы Чехословакии имеют прямое отношение к вопросу о второй империалистической войне, над раздуванием которой «работают» поджигатели войны — фашисты Германии, Японии, Италии.

Может ли быть сомнение в том, что японское нападение в Приморье было пробой для развязывания войны на Дальнем Востоке? Если бы Советский Союз на деле не показал твердости своей внешней политики и непоколебимости своей линии в защите своих границ оружием Красной Армии, это не могло бы не послужить поводом к разжиганию новых военных авантур, к развязыванию новых военных нападений, к расширению масштаба второй империалистической войны. Наша твердая позиция в этих событиях заставила одуматься зарвавшихся авантюристов, как в Токио, так и в Берлине, — заставила их дать ход назад. Безспорно, что этим Советский Союз оказал величайшую услугу делу мира. (Б у р н ы е, п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Советское государство показало, что его границы неприступны, что оно умеет отстаивать интересы своего народа, что борьба за эти интересы есть, вместе с тем, борьба за интересы всех народов, за интересы всеобщего мира.

События, связанные с Чехословакией, создали обстановку военной лихорадки во всей Европе. Достаточно сказать, что в момент этих событий только в четырех европейских странах — Германии, Франции, Польше и Чехословакии — численность армий, по самым скромным расчетам, за очень короткий срок увеличилась больше, чем в два раза, больше чем на 2 миллиона человек. Несмотря на будто бы миролюбивый сговор в Мюнхене, все участники мюнхенского соглашения заняты теперь дальнейшим ростом вооружений, увеличением своих армий, бешеным увеличением военных бюджетов. Сговор фашистских правительств с правительствами «демократических» стран отнюдь не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а, напротив, подлил масла в огонь. Агрессивные страны Европы не только развернули дальнейшие планы перекройки карты государств Европы, но и свои требования на передел колоний. В такой момент не приходится ждать прекращения или затухания второй империалистической войны. Напротив, опасность возникновения новых очагов и дальнейшего расширения ее масштабов налицо.

Что же, мы знаем свои обязанности. Мы ответим на любые провокационные выходы со стороны поджигателей войны, со стороны агрессоров против Советского Союза — будь то на западе или на востоке — мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом по поджигателям и провокаторам войны. (Б у р н ы е, п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Только сильное советское государство, сильное своей правильной внешней политикой и готовностью к любым внешним испытаниям, — только такое государство спо-

собно вести последовательно и неуклонно политику мира, политику непоколебимой защиты своих границ и интересов социализма.

Кто захочет убедиться в том, насколько эти силы крепки и могущественны — пусть попробует. (Долго не смолкающие аплодисменты).

Мы должны сделать все выводы из такого положения.

III. Наши задачи.

Одно бесспорно для последнего периода: роль государства, как орудия борьбы за коммунизм, поднялась в наших глазах. Мы больше стали понимать эту роль, роль социалистического государства в капиталистическом окружении.

В основных трудах марксизма-ленинизма, появившихся, как известно, еще до Октябрьской Революции, разработаны основные принципы социалистического государства с его коренным отличием демократизма пролетарского от демократизма буржуазного и указаны основные пути развития, а затем и отмирания социалистического государства при переходе к высшей фазе коммунизма. Это и теперь является основой основного учения марксизма-ленинизма о государстве.

Но мы имеем опыт 21 года существования социалистического государства, начиная от его первых шагов к социализму, до полной победы социализма внутри Советского Союза. Мы имеем богатейший опыт строительства государства нового, социалистического типа, опыт его вооруженной борьбы на протяжении ряда лет против нападавших капиталистических стран, опыт его социалистической переделки всего народного хозяйства и ликвидации всех эксплуататорских классов, наконец, опыт развития его отношений с враждебным капиталистическим окружением в условиях, так называемого, мирного сосуществования.

Сегодня, когда в нашей стране социализм в основном уже построен, приобретает особое значение вопрос о взаимоотношениях нашего государства с капиталистическими странами, о наших взаимоотношениях с капиталистическим окружением. Надо сделать должные выводы из теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране и из нашего политического опыта последних лет.

И здесь главный вывод нами уже давно сделан, еще под непосредственным руководством В. И. Ленина. Вывод был сделан, прежде всего, созданием Красной Армии и всем, что проведено Красной Армией для защиты советского государства за весь истекший период.

Однако, товарищ Сталин был прав, когда в прошлом году на февральско-мартовском Пленуме ЦК во весь рост поставил вопрос о капиталистическом окружении, в котором живет и развивается наше, социалистическое государство, и об опасности недооценки его враждебного отношения к Советскому Союзу.

Товарищ Сталин говорил тогда:

«Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом».

Товарищ Сталин напомнил дальше о том, что даже отношения между двумя однопартийными буржуазными государствами построены на основе ожесточенной борьбы друг с другом, на засылке друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, убийц. После этого товарищ Сталин сказал:

«Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем

к одиотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?»

Надо признать, что это напоминание товарища Сталина было весьма правильным и крайне необходимым. В свете этой постановки вопроса о наших задачах товарищ Сталин вскрыл роль троцкистов и бухаринцев, как агентов иностранных разведок, как действующих по заданиям этих разведок вредителей, шпионов и убийц. Последующие события с еще большей силой подтвердили правильность этих указаний.

Теперь известно, что по нашей беспечности иностранные разведки и всякие фашистские агенты в течение ряда лет прикрывали свои преступления против нашей родины, используя во многих случаях и людей с нашим партийным билетом. Беспечность наших товарищей в отношении враждебного капиталистического окружения была во многом на пользу нашим классовым врагам, но во вред коренным интересам трудящихся Советского Союза. Только, как следует, поняв эти способы борьбы буржуазии с Советским Союзом, мы могли развернуть контр-меры по защите интересов нашей страны. Только тогда нам стала по-настоящему ясна слабость нашей советской разведки и неотложная необходимость большевистского решения и этой очень важной задачи. Мы эту задачу теперь выполняем и, не сомневаюсь, выполним не плохо. (Б у р ж у а з н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Чтобы победоносно бороться за полную победу коммунизма в условиях капиталистического окружения, мы должны по-большевистски поднять организованность и мощь единственного пока социалистического государства. Со временем, когда социализм победит во всех передовых капиталистических странах, государство с его армией и прочим специальным аппаратом отомрет, станет ненужным. Но в условиях капиталистического окружения дело идет не об отмирании социалистического государства, а о его способности победоносно отражать удары классового врага, и особенно со стороны не разбитого еще классового врага вне пределов СССР. В современных условиях вопрос стоит не об отмирании советского государства, а в том, чтобы усилить мощь нашего государства, чтобы иметь крепкое и могущественное, по-большевистски организованное, социалистическое государство. (Б у р ж у а з н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

В той же речи на февральско-мартовском Пленуме ЦК товарищ Сталин говорил:

«Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств».

В самом деле, внутренние силы классового врага в нашей стране сломлены и разбиты, но нельзя забывать, что другой конец происходящей еще в нашей стране классовой борьбы протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Поэтому наша борьба со всякого рода вредителями является не просто внутренним делом, это — борьба с классовым врагом, который не разбит еще нами, так как он за пределами Советского Союза, так как это борьба с буржуазией других государств, так как эта задача победоносно осуществима только в соединении сил пролетариата ряда стран.

Агенты иностранных разведок нужны капиталистическим государствам особенно для того, чтобы подготовить некоторые позиции к моменту вооруженного нападения на Советский Союз. Поэтому задача корчевки и разгрома этих вражеских сил будет снята только тогда, когда она будет проведена до конца. Не понимать этого, значит не понимать одной из основных задач первого социалистического государства, не понимать опасной роли враждебного нам капиталистического окружения.

Мы должны помнить слова товарища Сталина в его известном ответе комсомольцу Иванову. Товарищ Сталин говорил:

«Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран; нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Особавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...»

Надо помнить о том, что пока существует капиталистическое окружение, борьба капитализма против первого советского государства в мире будет не ослабевать, не затухать, а наоборот — нарастать, обостряться, будет опираться на все более острые, на все более крайние средства. Поэтому мы еще упорнее должны работать над укреплением оборонной мощи нашего государства, над развитием нашего умения и, так сказать, искусства борьбы с классовым врагом, с враждебным капиталистическим окружением, над преодолением всех и всяческих недостатков нашего государственного аппарата, мешающих выполнению этой задачи.

Понять и провести в жизнь указания товарища Сталина относительно нашего отношения к капиталистическому окружению, — значит укрепить наши боевые позиции против наших классовых врагов во всех обличьях, значит вести дело к полной победе социализма.

В этом и заключается коренная задача нашей великой Октябрьской Социалистической Революции. (А п л о д и с м е н т ы.)

Весь опыт борьбы за победу коммунизма освещает нам учение марксизма-ленинизма. Наша большевистская партия шла и идет в авангарде этой борьбы.

Вышедшая недавно книга «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики)» впервые дает научное изложение основ марксизма-ленинизма на примере всей славной истории большевистской партии. Выход этого курса «Истории ВКП(б)» стал возможен только благодаря исключительной работе над этой книгой самого товарища Сталина. (А п л о д и с м е н т ы.)

Выход «Истории ВКП(б)» будет иметь громадное революционно-просветительное значение. Книга отвечает глубоко назревшим идейным запросам партии и всей массы трудящихся. Она освещает основы марксизма-ленинизма, на которых развивалась наша партия, и вместе с тем освещает опыт ее борьбы, сыгравшей такую большую роль в развитии самого марксистско-ленинского учения.

Революционно-просветительное значение этой книги в том, что она дает возможность понять, как создавалась наша партия, партия победоносной социалистической революции; под каким идейным знаменем она росла и с какими идейными врагами ей пришлось бороться, как большевистская партия подготавливала победу и действительно победила в Октябрьской революции и как, на основе этой победы, она создала социалистическое общество, открывшее новую эру в развитии человечества.

«История ВКП(б)» не просто излагает факты, а объясняет научно их и вместе с тем мобилизует рабочих и трудящихся всего мира на борьбу за полную победу коммунизма.

«История ВКП(б)» сыграет исключительно большую организующую роль во всей нашей борьбе по строительству социалистического общества. Каждый рабочий, колхозник, интеллигент найдет в этой книге ответы на многие вопросы, которые близко, непосредственно относятся к его работе, к его участию в социалистическом строительстве.

Эта книга сыграет особую организующую роль в отношении кадров советской интеллигенции, от преданности и сознательного участия которой в нашем социалистическом строительстве зависят столь многие успехи нашего дела.

Мы должны помнить о том, что советская интеллигенция, это 9, а то и 10 миллионов наших культурно-подготовленных работников, начиная от руководителей государственных предприятий и учреждений, колхозов и многих колхозных организаций, учителей, работников науки и искусства, врачей и других работников медицины, инженеров, агрономов, техников, торговых работников, бухгалтеров, счетных работников и еще целого ряда других важных категорий советской интеллигенции, не говоря уже о громадной армии вузовцев, без которых нельзя организовать государственного и колхозного хозяйства, нельзя обслуживать нужд и запросов населения.

У нас нередко существовало преступно-легкомысленное отношение к делу воспитания советской интеллигенции и советской молодежи. Пора понять, что каждый серьезный успех в воспитании этих кадров советской интеллигенции и советской молодежи сильно поднимает нашу работу, обеспечит важные успехи работы самих рабочих и колхозников, что без своей интеллигенции, вдохновляемой идеями марксизма-ленинизма, преданной делу Ленина—Сталина, нельзя строить коммунизм! (Бурные аплодисменты.)

Каждому из нас «История ВКП(б)» будет незаменимым оружием в борьбе за победу коммунизма. С «Историей ВКП(б)» мы стали сознательнее, организованнее и, тем самым, стали во многом сильнее.

В этой книге дана история всей нашей партии, включая опыт победоносной Октябрьской революции. Она не только дает историю нашей партии и революции. Появление этой книги означает, что отныне еще выше поднято знамя партии Ленина—Сталина, как знамя полной победы социализма. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи! 21-я годовщина Октябрьской Революции является славным продолжением двадцатилетия, которое мы праздновали в прошлом году.

Путь, по которому мы шли и идем, есть путь славных побед советского народа, путь победы социализма.

Наша промышленность и все наше народное хозяйство растет, как нигде.

Наше колхозное хозяйство находится на большом подъеме и растет, как ни в одном государстве не растет сельское хозяйство.

Наша Красная Армия окрепла и стоит в полной боевой готовности на своем посту охраны интересов нашей родины, интересов социализма.

Все народы Советского Союза сплочены в великую силу и знают, что им никакой враг не страшен.

Мы знаем, что наша страна, государство и партия готовы ко всяким неожиданностям и готовы ответить на любой удар со стороны поджигателей войны двойным и тройным громовым ударом. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Да здравствуют народы Советского Союза и их счастливая жизнь! (Бурные аплодисменты.)

Да здравствует несокрушимое морально-политическое единство Советского Союза! (Продолжительные аплодисменты.)

Да здравствует наша родная, славная своими прошлыми и своими будущими победами Красная Армия! (Бурные аплодисменты.)

Да здравствует великая партия Ленина—Сталина—организатор всех побед социализма! (Продолжительные, долго несмолкаемые аплодисменты.)

Да здравствует великий вождь великого дела—товарищ Сталин! (Оркестр исполняет «Интернационал», все встают и устраивают овацию в честь товарища Сталина.)

Октябрьская революция и интеллигенция

Советское правительство, большевистская партия, Ленин и Сталин с первых дней Великой социалистической революции, в самые трудные времена гражданской войны и восстановительного периода уделяли исключительное внимание интеллигенции Советской страны, делу вовлечения в социалистическое строительство ее старых кадров, в особенности же делу создания своей, новой интеллигенции, вышедшей из народа, связанной с народом, защищающей советский народ, работающей для блага народа.

Наша советская интеллигенция поставлена в такие условия жизни и творческого роста, каких никогда не знала интеллигенция в старой, царской России, каких нет и не может быть у интеллигенции капиталистических стран, особенно стран фашистских.

* * *

Что собой представляла старая интеллигенция?

Наиболее квалифицированная ее часть рекрутировалась, за редким исключением, из среды господствующих классов. «Все агрономы, инженеры, учителя—все они,— говорит Ленин,— брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли... Наука и техника— для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства»¹. Эта интеллигенция была воспитана в духе буржуазной идеологии и проинфильтрирована пасквильным мирозерцанием. Ленин указывал, что ко времени Октябрьской революции военные специалисты, например, были сплошь интеллигентами, воспитанными в буржуазных условиях, «и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палачьих, и в крепостнических»². Это были, по выражению Ленина, кирпичи, которые подобраны капиталистами против нас.

Либерально-буржуазная кадетская интеллигенция, как и ее господа, всегда боялась народа, ненавидела народ. После поражения революции 1905 года, в самую мрачную пору столыпинской реак-

ции, крупнейшие представители этой интеллигенции, кадетские писатели— Бердяев, Булгаков, Кистяковский, Струве, Гершензон, Изгоев, Франк— в 1909 году в своем сборнике о русской интеллигенции «Вехи», пресмыкаясь и холопствуя перед царским правительством клочья и виселицы, писали: «Нам (т. е. этой интеллигенции.— Б. В.) не только нельзя мечтать о слиянии с народом,— бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна, своими штыками и тюрьмами, еще ограждает нас от ярости народной». Эта «соль царской земли» пресмыкалась перед Столыпиным-вешателем, пела гимны Николаю Кровавому, благодарила палачей народа за усмирение народной революции, спасших либеральную буржуазию и вместе с тем ее приказчика— эту интеллигенцию— от «ярости народной».

Это контрреволюционное кланушество буржуазной интеллигенции не было ни единичным, ни случайным: оно выражало то чувство ненависти к трудящимся, тот идейный распад и то разложение и упадничество, которые поражение революции 1905 года породило в среде попутчиков революции, особенно в среде интеллигенции. «Попутчики,— говорится в Истории ВКП(б),— пришедшие в ряды революции из буржуазной среды в период бурного подъема революции, отошли от партии в дни реакции. Часть их ушла в лагерь открытых врагов революции, часть засела в уцелевших легальных обществах рабочего класса и старалась свернуть пролетариат с революционного пути, старалась дискредитировать революционную партию пролетариата. Отходя от революции, попутчики старались приспособиться к реакции, ужиться с царизмом»³.

Многочисленная группа интеллигенции, ее народные демократические слои: народные учителя, врачи,— стала после Октябрьской революции, правда, не без колебаний и после некоторой полосы саботажа, служить советскому народу. Наиболее же связанная со свергнутыми классами группа интеллигенции участвовала в заговорах против советской власти, ждала прихода белых, вредительствовала, что ярко было вскрыто шахтинским процессом. Это была острая классовая борьба против

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 64—65.

² Там же, стр. 64.

³ «История ВКП(б)», стр. 96.

нового, социалистического мира. «Вредительство буржуазной интеллигенции. — говорил товарищ Сталин в 1929 году в своей речи «О правом уклоне в ВКП(б)», — есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма».

Вот эта-то буржуазная интеллигенция считала себя «солью русской земли» и претендовала на то, чтобы ее считали надклассовой, внеклассовой социальной силой.

Н а р о д н и к и — враги марксизма в России — приписывали этой интеллигенции решающую роль в общественном развитии России. «По их мнению, историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут масса, «толпа», народ, классы»¹. Роль же массы, народа, классов — «толпы» — они считали совершенно пассивной. Они утверждали, что только интеллигенция — «критически мыслящие личности» — двигает человечество вперед по пути прогресса и что «как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях» (Миртов — Арнольди — Лавров «Исторические письма»). Этот же идеолог народников, Миртов, писал, имея в виду именно интеллигенцию: «Бесспорно, количество личностей, имеющих возможность пользоваться удобствами здоровой пищи, здорового жилища, медицинского пособия в случае болезни и политической охраны от случайностей, очень увеличилось в последние века». На интеллигенции, «на этой-то небольшой доле человечества, — писали Миртов и другие идеологи народничества во главе с Михайловским, — охраненной от самой тяжкой нужды, лежит в наше время вся человеческая цивилизация».

Характерна в этом отношении известная песня народников, в которой отражена мысль, что сам по себе народ — ничто, что все надежды должны быть возложены на народническую интеллигенцию, на «критически мыслящие личности»:

«Стонет и тяжело вздыхает
Белый наш русский народ,
Руки к нам простирает,
Н а с о н на помощь зовет».

Еще в 1894 году Ленин в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», разоблачая плюрализм народников об особом демократизме русской интеллигенции, писал: «...состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем

нариет и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция», довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было брешней и хорошо знающая, чего она хочет»².

Интеллигенция в царской России если и была «солью русской земли», то солью, придававшей особый вкус всему строю эксплуататорского общества помещиков и капиталистов.

«Работа интеллигенции, — писал Горький, — всегда сводилась главным образом к делу украшения бытия буржуазии, к делу утешения богатых в пошлых горестях их жизни. Нянька капиталистов — интеллигенция, в большинстве своем занималась тем, что усердно штопала белыми нитками давно изношенное, грязноватое, обильно испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии».

Ленин отмечал своеобразие положения интеллигенции среди других классов общества.

С одной стороны, интеллигенция по своему происхождению, связям, имущественному положению и воззрениям принадлежала к буржуазии. С другой стороны, необходимость продавать свою рабочую силу буржуазии сближала ее с пролетариатом.

Наряду с интеллигенцией, вышедшей из имущих классов, росли из года в год широкие слои демократической интеллигенции, вышедшей из бедноты.

Эта двойственность ее положения и неоднородность состава накладывали определенный отпечаток на весь духовный облик российской буржуазной интеллигенции.

Неустойчивость большинства тогдашней русской интеллигенции, ее дряблость, ее отвращение к дисциплине, ее борьба против организованности целиком вытекали из условий ее материальной жизни, ее мелкобуржуазного существования.

Переходность, неустойчивость, противоречивость положения интеллигенции выражались в мешанине противоположных принципов и точек зрения, половинчатых, эклектических воззрений, в стремлении «подниматься на словах в превысшие области и затухивать фразами конфликты исторических групп населения»³. Несравненной, художественной характеристикой этого положения является изумительный по глубине и размаху роман Горького «Жизнь Клима Самгина», где русская интелли-

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 159.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 16.

¹ «История ВКП(б)», стр. 14.

генция, начиная от народнической, с исключительной силой представлена типичной в типической обстановке начиная с 80-х годов прошлого столетия.

Не зная и не понимая законов экономического и политического развития общества, народники утверждали, что Россия должна развиваться самобытно, что при общинном землевладении в России нет и не может быть места капитализму, а следовательно, его антагонисту — пролетариату, — что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство.

«Властитель дум» народнической интеллигенции, идеолог народничества Михайловский, писал ни больше ни меньше, как то, что «рабочий вопрос, будучи вопросом революционным в Европе, составляет один из консервативнейших вопросов русской жизни» (т. I, стр. 736). Отсюда Михайловский делал вывод, что «задача русской интеллигенции, между прочим, в том именно и состоит, чтобы бороться с развитием буржуазии на русской почве» (т. V, стр. 515).

Русская интеллигенция с ее народнической маниловщиной («мечтательный характер отечественной «бессословной интеллигенции» (Ленин) воображала, будто она способна удержать, остановить ход экономического развития России. Не даром Ленин на самой заре своей деятельности, в 1894 году, в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», говоря о нелепой народнической идее о всемогуществе интеллигенции, разъяснял, что «русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной»¹, что в соответствии с тем, что «народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм... русская «бессословная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу», поскольку она заступает общие буржуазные интересы»².

Весь дальнейший ход экономического и политического развития России показал, как были правы Ленин и русские революционные марксисты. Народники, не гнушавшиеся никакими средствами, чтобы в своих журналах травить, искажать, перевирать учение марксистов, которые-де хотят разорения деревни и «выварить каждого мужика в фабричном котле», были разбиты наголову, окончательно разгромлены Лениным. Ленин показал, говорится в «Истории ВКП(б)», «что дело не в «желаниях» марксистов, а в действи-

тельном ходе развития капитализма в России, при котором количество пролетариата неизбежно увеличивается. Но пролетариат является могильщиком капиталистического строя»³.

Задача социалистической интеллигенции была совершенно иной, чем ее представляли себе народники: эта роль была более скромной чем роль единственной патентованной освободительницы «бедного» русского народа, но зато, безусловно, почетной для интеллигенции и полезной для пролетариата, для судеб социализма в России: интеллигенция социалистическая, марксистская, должна была соединить марксизм с рабочим движением, внести социалистическое сознание в стихийную борьбу пролетариата.

Если народники и их эпигоны — эсеры, представлявшие интересы кулачества, — идеализировали интеллигенцию и возводили ее на pedestal единственных спасителей народа, то махаевцы выступали резко враждебно против всякой интеллигенции. Махаевщина (по имени ренегата социалистического движения Махайского) злобно и демагогически выступала в конце прошлого столетия против интеллигенции вообще. Ближкие по своей идеологии к анархо-синдикалистам махаевцы демагогически называли интеллигенцию в целом, в том числе ее социалистическую часть, особым привилегированным, «паразитическим» классом. Клевета на социализм и революционную интеллигенцию, махаевцы обычно заявляли, что интеллигенция посредством социализма обманывает рабочих. Поэтому, убеждали они рабочих, необходимо отвергать борьбу за социализм, политическую борьбу вообще. Они уговаривали рабочих бойкотировать профсоюзы, не входить в партию. Махаевцы выражали настроения не кадровых промышленных слоев пролетариата, а его деклассированной части, близкой к мелкой буржуазии. Это резко враждебное отношение махаевщины к марксизму, социализму, к интеллигенции широко использовалось черносотенцами.

* * *

Революционные рабочие не пошли ни за народниками, сводившими все общественное развитие к деятельности «критически мыслящих личностей», ни за махаевцами. Они с глубочайшим уважением и любовью относились к партийным интеллигентам, ставшим бесспорно на сторону пролетариата, на позиции революционного марксизма. Эта любовь и уважение рабочего класса прежде всего относятся к учителям пролетариата — Ленину и Сталину.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 293.

² Там же.

³ «История ВКП(б)», стр. 21.

«Ленин, — говорит История ВКП(б), — пользовался горячей любовью передовых рабочих, с которыми он занимался в кружках». О таком же отношении передовых рабочих Закавказья к товарищу Сталину говорят воспоминания рабочих Тбилиси, Баку и Батуми.

Большевистская партия неуклонно боролась против народнических иллюзий насчет самостоятельной исторической роли интеллигенции и одновременно вытравляла в своих рядах малейшие проявления махаевщины, а позднее — «спецедедства», которое «всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением» (Сталин), боролась против недооценки роли и значения интеллигенции советского народа, служащих социалистического государства.

Срывая ложные, пышные народнические покровы с интеллигенции, Ленин вместе с тем подчеркивал роль, принадлежавшую демократическим слоям интеллигенции в борьбе с самодержавием. Революционная интеллигентская молодежь шла «в народ», пытаясь поднять крестьянство против царского правительства. «Так называемые разночинцы, главным образом, учащая молодежь, учителя и другие представители интеллигенции — старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы»¹.

Марксисты всегда внушали уважение к трудовой интеллигенции, честно служащей, преданной народу.

Демократическая интеллигенция России выдвинула таких ее замечательных представителей, как Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Герцеп, Шедрин, Плеханов, Тимирязев, Горький и многие другие. Величайшие партийные интеллигенты нашей страны, мужи науки, вожди трудящихся, — это Ленин и Сталин.

Ленин особо подчеркивал большую роль передовых элементов демократической интеллигенции в деле выработки в рядах пролетариата «социал-демократического сознания». Ленин указывал, что пролетариат «не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей»². «Учение же социализма, — говорил Ленин, — выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции»³.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 225.

² В. И. Ленин. Соч. Т. V, стр. 154.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 384.

Товарищ Сталин, развивая положение Ленина о внесении социалистического сознания в стихийное рабочее движение, писал в 1905 году, в своей статье «Ответ социал-демократу», что социалистическое сознание, если не имеет распространения в пролетариате, остается лишь пустой фразой и больше ничем. «Совершенно по-другому повернется дело, — писал товарищ Сталин, — если это сознание пойдет распространение в пролетариате: пролетариат осознает свое положение и ускоренным шагом устремится к социалистической жизни. Вот здесь и появляется социал-демократия (а не только интеллигенты социал-демократы), которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание».

Роль социалистической интеллигенции, роль образованных людей, ставших безраздельно на сторону пролетариата, всегда высоко оценивалась нашей большевистской партией, Лениным и Сталиным.

С особой любовью наблюдал Ленин процесс рождения «рабочей интеллигенции» в среде русского пролетариата. «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, легальной литературе, — писал Ленин в 1899 году, — среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя значительных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция»...»⁴.

Из среды этой «рабочей интеллигенции», которая усилиями революционных марксистов во главе с Лениным и Сталиным постоянно расширялась численно и росла в своем интеллектуальном развитии, вышли такие люди, такие большевики, как Бабускин, Калинин, Каганович, Киров, Ворошилов, Петровский, Бадаев и многие другие.

* * *

Большевистская партия никогда не упускала из виду, что «ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции»⁵.

«Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г., — тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян».

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 553.

⁵ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 457.

ян... Особое значение имеет интеллигенция в такой стране, как наша, где государство направляет все отрасли хозяйства и культуры, в том числе и сельское хозяйство». Уделяя значительное внимание правильному, в интересах усиления диктатуры пролетариата, использованию старых специалистов в разных областях социального строительства («...нельзя, — говорил Ленин, — изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию; надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее»), раскрыв широко двери учебных заведений для людей рабочего класса, для детей трудящихся, организовав широкую школьную сеть для взрослых рабочих и крестьян, советская власть стала готовить для себя новую, свою интеллигенцию.

«Если раньше, — говорил товарищ Сталин в 1931 году в своей речи «Новая обстановка — новые задачи», — при капитализме, высшие учебные заведения являлись монополией барчуков, то теперь, при советском строе, рабоче-крестьянская молодежь составляет там господствующую силу. Нет сомнения, что мы получим скоро из наших учебных заведений тысячи новых техников и инженеров, новых командиров нашей промышленности»¹.

Усиленная забота большевистской партии о новых кадрах увенчалась успехом. В городах и колхозах появились многочисленные кадры советской интеллигенции, прошедшие высшую школу, имеющие громадный опыт практической работы. Было осуществлено историческое задание товарища Сталина: «Добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная интеллигенция». Такая, советская интеллигенция есть теперь у всех национальностей Советской страны. Это великая победа советской власти, победа ленинско-сталинской национальной политики.

Что собой представляет советская народная интеллигенция?

К моменту всенародного утверждения Сталинской Конституции произошла коренная перемена как в составе, так и в положении советской интеллигенции.

Наша народная интеллигенция представляет собой прослойку социалистического общества. Она состоит в подавляющем большинстве из выходцев из обоих дружественных классов нашего общества — из среды рабочих и крестьян.

В своем докладе о Конституции товарищ Сталин дал следующую исчерпывающую характеристику нашей советской интеллигенции:

«Это уже не та старая заскорузлая ин-

теллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция это — совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80—90 процентов советской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества.

Как видите, — говорит товарищ Сталин, — это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара».

Такой интеллигенцией гордится советский народ. Ибо она — интеллигенция — плоть от плоти и кость от кости советского трудового народа. Старая классовая исключительность, бывшая непроходимая пропасть между интеллигенцией и народом исчезли, стираются грани между рабочим классом и крестьянством, между обоими этими классами и интеллигенцией. Наряду с дружественными между собой рабочим классом и крестьянством Советская страна имеет свою многочисленную трудовую народную интеллигенцию.

Двадцать лет тому назад Владимир Ильич Ленин писал, что нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм, что нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство, что без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. Советский народ, его интеллигенция, разгромив врагов социализма, не только успешно осваивают достижения культуры прошлого, но и строят свою, советскую, социалистическую культуру. Нет такой отрасли знаний, нет таких высот культуры, которыми бы успешно не овладевала наша советская интеллигенция.

Сотни тысяч советских людей, особенно замечательной советской молодежи, юношей и девушек, за эти двадцать лет советской власти благодаря диктатуре пролетариата поднялись к вершинам знаний, приобщились к подлинной культуре, заняли командные вышки в Советской стране.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 458.

Великая мечта нашего народного гения—Максима Горького — о том, что «еще одно поколение — и только в одном Союзе Советов работников на поле культуры будет около двухсот миллионов», начала претворяться в жизнь.

Товарищ Сталин в своей речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев указал, что стахановское движение содержит в себе первые начатки, зерно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны до уровня ее инженерно-технической интеллигенции.

С тех пор под солнцем Сталинской Конституции, на основе решающих побед социализма, под знаком подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, идет неуклонный процесс уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим. Это новое, качественное изменение означает верный шаг к коммунизму.

Растут неуклонно кадры сельской, колхозной интеллигенции.

Кто представлял в прошлом, в буржуазно-помещичьей, царской России, сельскую интеллигенцию? Поп, урядник, пристав, староста! По переписи 90-х годов XIX века, на селе было повитух, знахарей и коновалов в 4 раза больше чем врачей.

Неуклонно растет в советской, колхозной деревне наша, своя, советская интеллигенция, активно вместе со всем колхозным крестьянством, со всей страной строящая социализм. По далеко не полным данным, сейчас на селе работает свыше 560 тысяч учителей, около 160 тысяч медицинских работников, больше 40 тысяч агрономов, около 220 тысяч работников средней агрономической квалификации, 20 тысяч работников искусств, многочисленные кадры советских служащих.

Колхозная деревня безостановочно выделяет из своей среды кадры советской интеллигенции, и город, в свою очередь, направляет неизменно в деревню квалифицированные отряды советской интеллигенции. Да и в самой деревне с каждым днем растет на практической работе новая, колхозная интеллигенция.

В таком далеком уголке Советской страны, как село Заплавное, Сталинградской области, где при царском режиме, при господстве помещиков и капиталистов, числилось всей «интеллигенции» — 3 попа, 2 дьякона, 3 псаломщика и всего лишь 3 сельских учителя, сейчас выросло множество представителей полностью советской трудовой интеллигенции — 25 учителей, 9 агрономов, врач, ветеринарный врач, 2 фельдшера, 3 медицинских сестры, 2 фармацевта, зоотехник, мелпатор.

В селе сейчас 15 комбайнеров, 96 трак-

тористов, 6 бухгалтеров, 7 счетоводов. В школах неполной и средней (что, по старой терминологии, соответствует прогимназии и гимназии) 850 учащихся. Одна только средняя школа этого села выпустила за последние 15 лет свыше 400 юношей и девушек. Эта советская молодежь одной только школы далекого села Заплавного дала своему народу 1 профессора, 6 инженеров, 6 техников, 4 судостроителей, 8 красных командиров, 4 летчиков, 88 учителей, 10 акушерок, 8 медицинских сестер, 32 колхозных счетовода. В различных вузах нашей страны сейчас учатся 146 выпускников одной только школы этого села, которые умножат ряды советской трудовой интеллигенции.

Или взять украинское село Великая Дымерка, на Киевщине. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции интеллигенцию этого громадного села составляли сельский староста, поп, фельдшер и 2 учителя. А сейчас в колхозной Великой Дымерке создана значительная прослойка своей, советской, новой интеллигенции: 45 учителей, 4 врача, 5 фельдшеров, 2 акушерки, 7 медицинских сестер, врач санитарной станции, 2 ветеринарных фельдшера, зоотехник, 3 агронома, директор и инженер кирпичного завода, аптекарь и его помощник, заведующая библиотекой, заведующий клубом, директор магазина, бухгалтеры в кооперации и в колхозе, служащие государственных учреждений. Столь же грандиозно выросло количество вновь появившихся школ, больниц, агрономических пунктов, библиотек, клубов, что свидетельствует о бурном росте на селе культуры. Сельская интеллигенция, служащая народу не за страх, а за совесть, вместе со всем народом строит социалистическое общество.

Эксплуататорские классы царской России во главе с романовской шайкой все делали для того, чтобы заглушить подлинную культуру. Сынам трудового народа, рабочей и крестьянской молодежи, выходцам из низших, демократических слоев народа, пути к просторам культурного творчества были забиты.

Ленин писал, что капитализм и «путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования»¹ массы трудящихся.

Только 3% населения царской России находилось в 1900 году в школах. Откровенный идеолог самодержавия, царский прокурор «святейшего» синода Победоносцев говорил: «Безграмотным народом легче управлять». При советской же власти право на образование, записанное в Сталинской Конституции, обеспечено всем гражданам обязательностью всеобщего началь-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 163.

ного образования, строительством из году в год все новых школ, стипендиями подавляющему большинству (90%) студенчества, бесплатностью образования вплоть до высшего, преподаванием на родном языке. В царской России перед революцией 1917 года было 8 миллионов учащихся. При советской власти, в 1933 году, учащихся стало 40 миллионов. При диктатуре буржуазии, при господстве помещиков и капиталистов, во всей царской России было 90 высших учебных заведений со 100 тысячами учащихся. Сейчас в нашей социалистической стране свыше 700 высших учебных заведений и около 600 тысяч студентов в них—детей рабочих, крестьян и трудовой советской интеллигенции. Тысячи бывших в царской России пастухов, слесарей, батрачек, ткачей, помещиков, домашней прислуги наполняют в качестве преподавателей и лаборантов аудитории, кабинеты, мастерские, лаборатории высших учебных заведений, овладев многими видами умственной, интеллектуальной деятельности.

Наш государственный советский аппарат, служащие советского государства, — работники партийных, профсоюзных, кооперативных, комсомольских организаций—это на $\frac{4}{5}$ сыны и дочери рабочих и крестьян социалистической страны.

Виднейшие представители, идеологи буржуазной интеллигенции в тех же «Вехах» писали о себе как об искалеченных, изолированных от народа. «Мы не люди, а калек, все, сколько нас есть русских интеллигентов... сомнище больных, изолированное в родной стране, вот что такое русская интеллигенция», — писали они о себе. Папа же дышащая здоровьем и радостью советская интеллигенция, как нигде в мире, тесно связана с народом своей страны. Она чувствует на себе заботу советского народа, любовное отношение к себе со стороны всего дружного социалистического коллектива.

Не то в капиталистических странах.

Года два тому назад в Соединенных Штатах Америки вышла книга Мерсаян Девиса «Погибшее поколение». В этой самой богатой, самой передовой капиталистической стране, в стране «великой демократии», как ее деятели любят ее величать, «около восьми миллионов молодых людей, окончивших школу, не имеют работы не по их вине. Голы депрессии, — говорит автор.— оставили нам поколение, у которого уворовали время и возможности». Миллионы интеллигентской молодежи бродят по стране без работы, без перспектив, никому ненужные, как пасынки, без настоящего, без будущего.

Замечательную оценку положения интеллигенции в капиталистическом мире и у

нас, в Советском Союзе, дал глава нашего правительства тов. В. М. Молотов в своей речи «О высшей школе»:

«Судьбы высшей школы в капиталистических государствах и в Советском Союзе, как и всякое другое крупное общественное явление, отражают коренное различие в развитии двух миров — капиталистического и социалистического. В странах капитализма высшая школа переживает тяжелую пору кризиса, упадка. Другое дело в СССР. У нас обратная картина.

Возьмем имеющиеся в печати последние данные о высшей школе в капиталистических странах. Получаем такую картину о числе учащихся в вузах: во Франции и в Германии по 74 тыс., в Италии — 73 тыс., в Великобритании (по метрополю) — 51 тыс. У всех четырех так называемых «великих держав» Европы, вместе взятых, количество учащихся в вузах достигает 270 тысяч. Добавим к этому, что количество учащихся в вузах Японии составляет 146 тысяч. Таким образом, у Германии, Италии, Англии, Франции и Японии, вместе взятых, количество учащихся в вузах составляет несколько больше 400 тысяч. Сравните с положением в СССР. Один Советский Союз, с его 550 тыс. учащихся в высшей школе, имеет студентов больше, чем все вузы великих держав Европы вместе с Японией...

Во всех буржуазных странах растет безработица среди ученых профессий. Это относится не только к Европе, но и к Америке. Есть уже такие отрасли интеллигентного труда, где половина специалистов с высшим образованием остается без работы, а зачастую и без обеспеченного куса хлеба. Попщите-ка у нас безработного ученого, безработного специалиста! Если бы кто-нибудь нашел у нас безработного ученого, мы бы ему дали премию!»

Наша народная интеллигенция навсегда избавлена от эксплуатации, от ужасов безработицы, перспектив одичания, избавлена от необходимости пресмыкания перед всевластием золотого мешка. Нашей интеллигенции дана уверенность в завтрашнем дне, ей гарантирована работа на всех многообразных поприщах ее интеллектуальной жизни. Ее труд, как и всякий социалистический труд в нашей стране, стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма. Наша интеллигенция «в одной упряжке» с рабочими и крестьянами ведет стройку нового, бесклассового, социалистического общества, где, как сказано в Программе ВКП(б), «стираются классовые грани между трудящимися СССР, исчезает старая классовая исключительность», где «падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией», где «со-

здалась основа морально-политического единства общества...»

Люди нашей интеллигенции — люди разных отраслей труда, руководители государственной, партийной, хозяйственной работы, инженеры, врачи, командиры Красной Армии, летчики, архитекторы, учителя, литераторы, художники, артисты, служащие. Среди них в большом числе люди науки. Они в своей научной работе не отгораживаются от народа, не держат себя вдали от народа, но служат народу, передавая ему все завоевания науки.

Эту «нашу интеллигенцию, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б), — выросшую в годы советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику».

Как далека эта наша интеллигенция от старой, заскорузлой, служившей помещикам и капиталистам интеллигенции, вынужденной принаравливаться к их требованиям и вкусам.

Ленин издевался над старой интеллигенцией, ставившей себя над классами, почитавшей себя всерьез «солью земли». Ленин разоблачал попытки этой интеллигенции стусевать мерзость своего положения туманными и лживыми разглагольствованиями о ее «независимости» и «абсолютной свободе».

«В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богатей, не может быть «свободы» реальной и действительной, — говорил Ленин в 1905 году. — Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господни писатель? От вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, протетупии в виде «дополнения» к «святому» спеническому искусству?.. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или липемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»¹.

Великое предсказание Ленина о подлинно свободной, связанной с пролетариатом литературе (а это предсказание относится ко всем видам культуры в социалистическом обществе) полностью сбылось. Наша интеллигенция (врачи, художники, писатели, артисты и другие работники в области науки и культуры) служит «не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»².

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 39а.

² Там же, стр. 390.

Яркое свидетельство этому — наши учебные заведения, наши научные институты, наши библиотеки, издательства, театры, консерватории, музеи, выставки. К ним тянутся трудящиеся массы советского народа, они обслуживают все растущие интересы поднимающихся к вершинам коммунизма людей великой сталинской эпохи.

* * *

А каково положение людей науки в странах капитала, особенно в странах фашизма? Судьба великого математика и физика Эйнштейна, талантливого писателя Фейхтвангера, лучшего представителя германской передовой культуры писателя Генриха Манна, вынужденных покинуть свою родину и скитаться по чужим странам, — это судьба тысяч виднейших представителей науки и искусства, это судьба многих и многих профессоров Мамлоков, обреченных на нищету, голод, унижения и смерть. Даже в «доброй старой Англии», как она именуется в старинных романах и самоцветных рекламах, «наука в тупике», как пишет один из крупных передовых английских ученых, профессор Блеккет. Он пишет, что «стрелка индустриального прогресса переводится назад в Англию». «Если наука хочет помочь человечеству, — закалчивает свою статью профессор Блеккет, — она должна найти нового хозяина». Для этого передового работника науки ясен и ответ, кто может — и потому кто должен — быть этим хозяином. Он считает, что единственный путь для науки — это путь социализма. Почему? Потому, говорит он, что «социализму потребуется вся наука, которую он сумеет получить, чтобы производить возможно больше богатств. Ученым осталось, пожалуй, немного времени, чтобы решить, на чьей стороне они будут стоять». К таким выводам приходит этот лучший представитель английской интеллигенции.

Эту же мысль высказывает другой крупный английский ученый, профессор Дж. Берналл. В своем исследовании «Наука и промышленность» он приходит к заключению, что современный капитализм ставит всюду преграды и препоны техническому прогрессу, научной работе, что влечет за собой научный застой, технический регресс. «Современное направление экономического и политического развития, — говорит профессор Дж. Берналл, — не оставляет никаких надежд на то, что физическая наука сможет реализовать свои возможности... Если наука хочет помочь человечеству, она должна найти нового хозяина». К таким же выводам приходит видный специалист по вопросам сельского хозяйства профессор Данваль Холл, кото-

рый, резко осуждая варварское уничтожение капиталистами сельскохозяйственных продуктов, заявляет: «Государственная организация сельского хозяйства в той или иной форме сделалась неизбежной... Остается вопрос: какую форму должна принять эта организация? Перед нами есть один пример: русский план».

Эти выступления виднейших людей науки Англии подтверждают великую правоту слов, сказанных товарищем Сталиным соотечественнику этих ученых — английскому писателю Герберту Уэллсу. «Капиталистическое общество находится теперь в тупике, — указал тогда товарищ Сталин. — ...Это, конечно, чувствуют широкие круги технической интеллигенции. Значительная часть ее начинает осознавать общность интересов с тем классом, который способен указать выход из тупика».

Почему это происходит? Почему значительная часть интеллигенции капиталистического мира вынуждена прийти к такому выводу? Наиболее честные, передовые представители человеческой культуры все более ясно видят, что капитализм «все, что мог, уже совершил и ныне является раковой опухолью человечества», что «люди умственного труда становятся балластом капиталистической культуры» (Горький). «Мастера культуры» не могут не видеть всю неприглядную буржуазную действительность, всю кроваво-грязную практику капиталистических государств, всю зоологическую вражду буржуазии к подлинной человеческой культуре. И вывод прогрессивной, честно мыслящей интеллигенции, искренно стремящейся к развитию науки, — это необходимость сочетания своих интересов с интересами того класса, «который способен указать выход из тупика».

Социализм и показывает этот «выход из тупика»: он не только не противоречит интересам этой интеллигенции, а, наоборот, идет навстречу ее интересам.

Социализм развязывает все творческие силы общества и способности каждого человека в отдельности.

Только социализм обеспечивает всестороннее развитие культуры (науки, литературы, искусства, техники), не стесненное никакими своекорыстными интересами. Мастеров культуры, видящих и ненавидящих противоречия капиталистического мира, не может не увлекать социалистический строй, где, по выражению Энгельса, «люди, ставшие, наконец, господами своего общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными», где люди начинают «вполне сознательно сами творить свою историю», где совершается скачок

«человечества из царства необходимости в царство свободы».

Устремления лучших людей человечества, над которыми надругался звериный, каппиальский фашизм, не могут не быть направлены в сторону великой Советской державы, где «социализм и демократия непобедимы» (Сталин).

Вот почему лучшие, передовые люди интеллигенции в поисках подлинного хозяина-друга, хозяина-товарища приходят к выводу, что вывести культуру и ее мастеров из тупика может только принципиально новый строй, строй социализма.

Яркой иллюстрацией этого являются те мысли и чувства, которые на 40-летнем юбилее самого лучшего театра не только в СССР, но и во всем мире — МХАТ — выразил один из виднейших представителей старой интеллигенции, основатель и директор театра В. И. Немирович-Данченко. «Мы все сейчас великолепно сознаем, — сказал В. И. Немирович-Данченко, — что если бы не было Великой Октябрьской социалистической революции, наше искусство потерялось бы и заглохло.

Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила условия нашей работы. Она освободила нас от экономической зависимости, от буржуазных пайщиков. Она открыла нам дорогу к подлинному народу...

Как честные художники, мы оценили грандиозную мощь революции и замечательное обаяние простых и мужественных людей, делающих эту революцию.

Из всех наград, нами полученных, для нас самой большой наградой является сознание того, что нашей работой руководит величайший революционный вождь, чье имя вдохновляет наши творческие искания и поощряет нашу творческую смелость. Это — имя великого и мудрого Сталина, к которому обращены наши мысли и сердца».

Таковы мысли и чувства мастеров культуры, составляющих цвет нашей народной советской интеллигенции. К этим выводам неизбежно приходят и не могут не прийти лучшие люди интеллигенции всего капиталистического мира.

В СССР лучшим представителям народной интеллигенции оказывается величайшее доверие, оказывается невиданная ни в какой капиталистической стране честь: они избранники народа, они депутаты Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик. Разнообразные отрасли интеллектуального труда представлены этими избранниками народа: академиками, поэтами, летчиками, актерами, учителями, врачами.

Замечательных сынов и дочерей своих выделяют рабочий класс и крестьянство в

ряды советской интеллигенции: это Стаханов и Папанин, ставшие «новаторами в науке, людьми нашей передовой науки» (Сталин); это—обувщик Сметанин, текстильщицы Виноградовы; это — шахтеры Изотов и Доканов; это — металлисты Гучов и Мазай; это — машинисты Кривонос, Огнев, Богданов; это — трактористы и комбайнеры Полагутин и Борин; это—крестьянки Демченко и Ангелина. Все они и вместе с ними тысячи и тысячи других стахановцев, папанинцев, кривоносовцев, героических работников Красной Армии, авиации подняты на вершины государственной работы, направлены в высшие школы для овладения высотами науки.

* * *

Любовь и уважение заслуживает со стороны всего советского народа наша народная интеллигенция!

Как констатирует ЦК ВКП(б), «несмотря на столь важную роль интеллигенции в Советском государстве, до настоящего времени еще не преодолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение в нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в до-революционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов».

Чем же объяснить, что у нас еще проявляется недооценка значения нашей народной интеллигенции, непонимание ее роли в нашей стране социалистической демократии, игнорирование ее политического, коммунистического воспитания?

Большевистская партия, товарищ Сталин указывают, что всякие пережитки проявления махавщины—этого демагогического, анархического, хулиганского отношения к интеллигенции — недопустимы и вредны. Как не понять, что в этом могут быть заинтересованы только враги советского народа?

Большевистская партия, Советская страна не могут допустить игнорирования, пренебрежения, безразличного отношения к нашей интеллигенции. Как не понять, что это совершенно истерично, что это дикость, исключительная дикость?

Советский народ не может никому позволить неуважение, высокомерное отношение к советской интеллигенции. Каждому партийному и непартийному большевику должно быть понятно, что это не может не быть опасным для государства, не может не нанести вреда всему советскому народу, великому делу коммунизма!

Вот почему ЦК ВКП(б) постановил: «Осудить как дикость и хулиганство пренебрежительное отношение к советской ин-

теллигенции и к задачам ее идейно-политического воспитания в духе марксизма-ленинизма».

Наша интеллигенция, наши руководящие кадры должны овладеть теорией марксизма-ленинизма. Ибо «без революционной теории не может быть революционного движения» (Ленин).

Наша родная трудовая советская интеллигенция — это соль Страны советской. Эти замечательные кадры великой страны социализма, находящейся в капиталистическом окружении, должны быть хорошо вооружены знанием законов развития общества, на которых базируется предвидение хода истории. А без предвидения нельзя правильно, по-большевистски руководить. Ключ же к руководству, к предвидению хода истории, к знанию законов развития общества — марксистско-ленинская теория.

В своей речи «О высшей школе» тов. В. М. Молотов указал, что, «ограничив свой кругозор привычными в буржуазном обществе понятиями и повседневными мелкими заботами, нельзя понять поставленной историей перед людьми нашей эпохи коренной задачи, задачи переустройства и обновления общества. Без усвоения такого учения, как марксизм-ленинизм, освещающего гениальный путь исторического развития, раскрывающего смысл современных событий, нельзя быть сознательным участником исторических событий нашего времени».

Эта великая теория — сила, преобразующая мир. Капиталистическому окружению через свою фашистскую агентуру из трижды проклятых троцкистско-бухаринских убийц, шпионов и диверсантов порой удается вербовать безыдейных, политически отсталых, теоретически наименее подготовленных, неустойчивых интеллигентов.

«Необходимо понять, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б), — что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшихся вне политического влияния партии и лишенная идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры». Чтобы быть стойкими советскими людьми, чтобы уметь строить наше социалистическое общество, чтобы уметь бороться против всех его врагов, чтобы уметь распознавать врага несмотря на всю его тонкую маскировку, разоблачать его и уничтожать, — надо овладеть этой теорией.

Ленин в своей знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм», бес-

нощадно бичуя «дипломированных эскеев, отупляющих народ вымученным идеализмом», разъясняя положение исторического материализма об объективной истине, писал: «если и о пути марксовской теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); ия же и о всяком у другом у пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и хаоса». Тот руководящий в своем деле рабочий, который не овладел теорией марксизма-ленинизма, лишь подобно слепому ориентирован, не видит перед собою перспективы, грозит нищетою, у него нет уверенности в правильности своих действий, он неспособен руководить порученным ему делом, вести за собой массы.

«После смерти Энгельса, величайший теоретик Ленин, а после Ленина—Сталин и другие ученики Ленина—были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата.

И именно потому, что Ленин и ленинцы двигали вперед марксистскую теорию, ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, марксизмом в новых условиях классовой борьбы пролетариата, марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций, марксизмом эпохи победы социализма на одной шестой части земли»¹.

Партия Ленина—Сталина призывает кадры советской интеллигенции, каждого активного деятеля нашей страны овладеть теорией марксизма-ленинизма, творчески ее осмыслить и двигать ее дальше вперед. А творческое, не догматическое изучение марксистско-ленинской теории означает, что наша интеллигенция должна глубоко изучать курс Истории ВКП(б), который Центральный комитет нашей партии, лично товарищ Сталин дали в руки советского народа, всей трудовой интеллигенции. Она должна изучать труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, изучать «Капитал» Карла Маркса, в котором содержится все основное, что дал марксизм Ленин и Сталина.

Только такое изучение теории марксизма-ленинизма дает возможность усвоить «... существо этой теории и научиться пользоваться этой теорией при реше-

нии практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата...»².

Задача, поставленная перед нашей советской народной интеллигенцией. — овладение великой марксистско-ленинской теорией — почетнейшая, важнейшая, решающая, актуальная задача. Как бы ни была трудна и ответственна эта задача, ее можно разрешить. Теория—дело важное. Была бы только большевистская настойчивость и твердость характера! Большевистское выполнение этой задачи придаст новые силы нашей интеллигенции, а значит, и всему нашему советскому государству. Это сделает нашу Советскую страну еще прекраснее, сделает еще крепче нашу социалистическую державу, подымет еще выше роль советской интеллигенции, ее боевой советский патриотизм, ее способность к овладению высотами знаний, ее борьбу с троцкистско-бухаринскими злодеями, пытавшимися повернуть назад колесо истории.

Перед советской интеллигенцией раскрыта великая книга—История ВКП(б), история партии Ленина—Сталина. Эта книга, сказал товарищ Л. М. Каганович, — «великое сталинское повествование о героических делах нашей партии, о героических делах нашего народа, о тех победах, которые одержаны в дни Великой Октябрьской революции под руководством Ленина и Сталина, о тех победах, которые одержаны нашим народом вчера и сегодня под мудрым, замечательным, небывалым в истории человечества руководством нашей партии и нашего великого товарища Сталина».

Мы в основном построили социализм—первую низшую стадию коммунистического общества. Мы уже вступили в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода ко второй, высшей фазе коммунизма.

Оплодотворенные великим учением марксизма-ленинизма, сплоченные в морально-политическом единстве вокруг советской власти, вокруг большевистской партии, вокруг великого вождя своего и учителя товарища Сталина, наша советская интеллигенция вместе со всем советским народом ускорит победу коммунизма во всем мире.

¹ «История ВКП(б)», стр. 342.

² Там же, стр. 339—340.

РАБОТА ЛЕНИНА

„ЧТО ТАКОЕ „ДРУЗЬЯ НАРОДА“ И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?“

Ленину было всего 24 года, когда он написал свое первое крупное произведение «Что такое «друзья народа». Но уже в этой книге виден гений Ленина.

Работа Ленина произвела огромное впечатление своим глубоким анализом теоретических основ марксизма и их блестящей защитой в борьбе против народников. Мартов, прочитав «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» писал: «Брошюра обнаруживала и литературное дарование и крепкую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди».

Написанная в 1894 году и изданная нелегально, эта работа Ленина явилась окончательным ударом по народничеству, решившим его судьбу, добившим его.

Но значение этого гениального труда не только в том, что он завершил окончательный идейный разгром народничества: его великое значение в том, что в нем уже 40 лет тому назад «Ленин правильно указал путь борьбы рабочего класса, определил его роль, как передовой революционной силы общества, определил роль крестьянства, как союзника рабочего класса»¹.

В тот период, когда Ленин писал эту книгу, капитализм в России пустил уже глубокие корни как в городе, так и в деревне. Шло расслоение, распадение крестьянства, выделявшего, с одной стороны, кулацкую верхушку, деревенскую буржуазию, с другой стороны, — бедноту, деревенских пролетариев и полупролетариев. Был уже налицо современный промышленный пролетариат, «в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»².

Исключительно тяжелое положение пролетариата в России, особо зверская эксплуатация, которой он подвергался, и его совершенно бесправное политическое положение поднимали его на борьбу против капиталистов и царского самодержавия. К началу 90-х годов в истории российского рабочего движения уже насчитывалось большое количество стачек. За одно только пятилетие, с 1881 до 1885 года, было более 48 стачек с 80 тысячами бастовавших рабочих. Морозовская стачка в 1885 году и стачки в Иваново-Вознесенске в том же году были первыми крупными проявлениями организованной борьбы.

На почве роста рабочего движения и под влиянием западноевропейского рабочего движения начали создаваться первые марксистские организации. Возникла группа «Освобождение труда», основанная Плехановым в 1883 году; создавались марксистские кружки. Но ни группа «Освобождение труда», ни марксистские кружки того времени не были еще связаны практически с рабочим движением. Как сказано в Истории ВКП(б), «это был еще период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии. Социал-демократия за десятилетие 1884 — 1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением. Подобно еще неродившемуся, но уже развивающемуся в утробе матери младенцу, социал-демократия переживала, как писал Ленин, «п р о ц е с с у т р о б н о г о р а з в и т и я»³.

Группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению», — указывал Ленин.

Но, с одной стороны, рост численности рабочего класса в России, рост рабочего движения, особенно усилившегося в связи с промышленным подъемом 90-х годов, вызванным главным образом успешным железнодорожным строительством; с другой стороны, успехи распространения марксизма в России, которые были достигнуты в результате деятельности группы «Освобождение труда», в первую голову Плеханова, нанесшего народничеству решающий удар, — все это сделало вполне назревшей задачу с о е д и н е н и я м а р к с и з м а с р а б о ч и м д в и ж е н и е м в Р о с с и и.

Решение этой задачи в России выпало на долю Ленина. Созданный Лениным, петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» явился зачатком революционной марксистской рабочей партии и

¹ «История ВКП(б)», стр. 21.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 17.

начал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был создан в 1895 году, т. е. спустя год после появления книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта книга родилась, таким образом, в период начавшегося по инициативе Ленина и восторжествовавшего под его гениальным водительством соединения революционной теории марксизма с практической борьбой рабочего класса России.

Таково первое обстоятельство, вызвавшее появление книги Ленина и определившее ее историческое значение.

Другое, вытекавшее из первого обстоятельство, вызвавшее появление этой книги, заключалось в необходимости добить народническую идеологию, до конца идейно разгромить ее и обеспечить дальнейшее распространение марксизма и возможность создания социал-демократической партии.

Плеханов уже в 80-х годах нанес решающий удар народнической системе взглядов. Но с народничеством — этим злейшим врагом марксизма — не было еще полностью покончено. И в начале 90-х годов народнические взгляды имели еще хождение и все еще встречали сочувствие среди некоторой части революционной молодежи. Народнические писатели вроде Михайловского, Южакова, Кривенко, видя, как их «теории» безжалостно разбиваются самой жизнью и как действительность все более подтверждает правоту марксизма, приходили в своей ненависти к марксизму в еще большее ожесточение и предпринимали новые атаки на марксизм. Надо было нанести народничеству окончательный, смертельный удар. Это и было сделано Лениным главным образом в его работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Ленин писал эту книгу на протяжении весны и лета 1894 года. Состояла она из 3 выпусков и в том же году была нелегально издана частью на гектографе, частью на автокописте, причем первый выпуск имел повторные издания. Первый выпуск содержал критику Михайловского, второй выпуск — критику Южакова, третий выпуск — критику Кривенко. До 1923 года все 3 выпуска считались утерянными. Лишь в 1923 году были найдены первый и третий выпуски. Второго выпуска, посвященного разбору взглядов Южакова, до сих пор найти не удалось.

* * *

Первый выпуск «Что такое «друзья народа», направлен, как уже сказано, против

В. И. Ленин.

Михайловского, который считался признанным теоретиком народников и которого они величали «известным социологом». Свою критику Михайловский вел главным образом против теоретических основ марксизма — против исторического материализма и диалектики Маркса. Ленин поэтому сосредоточивает свои удары против «социологии» Михайловского, против его смелых попыток сразить диалектический материализм. Мастерски отражая все нападки Михайловского на теорию Маркса, Ленин вскрывает всю убогость мысли «известного социолога» и разоблачает жупанические приемы, к которым прибегал теоретический главарь народников в своей критике марксизма. Один из таких приемов, заимствованный народниками у западноевропейских врагов марксизма, состоял в намеренном приписывании марксизму того, чего марксизм никогда не утверждал. Не будучи в состоянии опровергнуть марксизм, его враги прибегали к этому приему, чтобы создать видимость «победы» над марксизмом. Но от разящего оружия ленинской критики не ускользнуло ни одно из многочисленных жупанических измышлений врагов марксизма, и все их «критика», состоявшая в том, чтобы сначала перевернуть Маркса, а затем «поломаться над своим врагом», была развеяна в прах ленинской аргументацией.

Народники отстаивали так называемую «субъективную социологию», «субъектив-

ный метод в социологии». Они ставили перед собою совершенно ненаучный вопрос о том, в чем цели и задачи общества вообще. Они выдвигали, далее, столь же ненаучное положение о том, что эти цели и задачи общества определяются субъектом в соответствии с его нравственным идеалом, с его «формулой прогресса» (отсюда название субъективная социология).

Против этих «устоев» народнической идеологии Ленин и выступил в своей книге, одновременно проводя блестящую защиту марксизма, давая глубокий анализ существа открытого Марксом и Энгельсом исторического материализма и развивая его дальше.

Исторический материализм представляет собой единственное научное понимание истории. Существо диалектического и исторического материализма Ленин раскрывает на анализе гениальнейшего произведения Маркса «Капитал».

Ленин, едко выеменяя нелепый вопрос Михайловского: «В каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?», — остроумно возражает: «Всеякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории?»¹.

И Ленин с исчерпывающей глубиной показывает, как Маркс применил в «Капитале» диалектический материализм к анализу капиталистического общества. И в более поздних своих произведениях Ленин не раз подчеркивал, что именно в «Капитале» мы находим самое богатое и самое всестороннее применение диалектики. В своем «Плане диалектики (логики) Гегеля», написанном в 1915 году, Ленин делает такое замечание: «Если Магх не оставил «Логик» (с большой буквы) (речь идет о книге Гегеля «Наука логики», где Гегель дает систематическое изложение идеалистической диалектики. — Г. Г.), то он оставил логику «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика, и теория познания материализма...»².

В «Капитале» исторический материализм получил не только исключительно глубокое применение, но и замечательно яркое подтверждение: «Тенерь — со времени появления «Капитала», — идеал Ленин, — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение»³.

Основная идея «Капитала», как указывает Ленин в работе «Что такое «друзья народа», заключается в следующих сло-

вах: «Моя точка зрения состоит в том, — писал Маркс, — что я смотрю на развитие экономической общественной формации, как на естественно-исторический процесс». Это положение Маркса направлено своим острием против антинаучных теорий общественного развития, в том числе и народнической теории, которые вырывали пропасть между областью естественно-исторических явлений и областью явлений общественных и рассматривали общественные явления как лишённые внутренней связи и не подчинённые никакой закономерности. Общественная наука, по утверждениям Михайловского, не может быть подобно естественным наукам наукой о существе (о том, что есть), а может быть лишь наукой о должном (о том, что должно быть). Но как можно определить то, что должно быть? На это субъективный социолог отвечает, что мир должного целиком определяется субъектом, «критически мыслящей личностью» в зависимости от ее нравственных идеалов. Михайловский так прямо и заявлял, что в области общественных явлений исследователь «провозглашает право нравственного суда над историей, право личности судить об исторических явлениях... как о фактах, соответствующих или не соответствующих ее, личности, идеалам». И так как каждый волен сочинить себе такой «идеал», какой ему взбредет на ум, то может быть столько истолкований человеческой истории, сколько имеется этих «идеалов».

Конечно, такая, с позволения сказать, «социология» ничего общего с наукой не имеет. При таком взгляде, как указывает Ленин, «не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонах от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории...»⁴. Но эта «теория» не только антинаучна: она построена целиком в интересах господствующих эксплуататорских классов, так как своим утверждением о множественности истин, множественности «правд», она служит эксплуататорским классам духовным оружием для освящения капиталистических порядков, как вполне соответствующих «идеалам» эксплуататоров. Правда, народники, покрывая зады социалистов-утопистов, ссылались в обосновании своих «идеалов» на человеческую природу, говорили, что «существенная задача социологии... состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение»⁵. Но ведь буржуазия как раз и объявила буржуазную собственность и основывающуюся на ней эксплуатацию рабочих «естествен-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 63.

² Ленинский сборник XII, стр. 291—292.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 63.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 58—59.

⁵ Там же, стр. 58.

иым правом» человека, «соответствующим человеческой природе».

Легко понять, какое огромное не только научное, но и освободительное значение имел и имеет открытый Марксом и Энгельсом взгляд на общественную жизнь как на естественно-исторический процесс.

Что это значит и какие из этого вытекают революционные выводы, ярко сказано в следующих строках *История ВКП(б)*: «Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни — представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества».

Значит, общественная жизнь, история общества перестает быть скоплением «случайностей», ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку.

Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях «выдающихся лиц», не на требованиях «разума», «всеобщей морали» и т. п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей¹.

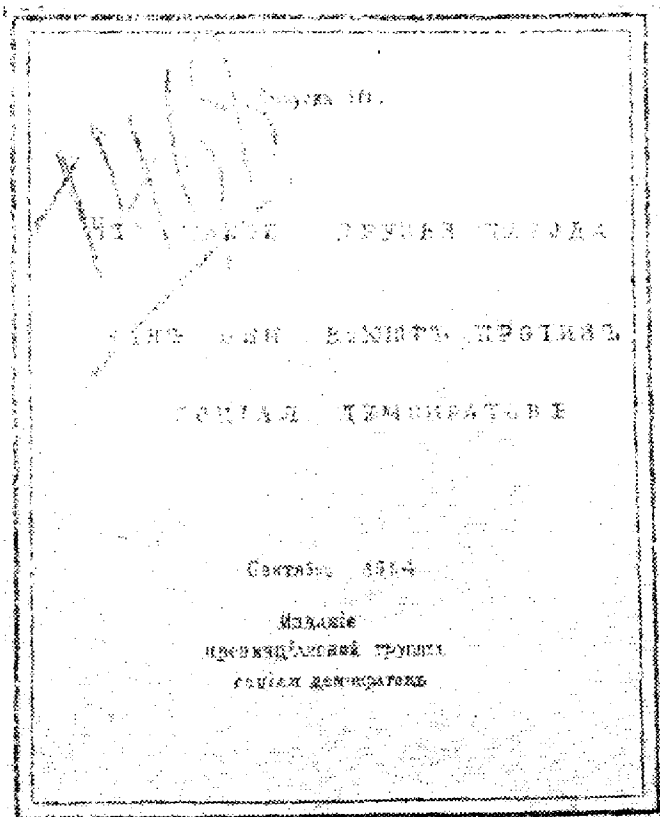
Взгляд на историю как на естественно-исторический процесс подорвал вконец буржуазную лженауку, претендовавшую на наименование социологии.

Буржуазная так называемая «наука» об «обществе вообще» всячески фальсифицировала действительный ход общественного развития и стремилась представить «научное» доказательство неизменности и вечности устоев капитализма.

Характерный образец этого перенесения отличительных черт капитализма на все эпохи представляет, например, истолкование в буржуазной социологии вопроса о происхождении государства. Совершенно извращая фактическую историю, буржуазная социология изображает дело так, будто вначале была семья, которая затем вырослась в племя, а племя разрослось в государство, между тем как в действительности государство возникло тогда, когда общество разделилось на классы и явилось продуктом этого классового расчленения общества.

Ленин в «Что такое «друзья народа» выменяет Михайловского, с «важным видом повторяющего этот ребяческий вздор» и обнаруживающего этим, помимо всего прочего, полное незнание хода хотя бы даже русской истории. Но Ленин этим не ограничивается: он вскрывает классовую

¹ «История ВКП(б)», стр. 109.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

основу народнических взглядов. «Нет ничего характернее для буржуа, — говорит он, — как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»².

Маркс и Энгельс открыли новое понимание истории, в свете которого рухнула вся буржуазная социология, рухнули все многочисленные «теории» и «теориейки», которые так же далеки были от науки, как небо от земли. Маркс и Энгельс распространили созданный ими диалектический материализм на познание общественных явлений, создали исторический материализм, в свете которого все общественное развитие предстало как закономерный процесс смены одних общественных формаций другими, из которых каждая имеет свои особые законы развития. Ленин, характеризуя взгляды Маркса на общественно-экономическую формацию как на естественно-исторический процесс, пишет: «Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — «отношений производственных», как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»³.

До Маркса социологи не в состоянии были проводить различия в сложной сети общественных явлений, не умели найти объективного критерия для такого разгра-

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

³ Там же, стр. 59.

ничения («это, — говорит Ленин, — корень субъективизма в социологии». — Т. I, стр. 61). Субъективисты сводили все к общественным идеям и целям человека и останавливались на этих идеях, не будучи в состоянии понять и даже не ставя перед собой вопроса о том, каково происхождение этих идей и целей. Поэтому они «не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»¹.

Субъективисты отрицали повторяемость в общественных явлениях, отрицали поэтому возможность обобщающего знания в области общественной жизни, противопоставляли теоретическим (обобщающим) наукам о природе науку об обществе как «науку о должном».

Но это отрицание субъективистами повторяемости в общественных явлениях свидетельствовало не о том, что ее будто бы действительно нет в общественной жизни, а об их идеалистическом взгляде на историю. Идеалистическая концепция заграждала им (да не только им) путь к правильному пониманию человеческой истории. Только открытое Марксом и Энгельсом материалистическое понимание истории дало возможность обобщить явления общественной жизни, поставить их изучение на рельсы науки, ибо анализ производственных отношений как основных «сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, «что» общее всем им»².

Но что такое производственные отношения?

Производственные отношения складываются в зависимости от данной степени развития материальных производительных сил. Производственные отношения и производительные силы суть две стороны способа производства материальных благ, составляющего главную силу в системе условий материальной жизни общества и определяющего физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому.

История ВКП(б) говорит об этом в следующих замечательно ярких выражениях:

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 61.

² Там же.

«Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества».

Но производительные силы составляют лишь одну сторону производства, одну сторону способа производства, выражающую отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Другую сторону производства, другую сторону способа производства составляют отношения людей друг к другу в процессе производства, производственные отношения людей... Следовательно, производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ...

На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства, или, говоря грубее, — ведут различный образ жизни. При первобытной общине существует один способ производства, при рабстве существует другой способ производства, при феодализме — третий способ производства и т. д. Сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, их политические учреждения — бывают различными.

Каков способ производства у общества, — таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения»³.

Исторический материализм представил, таким образом, общественное развитие как естественно-исторический процесс, в котором происходит закономерная смена одних общественных форм другими, показал, что в основе этой смены лежит смена способов производства.

Понятно, что исторический материализм не ставит перед собой вопроса, в чем «сущность, цели и задачи» общества «вообще», что ему пыталось приписать народники, в частности Михайловский. Исторический материализм отвергает такую постановку вопроса как антинаучную. Раз общественное развитие представляет собой процесс смены общественно-экономических формаций, то речь может идти лишь о «сущности, целях и задачах» каждой данной общественной формы.

³ «История ВКП(б)», стр. 114—115, 110.

Ленин, едко высмеивая антинаучный вздор народников, обвинявших Маркса в том, что он показал только законы развития капиталистического общества, но не дал законов развития всякого общества, писал: «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал «научный» анализ «одного» общества и «одного» прогресса — капиталистического»¹.

Выше уже указывалось, что один из приемов, к которому прибегали народники в своей «критике» марксизма и в применении которого они не отличались оригинальностью, состоял в том, что они намеренно перевирали те или иные положения марксизма и принимались затем их «раздвигать» с победоносным видом.

Такого рода враньем было придуманное врагами марксизма намеренное изображение исторического материализма как теории, якобы сводящей на-нет значение личной деятельности человека перед лицом исторической необходимости.

Это «возражение» против марксизма Михайловский заимствует у своих западноевропейских коллег и говорит о «конфликте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности». Ленин пишет по этому поводу: «На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм (т. е. признание обусловленности человеческой воли, ее зависимости от окружающих условий.— Г. Г.) отнимет почву у столь любимой им мешапской морали»².

Марксизм, рассматривая человеческую историю как естественно-исторический процесс, рассматривает ее в то же время как продукт деятельности людей. Люди делают свою историю, учит марксизм, поэтому личная деятельность не может не иметь в ней значения. Ленин, борясь против Михайловского, указывает, что «идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех?...»³.

Признание исторической необходимости вовсе не означает призыва к пассивному преклонению перед ней или надежды на самотек. Марксизм, доказывая необходимость капиталистического строя, доказы-

вает вместе с тем и необходимость другого общественного строя, социализма, который неизбежно должен прийти на смену капитализму. А это означает именно необходимость деятельности людей, результатом которой и должен явиться этот высший строй. Историческая необходимость смены старых производственных отношений новыми вовсе не означает, что такой переход происходит гладко, без потрясений, без конфликтов. Наоборот, такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых. До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только «до известного момента, — как подчеркивается в Истории ВКП(б), — до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения»⁴.

Марксизм открывает, таким образом, широкое поле для настоящей исторической деятельности тех, кто борется за торжество нового над старым, отжившим или отживающим свой век, для исторической деятельности тех, кто борется во имя осуществления новых, передовых идей. Марксизм не только не отрицает роли общественного сознания, роли разума и передовых идей, но рассматривает эти передовые идеи как великую мобилизующую, организующую и преобразующую силу. Марксизм возлагает поэтому на людей и великую обязанность и великую ответственность. «Идея детерминизма, — пишет Ленин, выступая против Михайловского, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»⁵. В са-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 65.

² Там же, стр. 77.

³ Там же.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 125.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 77.

ныи хозяйствами при самых уравнивательных формах общинного землевладения), эксплуатируемый большей частью владыка еще прощальным хозяйством и так. обр. привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должна вестись борьба: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны опровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединяться, понять, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставить в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоить идеи научного социализма, идеи исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение в среде рабочих создаются прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую борьбу рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, подвигаясь во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с Пролетариатом ВСЕХ СТРАН); прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОВЕДОМОСНОЙ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Конец

1894.

Последняя страница текстурованного издания книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» 1894 год.

мом деле, из того факта, что империалистическая война была порождена всем ходом развития империализма, отнюдь не следует, что предатели из II интернационала не несут ответственности за те бедствия, которые были причинены империалистической войной трудящемуся человечеству.

Ибо, как сказано в **Истории ВКП(б)**, «война не имела бы такого разрушительного характера и, может быть, даже вовсе не развернулась бы с такой силой, если бы партии II Интернационала не изменили делу рабочего класса, если бы они не нарушили решений Конгрессов II Интернационала против войны, если бы они решились активно выступить и поднять рабочий класс против своих империалистических правительств, против поджигателей войны»¹.

* * *

Ленин назвал свою книгу, направленную против народников, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Уже в самом названии ясно виден метод борьбы Ленина про-

тив народников. Ленин не ограничивается тем, что разрушает догма весь идейный арсенал народников; в самой критике народнической идеологии он применяет острейшее материалистическое оружие. За словами и формулами народников, за их теориями и программами Ленин зорко разглядел те общественные силы, руном которых явились народники 90-х годов. Ленин вскрыл классовое содержание народнической идеологии и политики, разоблачил их подлинное лицо, показал, что кличка «друзья народа», которую народники сами себе дали, — обманная кличка, что она не идет к ним, что они выступают, по сути дела, как выразители интересов кулачества. Защита народниками их ложной теории с неизбежностью привела их к роли знаменосцев кулачества. Ленин показал, как «идеи» народников чем дальше, тем больше поерамлялись, опрокидывались самой жизнью и логикой событий народники были поставлены в положение людей, которые на деле пошли против народа, в интересах кулачества.

Анализ классовой природы народников 90-х годов и процесса их вырождения Ленин дает в третьем выпуске своей ге-

¹ «История ВКП(б)», стр. 173.

ниальной книги. Ленин показывает, что утверждения народников о том, что в России нет пролетариата, их противопоставление кустарной промышленности, которую они называли «нашей народной промышленностью», промышленности капиталистической выражали, как говорит Ленин, общую тенденцию «друзей народа», как и всех российских либералов, замазывать антагонизм классов и эксплуатацию трудящегося в России»¹. Яркими фактами Ленин доказывает, что в «народной промышленности» (т. е. кустарной.— Г. Г.) налицо «преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд поработан капиталу»², и что нельзя найти «в России такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически»³.

На множестве цифровых данных и фактов Ленин показывает, как писатели-народники искажают действительное положение дел в деревне, отрицают самое наличие бедноты и всячески смазывают эксплуататорские отношения в деревне. Разоблачая фальсификаторские приемы народнических писателей, Ленин пишет: «...по отношению к массе бедноты мы видим уже прямую экспроприацию, сопровождающуюся притом концентрацией средств производства в руках меньшинства, владеющего сравнительно крупными и прочно стоящими хозяйствами... наглядно видим тут, как средства производства, от которых отделяются экспроприруемые крестьяне, превращаются в капитал»⁴.

Яркий образец замазывания народниками классовых антагонизмов в царской России представляли и их рассуждения о русской интеллигенции, о ее роли и месте в царской России. Они доводили эти рассуждения до крайних пределов извращения и лжи, пытались представить интеллигенцию в роли руководительницы хозяйственной жизни страны. Народнический писатель Кривенко так и заявил, что «интеллигенция руководит предприятиями фабрикантов и может руководить народной промышленностью»⁵.

Ленин дает резкую отповедь этой беспардонной лжи. «Неужели, — пишет он, — можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят ежегодно такую «интели-

генцию» (?), которая едет только того, кто ее прокормит? Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время в России только у буржуазного меньшинства? Неужели буржуазная интеллигенция в России исчезнет оттого, что «друзья народа» скажут, что она «могла бы» служить не буржуазии? Да, «могла бы», если бы не была буржуазной. «Могла бы» не быть буржуазной, «если бы» не было в России буржуазии и капитализма»⁶.

Ленин беспощадно срывает маску с «друзей народа», которые постоянно подчеркивали свою «бессловность» и якобы надклассовый характер своих «идеалов», пытались изображать себя в роли защитников так называемой «чистой» идеи.

Срывая маску с лица «демократической» интеллигенции, Ленин доказывал, что если «сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессловной интеллигенции» с положением и интересами данных классов русского общества, то вывод «вытекает совершенно определенный: русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной»⁷.

Далее, Ленин подвергает разгрому политическую программу «друзей народа», рассчитанную на то, чтобы отвлечь эксплуатируемые массы от борьбы против капиталистов, помещиков и буржуазии. Народники докатились уже до того, что стали идеализировать царское правительство; о помещичье-буржуазном государстве они утверждали, что его естественная задача — «охранять экономически слабого». «Они просто думают, — писал Ленин о народниках, — что если попросить хорошенько да поласковее у этого правительства, то оно может все хорошо устроить»⁸.

Замазывание классовых противоречий и отрицание классового характера государства ставили народников в рабские отношения к царскому правительству. Ленин приводит характерную выдержку из «Русского богатства», где говорится о том, что, так как «Россия «к счастью» (sic!) отстающая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности»... поэтому она в состоянии выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что шансы на это увеличивает для России ее неоспоримое «политическое могущество»!!»⁹.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 119.

² Там же, стр. 120.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 136.

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 144—145.

⁷ Там же, стр. 293.

⁸ Там же, стр. 161.

⁹ Там же, стр. 162.

По поводу этой гнуснейшей режиссуры органа пародовольных Ленин пишет с негодованием: «Это еврейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забыт у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе, — этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности!

Это уже выше всякой меры! Г. г. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы»¹.

Ленин показывает классовую природу народников в ее разнообразных проявлениях: в том, как народники относились к крестьянской реформе, в оценке ими русской действительности того времени, в их практической программе.

В то время как Чернышевский в эпоху самого совершенства крестьянской реформы гениально понял ее основной буржуазный характер и вложил в уста своего героя Волгина слова: «Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика», — либеральные народники 90-х годов славословили реформу, усматривали в ней санкцию «народного» производства. Это отношение народников к крестьянской реформе — «самое, — пишет Ленин, — наглядное доказательство того, как наши демократы глубоко обуржуазнились»².

Ленин с негодованием обрушивается на утверждения народников о том, что в России нет капитализма, нет пролетариата, что «русский капитализм ограничивается 1,5 миллионами рабочих». Ленин показывает, что все эти утверждения народников нужны были лишь для того, чтобы скрыть факты зверской эксплуатации массы народа кучкой капиталистов и невиданной ни где экспроприации крестьянства, что «постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России...»³.

Политическая программа «друзей народа» сводилась к требованиям реорганизации Крестьянского банка, дешевого кредита, улучшения техники и т. п. Народники 90-х годов говорили уже с издевкой о «хождении в народ», говорили и писали о том, что «о господах, только питавших хорошие чувства к мужику... даже памяти

не сохранилось», а вот-де о садовнике Шмидте, научившем крестьян устраивать виноградники, которые дают доход рублей 75—100 в год, сохранилась «добрая память».

Неизбежность этого вырождения коренилась во всей идеологии народничества.

«Взгляните, — писал Ленин, — в эту программу и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву временного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штыком и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшение техники, банки и т. п. — в состоянии только усилить и развить буржуазию»⁴.

Ленин называет «друзей народа» реакционерами, потому что они замазывают антагонизм русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д. Они реакционны, так как изображали государство чем-то над классами стоящим и утверждали, будто бы царское правительство способно оказать какую-либо серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению. Они реакционны потому, что абсолютно не понимают необходимости борьбы, и борьбы отчаянной, самих трудящихся для их освобождения.

Ленин указывает, что народничество при самом своем зарождении исходило из неправильного представления об особом укладе народной жизни, верило в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина. Все внимание народников было сосредоточено на той форме землевладения, в которой они хотели видеть задатки коммунизма, т. е. на общине. Но они не видели экономияки деревни, не видели и не хотели видеть расслоения в деревне, того факта, что общинное землевладение было лишь формальным, что фактически пользовались землей те члены общины, у которых были рабочий скот, инвентарь, семена, безлошадные же крестьяне вынуждены были отдавать землю кулакам и заниматься в батраки. Идеализация народниками общины и ее защита, пренебрежение политико-экономической структурой деревни привели к выработке программы, явившейся выражением интересов тех слоев крестьянства, которые могли держаться и развиваться внутри общины, т. е. кулацких и зажиточных слоев.

Когда в результате «хождения в народ» народники убедились в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика, они перенесли свою деятельность

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 162—163.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 143.

на борьбу против правительства, притом осуществляемую силами одиночек. И если сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не только политическую, но и социальную революцию, то теперь, при утрате веры в то, что общинный крестьянин — уже готовый социалист, борьба против правительства становится борьбой буржуазных элементов за политическую свободу.

«Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно», — резюмирует Ленин¹.

Ленин в своей книге «Что такое «друзья народа» сорвал с народников маску «друзей народа», показал их истинное лицо выразителей интересов кулачества.

Ленин завершил идейный разгром народничества, окончательно добил его.

* * *

По огромное значение этой книги состоит не только в блестяще выполненном Лениным окончательном разгроме народничества: книга Ленина — боевой программный документ. В этой книге Ленин развертывает программу борьбы рабочего класса, определяет его роль как единственного и естественного представителя всего трудящегося и эксплуатируемого населения России, определяет роль крестьянства как союзника пролетариата.

В то время как Плеханов не учитывал, что для победоносной борьбы с самодержавием пролетариат может и должен повести за собой крестьянство, и совсем скидывал крестьянство со счета, Ленин в «Что такое «друзья народа» прямо поставил вопрос о союзе пролетариата с крестьянством в борьбе против абсолютизма, сословности, бюрократии. Ленин подчеркнул, что крестьянство в России являлось прогрессивной силой, борющейся против остатков средневековой эпохи и крепостничества, в уничтожении которых оно кровно заинтересовано.

Ленин гениально предвидит, что в предстоящей революции роль гегемона должен будет играть рабочий класс России. В противовес Плеханову, который видел в либеральной буржуазии революционную силу, Ленин указывал, что русская буржуазия неспособна будет к последовательной борьбе против крепостнических порядков и сделается союзником царского самодержавия. Говоря о русской буржуазии, о русском капитале, Ленин указывает, что русский капитал «в России особенно склонен

жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы подавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения»².

Ленин развертывает в своей книге программу деятельности партии рабочего класса, говорит об «организации социалистической рабочей партии» как о первой задаче, определяет основные рычаги деятельности партии, характеризуя ее словами Либкнехта: «Studieren, Propagandieren, Organisieren».

Уже здесь Ленин подчеркивает великую силу революционной теории, необходимость единства теории и практики. Ленин говорит о марксистской теории: «Непреодолимая, привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран — в том и состоит, что она соединяет строгую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (т. I, стр. 218).

Последние слова этой выдающейся книги Ленина говорят о пророческой прозорливости великого гения революции. Вот эти замечательные слова, с научной точностью предсказавшие будущее на несколько десятков лет вперед:

«Когда передовые представители его (т. е. рабочего класса России. — Г. Г.) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»³.

«Таким образом, более 40 лет тому назад Ленин правильно указал путь борьбы рабочего класса, определил его роль, как передовой революционной силы общества, определил роль крестьянства, как союзника рабочего класса»⁴.

² Там же, стр. 187.

³ Там же, стр. 194.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 21.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 175.

РАЗРЫВ ПЛЕХАНОВА С НАРОДНИЧЕСТВОМ И ПЕРЕХОД ЕГО К МАРКСИЗМУ

1

С возникновением первой русской марксистской группы «Освобождение труда» в 1883 году начинается история социал-демократического движения в России. До появления социал-демократических организаций в России борьбу против царского самодержавия вели народники, являвшиеся противниками марксизма. Организаторы первой марксистской группы в России (Плеханов, Аксельрод и др.) сами были в прошлом активными деятелями мелкобуржуазного революционного движения — народничества.

Г. В. Плеханов весной 1876 года, будучи 19-летним юношей, бросил учение в Горном институте и целиком посвятил себя революционной деятельности. Он был одним из организаторов Северной группы народников, получившей наименование «Земля и воля». 6 декабря 1876 года Плеханов выступил с горячей революционной речью на демонстрации у Казанского собора в Петербурге, где присутствовало наряду со студентами 200—250 рабочих. Скрываясь от царских ищеек, Плеханов бежал за границу и затем, через несколько месяцев, возвратился обратно в Россию, на нелегальную работу.

Позже, характеризуя революционное народничество 70-х годов, Плеханов писал: «Народники семидесятых годов смотрели на крестьянство как на главную в России революционную силу, а на крестьянскую поземельную общину как на исходную точку развития нашей страны в сторону социализма. Развитие у нас товарного производства и крупной капиталистической промышленности представлялись им весьма плачевными явлениями, расшатывающими прочность старых «устоев» экономической жизни нашего народа, и потому задерживающими приближение социальной революции. Поэтому деятельность в рабочей среде никогда не занимала широкого места в народнической программе: рабочими интересовались лишь в той мере, в какой считали их способными поддержа-
т ь крестьянское восстание, которое,

по мнению народников, должно было вспыхнуть вдали от промышленных центров, на окраинах, еще не позабывших крупных крестьянско-казанских бунтов и хранящих строго «народные идеалы»¹.

Большинство тогдашних народников шло за Бакуниным — бунтарем и анархистом. В отличие от народника Петра Лаврова, который звал интеллигентов к длительной работе «по просвещению» крестьян, Михаил Бакунин заявлял, что народ готов к немедленному восстанию. Стоит только интеллигентам-революционерам явиться в деревню, рассказать крестьянам, как нужно бороться, — и крестьянские массы полетят на бунт против царя. Задача интеллигентов — объединить местные бунты в один всероссийский бунт, тогда самодержавие будет сметено и возвратится на Русь «крестьянский социализм».

Плеханов, как и большинство активных народников, был последователем Бакунина. В конце августа 1878 года Плеханов поехал на Дон. В своих корреспонденциях (№ 2 «Земля и воля» от 15 декабря 1878 года и № 4 от 20 февраля 1879 года) Плеханов писал о волнении донских казаков по поводу введения новых правил пользования общественными лесами.

В результате агитационной поездки на Дон Плеханов написал прокламацию «Славному войску казанскому, донскому, уральскому, кубанскому, терскому и проч. и проч.».

Возвратившись с Дона в Петербург, Плеханов по поручению организации «Земля и воля» связался с рабочими-революционерами, участниками «Северного союза русских рабочих», Степаном Халтуринным и другими. Народник Плеханов искал среди рабочих помощников для работы в деревне.

В начале 1878 года, до поездки на Дон, Плеханов вел агитационную работу среди рабочих новой бумагопрядильной фабрики (Обводный канал). По поводу забастовки на этой фабрике в феврале 1878 года он написал прокламацию «К рабочим всех фабрик и заводов». «Друзья рабочие! — говорилось в прокламации. — Горькая нужда и тяжелые подати гонят вас из деревень на фабрики [и] заводы: вы ищете работы, чтобы удовлетворить старшину и станового, [кот]орые с разгуми требуют податей... Рабочему человеку защиты искать негде. Полиция всегда заступается за [хозя]ина: чуть что — рабочего волокут в кутузку!»².

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 122. Изд. 1923.

² «Литературное наследство Г. В. Плеханова». Сборник I, стр. 382. Соцэкгиз. 1934.

Как видно из этих, как и из других прокламаций, Плеханов рассматривал борьбу рабочих сквозь народническую призму, он видел в них только разорившихся крестьян, которые временно живут в городах.

Когда организация петербургских рабочих — «Северный союз русских рабочих» — в своей программе, составленной С. Халтурным и В. Обнорским, отметила, что своей ближайшей задачей она ставит завоевание политической свободы и политических прав для народа (свободы слова, печати, собраний и т. д.), это вызвало недовольство землевольцев, в том числе и Плеханова, несмотря на то что в своих корреспонденциях он сам писал о «наступательном союзе фабриканта и околоточного против рабочих».

Народники, презиравшие политическую свободу из-за ее «буржуазности» и считавшие, что борьба за политические права есть измена «народному делу», поместили заметку в журнале «Земля и воля», в которой порицали «Северный союз русских рабочих» за то, что его программа пахнет катехизисом европейской социал-демократии. В ответ на эту критику программы «Северного союза русских рабочих» Халтурин и Обнорский прислали в редакцию журнала «Земля и воля» письмо, в котором решительно отстаивали необходимость борьбы за политическую свободу и приобретение политических прав. Халтурин и Обнорский писали, что организованные в «Союз» рабочие — не какие-нибудь дикари — Сысойки, которые ничего не понимают. Русские рабочие хотят собраться, читать, обсуждать жизненно-важные для них вопросы и поэтому не могут не бороться с царским произволом за завоевание политических прав. Прежде политическая свобода, а затем социальное удовлетворение, говорили они. В. Обнорский некоторое время жил за границей и был знаком с деятельностью I Интернационала, руководимого Марксом; это наложило свой отпечаток на программу «Северного союза русских рабочих».

Рабочие-революционеры переросли народников на целую голову — это позже понял и Плеханов, но в конце 70-х годов, будучи народником-анархистом, он зорил за революционно-политические организации рабочих за правильно намеченные ими пути политической борьбы с самодержавием.

Однако уже в конце 70-х годов, присматриваясь к рабочему движению, ближе знакомясь с руководителями «Северного союза русских рабочих», Плеханов начал несколько критически относиться к народнической теории и практике.

В №№ 3 и 4 «Земли и воли» за 1879

Г. В. Плеханов.

год Плеханов поместил статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». В этой статье он использовал уже некоторые положения из экономического учения Маркса, но все же статья в целом продолжала оставаться народнической, бакунистской. В этой статье Плеханов отмечал, что Россия непохожа на Запад, у нас-де в отличие от Запада есть сельская община и поэтому путь к социализму совершенно иной; он писал: «Нам понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс. На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма; но мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно иной, если бы община не пала там преждевременно»¹.

Защищая народнические положения, Плеханов в то же время писал, что рабочим движением следует больше заниматься, чем это делали до сих пор народники. «Действительно ли городская рабочая масса остается без крупной роли в будущем социальном перевороте? Нам кажется, что это мнение совершенно ошибочно»². Но как и все народники, Плеханов продолжал считать, что рабочие — это те же крестьяне. «Фабрика для них является только видом отхожего промысла и, отвлекая их от де-

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 61.

² Там же, стр. 69.

ревня, хотя бы на целые годы, не уничтожает, однако, их деревенских связей и симпатий. Вопрос аграрный, вопрос общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочих, как и крестьянам. Словом, это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства»¹, — писал он.

Плеханов тогда не хотел еще видеть формирования фабрично-заводского пролетариата в самостоятельный класс и роль этого класса в революционном движении. Главной силой революции является крестьянство, возглавляемое интеллигентами, а рабочие, продолжал утверждать Плеханов, «явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота»². Народник Плеханов считал, что рабочие, разойдясь по селам и деревням, сыграют роль «воровских прелестников», оказавших еще в прошлых столетиях большие услуги разинскому и пугачевскому восстаниям. Таковы основные положения этой бакунистской статьи Плеханова.

После раскола «Земли и воли» в 1879 году и образования групп «Черного передела» и «Народной воли» Плеханов, находясь во главе «чернопердельцев», продолжал отстаивать свои старые, бакунистские взгляды, хотя известный надлом в его идеологии уже произошел.

В течение этого года Плеханов стремился объединить революционные народнические элементы вокруг «Черного передела», но это ему не удалось: большинство народников было связано с террористами-народовольцами.

2

В январе 1880 года Плеханов уехал из Петербурга за границу, так как испытывал острую потребность поработать вдали от полицейских преследований над теоретическими вопросами, осмыслить причины падений среди народников и кризис народнического движения и, главное, изучить труды Маркса и Энгельса, интерес к которым у Плеханова к этому времени очень возрос. Отъезд за границу надо было ускорить, так как охранка усиленно искала Г. В. Плеханова.

Прибыв в Париж, Плеханов познакомился с деятелями французской социалистической партии (Ж. Гедом, коммунарой Луизой Мишель и др.), посещал собрания рабочих. В Париже и затем в Женеве Плеханов занялся глубоким изучением научного социализма Маркса и Энгельса. Теперь он по-новому оценивал рабочее движение России: постепенно осво-

бождаясь от народнических взглядов, Плеханов переходил на позиции марксизма и вскоре стал выдающимся пропагандистом марксизма.

Историк М. Н. Покровский совершенно неправильно, ненаучно ставил вопрос об эволюции Плеханова от народничества к марксизму. По мнению Покровского, для того чтобы стать марксистом, Плеханову не надо было эмигрировать за границу и глубоко изучать труды Маркса. Он считал, что Плеханов уже в 1879 году, находясь в России и имея опыт работы среди петербургских рабочих, был вполне законченным марксистом. Как свидетельство этого Покровский приводил упомянутую выше статью Плеханова, «Закон экономического развития общества».

Народничество и марксизм — противоположные системы взглядов, принципиально различные политические течения. Народничество — ненаучный, мелкобуржуазный «социализм», идеология мелкой буржуазии. Марксизм — научный социализм, теория и тактика рабочего класса. Марксизм вырастал в борьбе с враждебными, буржуазными и мелкобуржуазными течениями в России, в борьбе с врагом своим — народничеством. Переход от народничества к марксизму не мог у Плеханова произойти механически. Вышеуказанная статья земледельческого периода деятельности Плеханова «Закон экономического развития общества», как мы показали, являлась не марксистской, а бакунистской. Работу среди рабочих Петербурга Плеханов проводил с позиций народничества, не признавая самостоятельного значения рабочего класса в революционной борьбе. В этот период Плеханов воспринимал Маркса сквозь призму Бакунина. Чтобы стать марксистом, Плеханову надо было отбросить, раскритиковать народничество, стать на принципиально иные теоретические позиции, а для этого как раз и требовалось ознакомление с западноевропейским рабочим движением и основательное изучение марксизма.

Становясь марксистом, Плеханов пришел к необходимости дать анализ русской действительности и места разных классов в ней, руководствуясь теорией научного социализма. В конце 1882 года Плеханов перевел на русский язык «Коммунистический манифест», для русского издания которого Маркс и Энгельс написали предисловие.

В своем предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» Плеханов писал: «От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, кото-

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 69.

² Там же, стр. 70.

рую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты»¹.

29 марта 1883 года состоялся очередной съезд немецкой социал-демократической партии в Копенгагене (в это время действовал «исключительный закон против социалистов» и германская партия была нелегальной). Плеханов, Аксельрод и Засулич написали приветствие этому съезду, в котором выражали от имени русских социалистов-эмигрантов глубокую скорбь по поводу смерти основоположника научного социализма — К. Маркса. Плеханов и его товарищи внесли предложение, чтобы съезд «...взял на себя инициативу международного сбора для сооружения памятника, который был бы достоин великого пионера современного социализма и свидетельствовал бы об уважении к нему социалистов всех стран, а также инициативу создания фонда для народного издания всех сочинений Маркса»².

Но, даже став на позиции марксизма, выдвигая задачу организации революционной рабочей партии и, главным образом, массового политического движения рабочих против самодержавия, Плеханов и его товарищи считали еще возможным пойти на организационное сближение с «Народной волей». Плеханов вошел в редакцию журнала «Вестник Народной воли». Народовольцы в отличие от народников 70-х годов формально признавали политическую борьбу, но понимали ее карикатурно: сводили к заговорничеству, индивидуальному террору, отказываясь поднимать народные массы на революционную борьбу. Их путь борьбы с царизмом был ошибочным и вредным для революции.

Плеханову и его товарищам казалось, что народовольцы стали больше интересоваться рабочим движением и что крупные разногласия в понимании политической борьбы при сближении с «Народной волей» будут изжиты. Плеханов надеялся повернуть народовольцев на путь марксизма. Он тогда еще не видел всей пропасти, которая отделяла марксистов от заговорщиков-народовольцев. Попытка слияния группы Плеханова с народовольцами была, конечно, обречена на неудачу, и это очень скоро выявилось.

Летом 1883 года Плеханов написал для журнала «Вестник Народной воли» статью «Социализм и политическая борьба», в которой наряду с другими вопросами резко критиковал яacobинскую теорию «захвата власти» заговорщиками. Народовольцы Тихомиров и Полоцкая-Ошадина,

ознакомившись с содержанием этой статьи, отказались ее напечатать. Тогда, в августе 1883 года, Плеханов взял свою статью обратно и ушел из редакции журнала «Вестник Народной воли». Вслед затем Плеханов порвал организационные связи с народовольцами.

25 сентября 1883 года в Женеве было опубликовано объявление об издании «Библиотеки современного социализма». Первым произведением, выданным этой библиотекой, была исправленная статья Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба».

В объявлении об издании «Библиотеки» было сказано: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного Передела» образуют ныне новую группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями».

Задачи группы «Освобождение труда» сводились к двум главным пунктам:

«1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России».

«Распространением взглядов Маркса и Энгельса и занялась первая русская марксистская группа, плехановская группа «Освобождение труда»³.

3

Плехановская группа «Освобождение труда» проделала большую работу по распространению марксизма в России. Наибольшая роль в этом деле принадлежит основоположнику группы — Плеханову. Участниками группы были переведены на русский язык работы Маркса и Энгельса: «Манифест коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке» и другие. Их печатали за границей и тайно распространяли в России. Плеханов, Засулич, Аксельрод и другие члены группы написали также ряд произведений, в которых они разъясняли учение Маркса и Энгельса, пропагандировали идеи научного социализма⁴.

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 151.

² Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 9. Гиз. 3-е изд.

³ «История ВКП(б)», стр. 11.

⁴ См. там же, стр. 10—11.

Программой работы социал-демократической марксистской группы «Освобождение труда» являлась брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (октябрь 1883 года).

В. И. Ленин в одном из документов, написанных в 1899 году, разоблачая оппортунистов в рядах русской социал-демократии, отметил, что революционные социал-демократы стоят на точке зрения старых принципов, провозглашенных группой «Освобождение труда», и программным документом этой группы является первая марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба». Ленин писал: «Первое profession de foi (исповедывание веры.— М. М.) всемирного социализма, «Коммунистический Манифест», установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится классовым движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социализма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., подтвердила эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»¹.

Для того чтобы революционная интеллигенция уяснила себе политические задачи рабочего класса, марксист Плеханов начал с критики основных положений царизма.

«Группа «Освобождение труда» подчала знамя марксизма в русской заграничной печати в тот момент, когда социал-демократического движения в России еще не было, — отмечается в Истории ВКП(б). — Необходимо было прежде всего теоретически, идейно проложить путь этому движению. Главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в то время были царские взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции»².

Раньше всего падо было по-марксистски разрешить вопрос о социализме и политической борьбе.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов, опираясь на учение

Маркса, показал, что нельзя противопоставлять социализм политической борьбе. Рабочий класс — самый передовой класс современного общества. Рабочий класс, организуясь в революционную партию, поведет борьбу с царизмом за завоевание политических свобод, которые являются необходимым условием борьбы за социализм. Кто не организует рабочий класс для борьбы против царизма, тот не борется за социализм.

«Связывать в одно, — писал Плеханов, — два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества, — значит отдалить наступление и того, и другого»³.

Плеханов показал диалектическое взаимодействие политики и экономики. «Везде и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития», — говорил он.

Подробно объясняя, что такое научный социализм, Плеханов писал, что научный социализм Маркса и Энгельса является «самым смертельным и решительным противником идеализма». «Научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т.-е. он объясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений»⁴.

Широко используя работы Маркса и Энгельса, Плеханов дал анализ социально-политического уклада русской жизни, показал, как на смену крепостничеству выступают буржуазные отношения, как в недрах капитализма растет и крепнет рабочий класс — могильник буржуазии.

Он подчеркивал, что рабочий класс является самым передовым, самым революционным классом общества. Пролетариат должен вести политическую борьбу и для этого организовать в самостоятельную рабочую партию. Путь борьбы рабочего класса к своему полному освобождению должен быть освещен революционной теорией Маркса, ибо марксизм — «самое революционное учение нашего века».

Плеханов писал: «Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, — революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носите-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 2.

² «История ВКП(б)», стр. 11—12.

³ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 45.

лями наиболее передовых идей своего времени»¹.

Разоблачая разглашательства народо-вольцев о «захвате власти» кучкой террористов-заговорщиков, Плеханов показал, что для марксистов захват власти революционной партией представляет собой последний и неизбежный вывод из политической борьбы, которую ведет класс, стремящийся к своему освобождению. И «диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-рабочинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни»².

Однако это заявление в брошюре «Социализм и политическая борьба» о диктатуре рабочего класса не означало еще последовательной марксистской постановки вопроса о государстве рабочего класса — диктатуре пролетариата. Исходя из необходимости организовать классовую борьбу рабочего класса, Плеханов выдвигал две задачи: 1) завоевание свободных политических учреждений и 2) выработку элементов для образования будущей рабочей социалистической партии в России.

Таково основное содержание первой марксистской работы Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». И в этой работе, как и в первом проекте программы группы «Освобождение труда» (1884 год), имеются пережитки народничества. Так например «передовцев», последователей народника П. Лаврова, автора идеалистической теории активных «героев» и пассивной «толпы», Плеханов называет почти социал-демократами. Он писал, что «передовцы», «стоя почти целиком на точке зрения социал-демократии, были совершенно свободны от всех народнических традиций»³. Это совершенно неверно. Хотя электик Лавров отнюдь не называл себя социал-демократом, но он никогда им не был. В первом проекте программы группы «Освобождение труда» (1884 г.) еще признается индивидуальный террор.

У Плеханова этого периода сильно сказывалось еще и влияние лассальянства. (Критика Марксом Готской программы германской социал-демократии не была еще в то время известна, так как лидеры германской социал-демократии ее припрятали.) В программе группы «Освобождение

труда» имелось лассальянское положение о «производительных ассоциациях» и «в прямом народном законодательстве», взятых из Готской программы германских социал-демократов, раскритикованной Марксом. В брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов писал, что «пролетариат требует прямого народного законодательства, как единственной политической формы, при которой возможно осуществление социальных стремлений». Крупный недостаток работы Плеханова — переоценка роли социалистической интеллигенции.

Плеханов считал, что народническая интеллигенция в массе своей сможет революционизировать свои головы, стать марксистской «...руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении»⁴.

Но несмотря на все эти недостатки первая марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» сыграла исключительную роль в пропаганде взглядов Маркса в России и в критике народничества.

Л. Тихомиров во втором номере «Вестника Народной воли» обрушился на взгляды группы «Освобождение труда» и в ответ на плехановскую работу «Социализм и политическая борьба» выступил со статьей «Чего нам ждать от революции?» Эта статья Тихомирова, как и выступление Лаврова, показала, что народо-вольцы целиком увязли в бланкизме и все дальше отходят от революционного движения. Л. Тихомиров писал, что классовая точка зрения Плеханова несостоятельна, капитализм в России не имеет почвы, буржуазия бессильна, рабочих всего 800 тысяч и попрежнему необходима подготовка заговора интеллигентов во имя установления общинного социализма.

Облобление Тихомирова вполне объяснимо, так как, по словам Плеханова, «точке зрения «интеллигентных» заговорщиков была противопоставлена мною точка зрения рабочего класса... и совершенно понятно, что моя брошюра послужила поводом к полемике между мной и главным тогда публицистом «народовольства», ныне в реакции почитающим г. Л. Тихомировым»⁵.

4

Перейдя в наступление против народо-вольцев, Плеханов написал книгу «Наши разногласия» (1884 год), в которой дана обстоятельная и сокрушающая критика народнической теории и практики. Вместо

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 71.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 22.

предисловия в книге помещено «Открытое письмо к П. А. Лаврову», являющееся ответом на статью последнего во втором номере «Вестника Народной воли». Лавров считал неправильной полемику Плеханова против «Народной воли», так как-де «разногласия не особенно значительны», и упрекал Плеханова в том, что для него «полемика с «Народной волей» более современна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа».

Лавров пытался смазать разногласия во имя беспринципного единства всех партий, борющихся против самодержавия. Плеханов же ни в коем случае не был согласен замазывать разногласия и вскрывал суть спора. Плеханов доказал, что народолюбцы возвели в принцип худшие стороны старого народничества. «Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России»¹, — писал Плеханов.

Но, объявляя решительную войну народническим взглядам, резко выступая против их отрицания самостоятельной роли рабочего класса и против их заговорщической тактики, Плеханов не видел еще всей пропасти, отделявшей народолюбцев от марксизма, и все еще надеялся, «что партия Народной Воли обязана стать марксистской»².

В книге «Наши разногласия», делая исторический экскурс ко взглядам Герцена и Чернышевского, Плеханов показал, что теоретическая постановка вопросов у народолюбцев намного ниже чем у русских просветителей 60-х годов, особенно у Чернышевского. Народолюбцы эволюционировали в сторону реакции. Взгляды народолюбцев — это мешанина, составленная из кусочков бакунизма и ткачевизма.

Анархист М. Бакунин в книге «Государственность и анархия», не будучи в состоянии показать историческое развитие общественной жизни, искал отвлеченные черты «русского народного идеала». Эти «идеальные» черты в русском народе, по Бакунину, составляли: 1) всенародное убеждение, что вся земля принадлежит народу, 2) пользование землей принадлежит не лицу, а общине и 3) общинное самоуправление и вследствие этого враждебное отношение общины к государству. Правда, эти «хорошие» черты затемнились «плохими» чертами, которые, как говорил Бакунин, коллективист-крестьянин преодолевает. Народолюбцы восприняли эти бакунистские, отвлеченные представления об

идеалах русского народного быта и идеализировали русскую общину.

Ткачев в открытом письме к Ф. Энгельсу писал: 1) в России нет городского пролетариата, но зато и нет буржуазии, сила русского капитала еще в зародыше; 2) в России в отличие от Запада имеется общинное землевладение, крестьянин является коммунистом по инстинкту, по традиции; 3) русское государство — это только кажущаяся сила, на деле оно не имеет никаких корней в народе и висит в воздухе.

А раз капитал в России находится в зародыше и государство не опирается ни на какую силу, то совершенно естественной представлялась Ткачеву мысль о том, что немногочисленная группа заговорщиков может совершить переворот. Взгляды Ткачева являлись «упрощенным бакунизмом», и это нашло полное выражение в статьях Тихомирова.

Нанося сокрушительные удары народничеству в целом, Плеханов писал: «Статья г. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» представляет собою лишь новое, дополненное, хотя в то же время, во многих отношениях, ухудшенное издание социально-политических воззрений П. Н. Ткачева»³.

Плеханов в книге «Наши разногласия», опираясь на работы Маркса и Энгельса и особенно используя «Манифест Коммунистической партии», показал прогрессивную роль капитализма в прошлом на Западе, растущие в нем противоречия и неизбежную гибель капитализма — торжество социализма.

В специальном разделе «Капитализм в России» на большом фактическом материале Плеханов показал, что Россия уже полностью вступила на капиталистический путь развития, что в результате роста товарно-денежных отношений образовался внутренний рынок. Тихомиров, пользуясь полицейскими данными, писал, что, мол, на 100 миллионов населения России «всего 800 тысяч рабочих, объединенных капиталом». Метафизически подойдя к этим данным, закрывая глаза на рост новых фабрик и заводов, на разорение широких крестьянских масс, рост кустарных промыслов и т. п., Тихомиров не хотел видеть, что количество пролетариев увеличивается наряду с ростом богатства у эксплуататоров. Плеханов в книге «Наши разногласия», оперируя большим статистическим материалом, наглядно показал, как капитализм проникает во все поры народного хозяйства.

В главе «Капитализм и общинное землевладение» он показал, как развитие де-

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 102.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 154.

жежного хозяйства и товарного производства подкапывает общинное землевладение. До 1861 года натуральное хозяйство облегчало существование общины, а затем, после буржуазной реформы 1861 года, община стала разлагаться: внутри общины усилилось классовое расслоение, кулак все больше душил бедняка.

Используя данные конской переписи 1882 года, Плеханов показывает, что из четырех дворов в одном нет лошади; четвертая часть крестьянства — безлошадные.

В Спасском уезде, Тамбовской губернии, хозяйств безлошадных — 21%; однолошадных — 41%; с двумя и тремя лошадьми — 33%. Это приводит к тому, что безлошадные бегут из общины. В трех волостях Московской губернии в 1877 году было 22,7% всех земель запущено. В Кленской волости с 1869 по 1877 год число крестьян, забросивших земли, возросло с 19,3% до 54%.

Народники (народовольцы) не хотели видеть, как рост капитализма в деревне приводит к разрушению общины; они продолжали твердить, что община разрушается под влиянием внешних обстоятельств, и поэтому заботу о сохранении общины возлагали на правительство. Народники (народовольцы) замазывали классовый гнет, становились реакционным элементом. Они «все более и более становятся выразителями интересов той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы»¹.

В разделе «Капитализм и наши задачи» Плеханов беспощадно бичует Тихомирова, лицевавшего, что после захвата власти заговорщиками будет организовано «народное» правительство, которое установит общинный социализм. Плеханов показал, что экономика России становится все более капиталистической и ближайшая революция будет буржуазная. После свержения самодержавия рабочий класс будет готовиться к последующей борьбе за свержение капиталистического строя.

Со всей четкостью подчеркивая отличие социал-демократов от народников, Плеханов писал:

«1) Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мелкокрестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

2) По внутреннему характеру своей организации, сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3) При переходе к этим последним, ей

предстоит не активная, а пассивная роль: она не в состоянии двинуть Россию по пути коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, — класс,

5) Освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий»². Готовить рабочий класс к сознательной революционной борьбе должна социалистическая рабочая партия.

Народовольцы были согласны милостиво признать, что «рабочие важны для революции». Нет, отвечает Плеханов, рабочие сами будут творить революцию, торжество революции должно пойти на пользу рабочего класса, революция имеет особенно важное значение для рабочих.

Высоко ценя книгу Плеханова «Наши разногласия» Ф. Энгельс. В письме к В. Засулич он писал: «...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников»³.

В книге «Наши разногласия» Плеханов требовал от народовольцев безусловного разрыва с их вредными теориями и указывал, что отстаивание бакунистско-ткачевских взглядов Тихомирова приведет народовольцев к защите реакции. Он писал, что уже тогда «официальные теории «партии Народной воли» перестали быть революционными теориями и без малейшего вреда для революции могут быть подвергнуты такой же резкой критике, как и все другие проявления все более и более усиливающейся теперь русской литературной реакции».

Через некоторое время, в конце 1887 года, Л. Тихомиров открыто переметнулся на сторону реакции, стал царским служакой и скатился к редактированию монархических-черносотенных «Московских ведомостей». В начале 1888 года Тихомиров написал книгу «Почему я перестал быть революционером», в которой, оплевывая свое «революционное» прошлое, писал, что он почувствовал отвращение к «внезапным катастрофам» и «насильственным переломам» и поэтому решил перейти на службу к царизму и бороться против ре-

² Там же, стр. 331—332.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 461.

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 255.

волюционеров. В брошюре «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова» Г. В. Плеханов подвел итоги борьбы социал-демократов с народолюбцами и до конца разоблачил их лидера, предателя Л. Тихомирова.

В этом остром памфлете Плеханов подробно остановился на философской стороне научного социализма. Говоря о диалектическом законе перехода количества в качество, он писал: «Точно также, если г. Тихомиров когда-нибудь серьезно «обратит внимание» на свою собственную «революцию», то он, наверное, и в ней найдет подобную точку поворота или «переворота». Он приметит, какая именно капля переполнила чашу его впечатлений и превратила его из более или менее колеблющегося защитника «революции» в ее более или менее искреннего противника»¹.

Изорванное падение, измена «теоретика «Народной Воли» Л. Тихомирова не были случайны. Переход от идеализации такового пережитка крепостничества, как сельская община, к идеализации царского строя вполне естественен, и Плеханов об этом писал: «Это печально, но в этом есть своя неизбежная логика. Человеку, ни за что не хотевшему отказаться от идеализации допотопных экономических отношений русской деревни, естественно было кончить идеализацией паризма, этого естественного политического плода названных отношений»².

Плеханов вел основный кол в политическую могилу Л. Тихомирова. Свою брошюру он заканчивает словами: «Теперь прощайте, г. Тихомиров. Да поплет вам здоровья наш православный бог, а наш самодержавный бог да наградит вас генеральским чином!»³.

Блестящие работы Плеханова против народничества «расчистили почву для победы марксизма в России», отмечается в Истории ВКП(б).

Марксистские проагандистские кружки этого периода находились под идейным воздействием плехановской группы «Освобождение труда».

В ранних теоретических работах Плеханова 80-х годов относится письмо к петербургским рабочим кружкам—«Современные задачи русских рабочих», напечатанное в нелегальном журнале благоевской группы «Рабочий» в 1885 году. В этом документе Плеханов писал, что через тайные рабочие кружки надо подготовить социал-демократическую партию в России. Для № 3 «Рабочего» Плеханов написал

еще одно письмо благоевской организации, в котором призывал русских рабочих бороться с хозяевами за улучшение экономического положения и с царским правительством за завоевание политических прав⁴.

В органе французской социалистической партии «Социалист» 26 июня 1886 года помещена была статья Плеханова о процессе над участниками морозовской забастовки 1885 года «Забастовка в России». В этой статье Плеханов писал, что морозовская забастовка явилась «сходным пунктом нового фазиса рабочего движения».

В 1887 году Плеханов составил второй проект программы русских социал-демократов, более совершенный чем первый проект 1884 года. В этом втором проекте программы группы «Освобождение труда» Плеханов все более освобождается от пережитков народничества.

В июне 1889 года в вышедшем в Женеве органе «Социалист» Плеханов поместил статью «Политические задачи русских социалистов», в которой определял задачи политического воспитания рабочего класса.

В 1889 году Плеханов был представителем русских социал-демократов на I конгрессе II интернационала. Свою речь на конгрессе Плеханов закончил известными словами: «Революционное движение восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторжествует»⁵.

В конце 80-х годов группа «Освобождение труда», добывшая известную сумму денег, приступила к изданию трехмесячного сборника «Социал-демократ». План этот целиком не удалось осуществить. За 3 года было вынуждено всего четыре тома, заполненных в основном статьями Плеханова, дающими критические обзоры внутренней жизни России и характеристику процесса разложения общины. Опираясь на новые исследования, на богатый фактический материал, Плеханов в конце 80-х—начале 90-х годов пришел к новому выводу, что русская сельская община ничего общего не имеет с первобытной общиной, а является продуктом определенной политики паризма.

Плеханов писал: «Общины не спасли бы теперь никакие реакционные помыслы и никакие народники, даже в том случае, если бы меры, принимаемые для ее спасения, и не обращались логикой вещей в новые причины ее гибели. Общи-

⁴ См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник I, стр. 160—163. Соцэкгиз, 1934.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIV, стр. 390.

¹ Г. В. Плеханов. Т. III, стр. 50.

² Там же, стр. 58—59.

³ Там же, стр. 82.

на погибнет, потому что существование ее не имеет теперь никакого экономического смысла. Она является теперь, в руках кулаков и в руках государства, лишь орудием эксплуатации народа. Но и в этом качестве она оказывается очень устарелой, поэтому за нее не будут крепко держаться ни кулаки, ни государство»¹.

Первые марксистские работы Г. В. Плеханова — «Социализм и политическая борьба», «Наша разногласия» и др., — написанные в 80-х годах, воспитали поколение марксистов. Сюда относится также вышедшая в первой половине 90-х годов блестящая работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая развернула основные положения диалектического и исторического материализма и разоблачала субъективно-идеалистические теории народников. Плеханов нанес удар идеалистическим взглядам народников, утверждавшим, что «герои» — интеллигенты — делают историю, а народ — «толпа» — послушное орудие, слепо идущее за «героями». Плеханов показал, что историю делают не «герои» и не «критически мыслящие личности», а народы, классы. Разоблачая народническую теорию о роли личности в истории, Плеханов противопоставляет ей марксистское понимание. Он писал: «У нас думают иногда, что теория Маркса не оставляет места для «роли личности в истории». У нас вообще склонны думать, что законы исторического развития человечества не согласимы с понятием о свободе личности. Это также очень большой вздор»². Плеханов писал, что марксизм не только не отрицает роли личности в истории, но впервые научно доказал, что выдающиеся личности потому и являются таковыми, что правильно выражают потребности экономического развития общества и задачи передового класса. «Диалектический материализм — есть философия действия»³, — писал Плеханов. Передовые идеи, теории и те, кто правильно их осознают и выражают, облегчают развитие общества и его продвижение вперед. Народ создает своих героев и двигает вперед историю; поэтому единственно революционный путь — это путь организации народных масс, организации рабочего класса на борьбу с самодержавием и капитализмом.

Вредная народническая тактика индиви-

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 223—224.

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник IV, стр. 12.

³ Г. В. Плеханов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 131.

дуального террора исходила именно из этой идеалистической теории ведущих «героев» и пассивной «толпы». Разгромив эту идеалистическую теорию, Плеханов освободился от пережитков народничества в вопросе индивидуального террора, к которому он сочувственно относился еще в 80-х годах. Еще в «Наших разногласиях» Плеханов писал, что интеллигенты-террористы ранят политическое чудовище, а рабочие повалят его и добьют до конца. От этого сочувствия террору Плеханов совершенно освободился к началу 80-х годов.

Остатки разгромленного народничества становились на путь открытого реформизма: их проповеди об укреплении общины и т. п. «на деле, — как указывал Плеханов, — становятся все более и более вредными для народа». Они, народники, «утопические враги капитализма, оказываются на деле пособниками капитализма, в самом гнусном и самом вредном его виде»⁴.

Работы Плеханова 80-х годов, этого «утробного периода» в развитии русской социал-демократии, сыграли выдающуюся роль в борьбе с народничеством, в деле распространения марксизма в России.

Но и в этих марксистских работах Плеханова, как и в дальнейших его работах 90-х годов, имеются ошибочные положения, которые явились зародышами его будущего меньшевизма. Последовательно-революционной постановки вопроса о ведущей роли рабочего класса, о его гегемонии не было в работах Плеханова; он не учитывал, что пролетариат должен повести за собой крестьянство и что для свержения самодержавия нужен союз пролетариата с крестьянством.

Во втором проекте программы сказано: «Главнейшая опора абсолютизма заключается в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Плеханов считал, что крестьянство не сможет выполнить революционной роли. «Пролетарий и «мужичек» это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка»⁵, — писал он в 1892 году.

Он заявлял: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опи-

⁴ Г. В. Плеханов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 148, 1933.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 352—353.

раться оппозиционные или революционные комбинации»¹. Ленин считал, что это громадная историческая ошибка в программе и во взглядах группы «Освобождение труда». «Рабочая партия», — писал Ленин, — не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам»². Правильно критикуя враждебные марксизму, реакционные взгляды народничества, Плеханов не вскрывал классовую сущность народников как выразителей интересов «мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего»³.

Недооценивая крестьянство как революционную силу, Плеханов в то же время рассматривал буржуазию как силу, которая может оказать поддержку революции, хотя и непрочную. Он все предостерегал пролетариат не испугать буржуазию «красным призраком» социализма.

Во втором проекте программы группы «Освобождение труда» сказано, что рабочему классу необходимо добиваться политического господства, но ясной, четкой постановки вопроса о диктатуре пролетариата не имелось ни в документах группы «Освобождение труда», ни у руководителя группы — Г. В. Плеханова. Не случайно Плеханов в работе «Анархизм и социализм» 1893 года обошел вопрос о диктатуре пролетариата. Ленин поэтому позже говорил: «Плеханов ухитрился трактовать эту тему,

совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вообще о государстве вообще!»⁴.

Во всех этих ошибках Плеханова надо искать корни его дальнейшей эволюции к меньшевизму и к его позднему полному разрыву с революционным марксизмом и отступничеству от пролетарской революции.

Группа «Освобождение труда» проделала большую работу по распространению марксизма в России, но она еще не была связана практически с массовым рабочим движением. Группа «Освобождение труда», писал Ленин, «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»⁵.

«Литературные произведения Плеханова, его борьба с народниками основательно подорвали влияние народников среди революционной интеллигенции, — говорится в Истории ВКП(б). — Но идейный разгром народничества далеко еще не был завершен. Эта задача — добить народничество, как врага марксизма — выпала на долю Ленина»⁶.

Ленину пришлось разрешить также и другую историческую задачу — соединение марксизма с рабочим движением России, исправление ошибок группы «Освобождение труда» и создание в России марксистской социал-демократической рабочей партии.

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 119.

² В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 520.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 214.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 442.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 353.

⁶ «История ВКП(б)», стр. 16.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА

В царской России, позже других стран вступившей на путь капиталистического развития, долгое время основными общественными классами были помещики и крестьяне; но постепенно в недрах натурального хозяйства вызревали элементы капитализма. Зарождались новые общественные классы — буржуазия и пролетариат. В первой половине XIX века развивающемуся капитализму уже стало тесно в рамках крепостнических отношений. «Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права» (История ВКП(б). Оно было отменено реформой 1861 года, которая была буржуазной реформой, проводимой крепостниками-помещиками. «Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»¹. После 61-го года развитие капитализма в России несмотря на крепостнические пережитки пошло довольно быстро. Вместе с ним формировался пролетариат, и начиная с 70-х годов начались первые шаги рабочего движения в России.

1

XVII век в России был веком расцвета крепостнической мануфактуры: купеческой (посессионной), пользующейся трудом прикрепленных к фабрике крестьян, и помещичьей, вотчинной, пользующейся трудом своих крестьян, переведенных для отбывания барщины на промышленное предприятие помещика.

Однако уже в XVIII веке в нечерноземной полосе из среды крепостных-обручников (и государственных крестьян северной полосы) начинает выделяться зажиточная верхушка, занимающаяся торговлей, ростовщичеством, и — в пределах своего кустарного хозяйства — эксплуатацией наемного труда оброчных крестьян, лишенных средств производства. На базе домашнего производства вырастает капиталистическая мануфактура с наемной рабочей силой и разделением труда внутри производства, а в обществе формируются два новых класса — промышленная буржуазия и пролетариат.

Из среды зажиточных крепостных-обручников вырастают будущие крупные предприниматели. Например Абрикосовы, крепостные пензенской помещицы Левашевой, Савва Морозов, крепостной помещика Рюмина, родоначальник фабрикантов Морозовых, доживших до XX века, фабрикант Грачев, Ефим Иванович, крепостной графа Шереметьева (конец XVIII века), владелец полотняной фабрики в селе Иванове.

На протяжении всей первой половины XIX века на предприятиях неуклонно растет количество свободных рабочих. Если в 1804 году на общее число рабочих в 95 202 человек вольнонаемных приходилось 48%, в 1825 году на 210 505 рабочих — 54,4%, то в 1860 году на 565 тысяч рабочих приходится уже 87,4% свободных².

Особенно быстро растет вольнонаемный труд в текстильном производстве. Так, в 1804 году свободные рабочие составляли здесь 83%, а в 1825 году — 94%.

Характерным признаком роста капиталистических отношений в промышленности был и рост механизации производства. За трехлетие, с 1816 по 1819 год, было ввезено машин на 66 тысяч рублей ассигнациями, в период с 1826 — 1830 года — на 138 тысяч рублей, с 1836 — 1840 года — на 1752 тысячи рублей. С 1846 — 1850 года — на 1681 тысячу рублей кредитными деньгами (после денежной реформы, проведенной в 1843 году) и с 1856 — 1860 года — на 7513 тысяч рублей³.

40—50-е годы прошлого столетия явились периодом перерастания капиталистической мануфактуры в капиталистическую фабрику, временем промышленного переворота в России. В связи с отменой в Англии в 1842 году запрещения вывоза машин, в России идет быстрый процесс механизации. Особенно это относится к текстильной промышленности. В 1833 году было ввезено машин на 320 040 рублей серебром, а в 1851 году — уже на 3189 тысяч рублей серебром. К началу 50-х годов «Россия занимала по числу бумагопрядильных веретен (1 000 тыс.) пятое место и уступала только Англии (20 177 тыс.) и Франции (4 200 тыс.), Соединенным Штатам (2 500 тыс.) и Австрии (1 400 тыс.) и стояла впереди Германии»⁴.

Общая сумма стоимости текстильных изделий в России к 1851 году доходила

² Балабанов. Цит. соч. ч. 1-я, стр. 63. Киев, 1923. Изд. Сорабкопа.

³ В. И. Покровский. Сборник сведений по истории и статистике и внешней торговле России. Т. I, стр. 266. СПб. 1902.

⁴ Туган-Барановский. «Русская фабрика», стр. 56. 1934.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

Доставка рабочей силы на Уральские заводы в XVIII веке.

С карт. Яншва.

лю 56 миллионов рублей серебром, тогда как ввоз этих изделий оценивался в 1,5 миллиона серебром.

1789 год, как известно, открыл собой историческую эпоху буржуазных революций. Идеи французской буржуазной революции 1789 года проникли и в Россию. Под влиянием этих новых революционных веяний процесс развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, процесс формирования буржуазных общественных отношений в России нашел свое политическое отражение в событиях 14 декабря 1825 года.

Буржуазия становится серьезной силой в общей экономике страны. Еще в 30-х годах XIX века А. С. Пушкин писал о ней: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенной силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством»¹.

Вольнонаемный труд, разделение труда и, наконец, широкое применение машин давали капиталистическому предпринятию огромные преимущества по сравнению с крепостной мануфактурой. Крепостниче-

ская мануфактура не могла выдержать конкуренции капиталистической. С конца XVIII века началось быстрое сокращение предприятий, основанных на труде крепостных.

Особенно показательна в этом отношении судьба металлургической промышленности Урала, которая возникла и достигла расцвета в XVIII веке как промышленность, основанная на крепостном труде.

В 1760 году было вывезено железа из России за границу 820 тысяч пудов. В 1793—1795 годах ежегодный вывоз достигал уже 2966 тысяч пудов. А к 1851—1860 годам вывоз постепенно падает: в 1800—1884 годах — 2120 тысяч пудов, в 1841—1850 годах — 788 тысяч пудов, в 1821—1830 годах — 1300 тысяч пудов, в 1851—1860 годах — 747 тысяч пудов, в 1831—1840 годах — 1362 тысяч пудов². Интересно, что в 1800 году царская Россия стояла на первом месте в Европе по производству чугуна, а к 1850 году Россия попала на 4-е место.

К этому времени относится множество прошений владельцев помещичьих фаб-

¹ А. С. Пушкин. Соч., стр. 751. 1936.

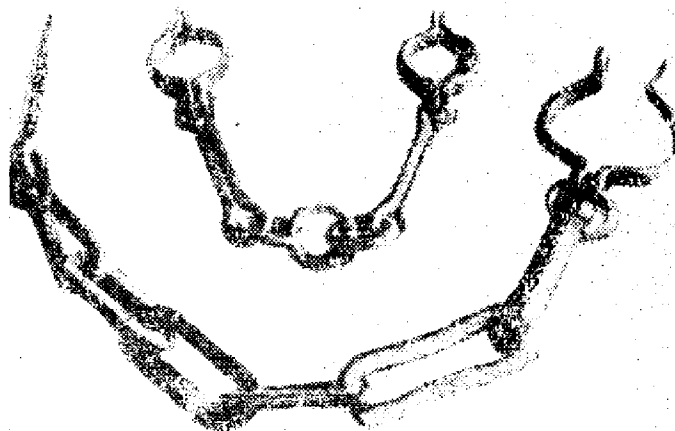
² Туган-Барановский. Цит. стр. 65. 1934.

рик и заводов о разрешении им отпустить приписанных крестьян на волю:

«Как духом времени изменилось фабричное производство, введен на оных механизм, заменяющий ручные работы... то и производство на фабриках работ посессионными людьми не только неудобно, но и нанесит постоянно важные убытки, да и самые при них посессионные люди сделались уже излишними и обременительными для владельца. А потому мы, предполагая нарушить-положить новую фабрику устроить более на коммерческих правах и выделывать изделия машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанных к фабрике крестьян представить в казну»¹. Так поступил купец Хлебниковы. Перемышльского уезда.

18 июня 1840 года уже был издан закон, представляющий право откупа приписанных крестьян на свободу. На основании этого закона, за время с 1840 по 1850 год было освобождено до 20 тысяч посессионных крестьян.

О росте товарно-капиталистических отношений свидетельствует значительное развитие ярмарок. Основными ярмарками, выполняющими роль распределителей товаров на более мелкие ярмарки, были Макарьевская (близ Пижнего), Ирбитская, Ильянская (в Полтаве), Крещенская (в Харькове). Макарьевская ярмарка имела всероссийское значение: сюда свозились товары со всех концов государства. «В 1854 году ее обороты выразились в сумме 60 миллионов рублей», в то время как обороты взятых в совокупности 11 остальных главных ярмарок Украины — 80 миллионов рублей. Для иллюстрации роста местных ярмарок возьмем статистические данные по той же Украине: в начале XVIII века во всей Гетманщине бы-

Шейные и ручные кандалы для наказания рабочих на Уральских заводах в XVIII веке. Гос. Исторический музей.

ло 40 ярмарок, во второй же половине XVIII века в одной Полтавщине насчитывалось до 250 ярмарок, а «в 50-х годах XIX века здесь было уже 372 ярмарки»².

Наряду с внутренним рынком развивался и внешний. Для изделий русской промышленности западные рынки были закрыты, так как она не могла конкурировать с высокоразвитой промышленностью Англии. Зато вывоз в Персию и Турцию уже в 1827—1829 годах выражался в сумме 1 059 533 рубля³.

Промышленный переворот конца XVIII века уже успел отодвинуть в западных странах сельское хозяйство на второй план. Тем самым он обусловил рост хлебных цен на мировом рынке. Уже в эти годы русский помещик вывозил значительное количество пшеницы, а после кризиса 20—30-х годов XIX века вывоз хлеба стал быстро расти, что видно из нижеследующей таблицы:

Вывоз по четырем глазным хлебом в тысячах пудов

Годы	Годы	Годы
1806 — 1810 = 5 120	1821 — 1825 = 10 071	1846 — 1850 = 51 211
1811 — 1815 = 9 089	1826 — 1830 = 23 970	1856 — 1860 = 69 254
1816 — 1820 = 29 655	1836 — 1840 = 28 831	

Рост внутренней и внешней торговли все больше и больше втягивал помещика в рыночные отношения, побуждал его к расширению производства.

Вопросы сельского хозяйства начинают обсуждаться в печати. В 1765 году открывается «Вольно-экономическое общество», в плане работ которого наряду с другими стояли вопросы распространения полезных для хозяйства знаний. В своем времени начинает издаваться множество (до 20) сельскохозяйственных журналов.

¹ Туган-Барановский. Цит. соч., стр. 107.

В них обсуждаются вопросы западной сельскохозяйственной культуры: применение плугов, машин; происходит обмен опытом работ в области сельского хозяйства. Первые сельскохозяйственные машины ввозились из-за границы, но с 30-х

² Аксаков «Исследование о торговле на украинских ярмарках». Цит. соч., стр. 47. 1858.

³ А. Семенов «Изучение исторических сведений». Ч. 3-я. Приложение к стр. 169. 1859.

⁴ Н. М. Кулишер «История русской торговли», стр. 275. СПб. 1923.

годов XIX столетия в России возникают свои заводы сельскохозяйственных машин.

Широкого применения нововведения не нашли: этому мешало продолжающее существовать крепостное право. Плодомен не уживался с череполовницей, машина в руках подневольного работника часто ломалась, не оправдывала себя. Нововведения требовали одновременных крупных издержек, а средств в распоряжении помещика не было. Отчасти поэтому, нуждаясь в деньгах, помещики закладывают своих крестьян в банки, в приказах приречения. Уже в 1833 году, по подсчету Заблоцкого-Десятовского, задолженность их равнялась 950 миллионам рублей ассигнациями (то есть до 270 миллионов рублей серебром), а к 1859 году дошла до 425 миллионов рублей серебром¹.

Кроме того помещики принялись увеличивать свою запашку. Увеличение шло за счет уменьшения запашки крестьян, причем отрезалась лучшая часть земли: чем плодороднее была земля, чем гуще население, чем сильнее возвышалась ценность земли, тем больше помещики отрезали ее у крестьян. Крестьянам оставляли 2—3 десятины, что не удовлетворяло и минимальных потребностей крестьянина и вело к разорению. В таких случаях помещик переводил крестьянина на «месячину», выдавая ему в качестве заработной платы голодную норму натурой. Практиковались еще перевод крестьянина «во двор» и использование его на пашне, на предприятии или отсылка в отхожие промыслы.

Если в конце XVIII века в черноземной полосе из 100 десятин помещичьей земли в пользовании крестьян было 75%, то в результате такой политики помещиков в 50-х годах XIX века в руках крестьян оказался лишь 51%².

По мере увеличения барской запашки растет и барщина. Славянофил Кошелев в своей «Биографии» пишет, что господская запашка утрачена и что «способы извлечения помещиком из крестьян всяких выгод усиливаются, усложняются с каждым днем и доходят до такой утонченности, что страшно об этом подумать».

Наряду с увеличением барщины помещик старается интенсифицировать труд крестьянина, он усиливает надзор за ним; в качестве «побудительного стимула» применяет издевательские методы: надевает на шею крестьян рогатки, мешающие

прилечь, лишает питья, чтобы поторопить с доведением работы до конца, — и т. д. Имели место случаи перевода на урочную работу, рассчитанную на максимальное напряжение сил крестьянина.

Но человеческие силы имеют предел: перенапряжение вело к упадку не только крестьянского, но и барщинного хозяйства. У крестьянина не оставалось времени хорошо обработать свой надел; скот и инвентарь плохо содержались — это вело к снижению урожая на его полях, пагубно отражалось на хозяйстве помещика и вызывало со стороны последнего мелкое вмешательство в распорядок дня крестьянина. Помещик начинает регулировать расходование крестьянином своих продуктов, иногда отбирает урожай, выдавая по частям и по своему усмотрению (тем самым регулируя рыночные отношения крестьянина в своих интересах), вмешивается в семейные дела. «Полезные», с точки зрения помещика, меры вконец прижимают крестьянина, лишая его и тени самостоятельности.

Хозяйство крестьянина приходит в упадок, в то же время он уже не может обеспечить и помещика в нужной мере рабочими руками. Наряду с этим возникают как следствие падения крестьянского хозяйства частые неурожаи на его (крестьянина) земле, во время которых помещик должен был кормить своих крестьян.

В 1840 годах в сельскохозяйственных журналах начинают появляться статьи о преимуществах вольнонаемного труда, а в «Земледельческой газете» в 1847 году Кошелев, сравнивая вольнонаемный труд с трудом подневольным, пишет: «Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работать возможно меньше — ему не дело делать, а день убить... С этой работой сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит, материалов не наготовишься; времени они проработают менее барщинного крестьянина, отдохнут они более его, но наделают они вдвое, втрое...»³.

С 40-х годов XIX столетия помещик с карантисом в руках начинает подсчитывать, во что обходится обработка земли крепостными людьми и на сколько дешевле свободные руки. По подсчетам Заблоцкого-Десятовского, оказалось, что в Тульской губернии годовой работник с работницей стоят 288 рублей, тогда как для той же местности вольнонаемный обходится в 170 рублей в год. Такой крепост-

¹ Заблоцкий-Десятовский. Цит. соч. Т. IV, стр. 331.

² Огановский «Закономерность аграрной эволюции», стр. 295. Ч. 2-я. Саратов, 1909.

³ Кошелев. Биография. Т. II, приложение 2-е, стр. 11—12.

Работа закованных в колоду. XVIII век.

С рис. Гейслера.

ник, как Перовский (министр внутренних дел), в записке от 1845 года пишет: «Опыты обработки земель наемными людьми в губерниях: Саратовской, Самарской, Пензенской, Воронежской и других — показали, что там, где нет недостатка в руках, владелец ненаселенной земли при подобных условиях хозяйства оставался в выигрыше противу помещика».

Расширение барской запашки и интенсификация труда крепостных дали свои результаты: 90% рыночного хлеба выбрасывали поля помещиков, между тем как в XVIII веке 90% давали поля крестьян¹.

Помещичье хозяйство начинает испытывать перепроизводство, но это перепроизводство было не абсолютным, а относительным, так как потребляющие районы в это время голодали из-за крайней ограниченности транспортных ресурсов в царской России. В условиях перепроизводства помещики шли на открытие промышленных заведений (заводы свеклосахарные, водочные), но и здесь сталкива-

лись с вопросами малой производительности подневольного труда.

Только постройка широкой сети железных дорог могла обеспечить устойчивость, равномерность хлебных цен. Развитие транспорта требовало капиталов, требовало развития собственной тяжелой промышленности. Крепостнические отношения тормозили, делали невозможным осуществление самых насущных, самых животрепещущих мероприятий.

2

Уже в XVIII веке материальное и правовое положение крепостных крестьян граничило с рабством. Крестьяне находились всецело во власти помещика. В 1741 году они были даже устранены от присяги государю. Помещикам принадлежало право чинить над ними суд и расправу. Помещик мог заставить своего крестьянина работать на него все 7 дней в неделю. Он мог сдать его в рекруты, сослать в Сибирь, проиграть в карты, променять на вещь, наконец, продать. На ярмарках рядом с домашней утварью, со скотиной, с

¹ П. Лященко. Соч. Т. I, стр. 135.

продуктами пролавались крестьяне, пролавались с семьями и в одиночку. Часто о продаже крестьян в газетах давали объявления: «За 180 рублей продается 20-летняя девка, которая чистит белье и отчасти готовит кушанье. О ней так, как и о продаже подержанной кареты и нового селла, спросить на почтовом дворе сторожа»¹.

Жаловаться на помещиков было запрещено Екатериной II под угрозой ссылки в Сибирь. В 1841 году Николай I подтвердил этот закон. Суд был на стороне помещиков. Царь и чиновники защищали их интересы. Труд крепостного создавал помещику условия для праздной жизни, в то время как сам крестьянин жил впроголодь. Безответственность помещика часто выливалась в самодурство. История сохранила имена помещиков, систематически цытазавших своих крепостных, например знаменитая Салтычиха.

Радищев, живший в конце XVIII века, характеризуя отношение помещиков к крестьянам, писал: «Звери алчные, пьяницы ненасытные, что мы крестьянину оставляем. То, чего отнять не можем, — один воздух».

Пушкин, побывав в Михайловском летом 1819 года, в стихотворении «Деревня» характеризует следующими словами эксплуатацию крестьянина: «Привоиши (помещики) насильственной лозой и труд и собственность и время земледельца».

Переход на капиталистические хозяйственные отношения сопровождался усилением недовольства крестьянства в целом. Одна часть крестьянства разорялась, другая была стеснена в обогащении. Все слои крестьянства вели борьбу против крепостничества как против своего общего врага.

Крестьянство жило в состоянии постоянного скрытого протеста, временами бурно прорывавшегося наружу. XIX век не знает таких крупных движений, как восстания Болотникова, Разина, Пугачева. Но с 20-х годов XIX века крестьянские движения, непрерывно нарастая, не прекращаются также с реформой 1861 года. От времени царствования Николая I сохранился материал «III отделения собственной его имп. величества канцелярии» (жандармерии), из которого видно, как зорко следит отделение за поведением крестьян, как тщательно изучает Николай I ежегодные доклады отделения.

В 1827 году, характеризуя настроение крестьян, жандармские агенты пишут: «Среди крестьян циркулирует несколько пророческих предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи ждали своего

Мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев пугал господ, а Метелкин пометет их»². На рубеже 40—50-х годов число крестьянских бунтов заметно возрастает, что отмечается и в отчетах III отделения. Так, под 1848 годом сообщается, что «примеры неповиновения крестьян их владельцам значительно увеличились против прежних лет», что действительно видно из следующей таблицы:

в 1826—1834 гг. было	148	волнений
» 1835—1844 » »	216	»
» 1845—1854 » »	348	»
» 1855—1860 » »	476	»

В среднем — соответственно — 16, 21, 34, 79 волнений ежегодно.

В 1844 году бунтовали крестьяне в 19 губерниях, в 1845 году — в 15, а в 1848 году разгромлено до 45 помещичьих имений.

Непосредственные причины волнений крепостных крестьян не всегда удается установить. Восстания вспыхивают то на почве тяжелых поборов, непосильных работ, жестоких наказаний, то проходят под лозунгом борьбы за свободу, за землю. Но коренная причина восстаний заключалась в том, что крепостной строй пережил себя: он превратился в тормоз для дальнейшего развития производительных сил, в непосильное бремя, всей своей тяжестью давившее на крестьян. Участвовавшие выступления последних свидетельствовали о том, что час крепостников пробил.

Выступления крестьян проявлялись в открытом неповиновении помещикам, в отказе платить оброк и выполнять барщину. Передко крестьяне травили барские посевы, убивали своих господ и управляющих, замочивали их женами, стреляли из ружья, поджигали в усадьбах. По неполным данным министерства внутренних дел, за время с 1835 по 1854 год было убито до 140 помещиков, не считая неудачных покушений. Особенно бурно проявилось возмущение крестьян в годы наполеоновского нашествия и Крымской войны. Крестьянская реформа Наполеона в Варшавском герцогстве не могла пройти незамеченной для крестьян России: все настойчивее стали циркулировать слухи о предстоящем освобождении. На случай восстаний правительством по всей губернии были расставлены запасные войска. Наполеон предполагал использовать недовольство крестьян

² «Крестьянское движение 1827—1869 гг.». Т. I. Подготовил к печати Е. А. Морозов.

¹ СПб «Ведомости» 23 января 1797 года.

Торг крепостной.

С карт. Неврева.

для борьбы с русской армией, но на этот раз просчитался. Громя помещичьи усадьбы, крестьяне боролись и с отрядами Французской армии, а по сожжении Москвы борьба вылилась в могучий подъем партизанского движения, оказавшего огромную помощь регулярной армии. После отпора нашествию Наполеона крестьяне почувствовали свою силу и волна крестьянских восстаний получила еще больший размах.

Волновались крестьяне не только в Восточной России: на Кавказе, в Прибалтике и на других окраинах шла упорная борьба крестьян с ненавистными помещиками.

Наряду с крестьянскими восстаниями все чаще вспыхивали волнения в армии. Военная служба длилась 25 лет, была до крайности изнурительна. Шиндрутены были самым обычным наказанием солдат. (Яркий образ замученного муштрой умирающего солдата дает Некрасов в произведении «Арша — мать солдатская».) При Александре I Аракчеевым были созданы так называемые военные поселения. Здесь солдаты подвергались не только муштре, но их еще заставляли обрабатывать поля военного ведомства. Вся личная жизнь крестьян-солдат регламентировалась офицерами. Женили и вылавали замуж крестьянскую молодежь по приказу офицеров. Введение военных поселений сопровождалось восстаниями крестьянства; нередко

восстания происходили и в самих военных поселениях.

Начиная с 20-х годов XIX века учащаются случаи волнений в армии.

Не менее беспокоили царское правительство выступления рабочих. Условия работы на фабриках были невыносимы. Помещения, в которых приходилось работать, находились на тюрьмы — низкие здания с маленькими, узкими окнами. Сквозь железные решетки едва проникал дневной свет. Ручные станки приводились в движение мускульной силой человека. Замки на воротах указывали на то, что труд здесь — каторга и спастись от него можно лишь бегством. Рабочий день длился до 17 часов при крайне низкой заработной плате.

На Урале в начале XVIII века рабочий-одиночка высшего разряда в год получал по 18 рублей, рабочий-одиночка низшего разряда — 12 рублей. К середине XIX века заработная плата соответственно возросла до 20—28 рублей.

Положение мастеров-дворовых было не легче. В архивах бывшего дворца П. Б. Шереметьева (теперь музей) сохранилось донесение приказчика, в котором он просит графа прибавить провпранту и убавить день крепостным резчикам, потому что фунта хлеба в сутки не хватает, а от 18-часовой работы резчики слепнут. Дове-

Разгром крестьянами помещичьей усадьбы в 1812 году.

О карт. В. Курдюмова.

денные до крайности, рабочие часто бунтовали, ломали и жгли фабрики.

Обеспокоенный нарастающей классовой борьбой, Царь Николай I был вынужден приступить к мероприятиям законодательного порядка. За время с 1826 по 1848 год он создает один за другим 10 секретных комитетов «для изучения крестьянского вопроса». Но законодательная работа подвигалась медленно, причем каждая революционная вспышка на Западе отражалась на работе комитетов. В такие моменты, как 1830, 1848 годы, правительство усиливает меры полицейского воздействия на массы, комитеты же ограничиваются полумерами, разумеется, без каких бы то ни было ощутительных результатов. В 1827, 1828, 1841, 1842, 1848, 1853, 1854, 1858 годах издаются указы, ограничивающие самоуправство помещиков в отношении крестьян. Однако чаще всего помещикам удавалось обходить эти постановления, и самосуд над крестьянами продолжался. Царская власть не очень ревностно следила за выполнением этих указов.

В 1855 году либерал Кавелин писал: «...полумирные восстания крепостных постепенно принимают все более и более обширные размеры. Народ сильно тяготится крепостной зависимостью и при неблагоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться

пожар, которого последствия трудно предвидеть»¹.

При самом активном участии царя органы III отделения бесчеловечно подавляли малейшее проявление недовольства крепостническими порядками. Против восставших направляли карательные отряды, «бунтовщиков» поролли розгами, забривали в солдаты, казнили, ссылали в Сибирь. С 1827—1846 годов за неповиновение барину было сослано в Сибирь 1030 человек, в том числе 203 женщины. Ссылали и целыми деревнями.

3

В 1856 году окончилась Крымская война, вскрывшая угрожающую отсталость России в сравнении с основными европейскими государствами.

Техника военного дела царской России оказалась не выдерживающей никакой серьезной критики. Рядовые солдаты были вооружены кремневыми ружьями, бьющими на 150—300 шагов, тогда как у противника были уже патронные ружья, дальноточность и процент попадания которых значительно выше. Русский флот состоял из парусных судов, в то время как флот противника был паровым по преимуществу.

¹ Е. Д. Кавелин. Соч. Т. II, стр. 32—33.

Восстание Семеновского полка в Петербурге в 1820 году.

С карт. Гольдштейна.

Железных дорог почти не было, вооружение доставлялось на волах, но и шоссейные дороги были из рук вон плохи. Солдатам приходилось совершать огромные переходы и усталыми вступать в бой со свежими силами противника. Медицинская и санитарная помощь почти совершенно отсутствовала. Из 444 тысяч человек, выбивших из строя во время войны, 380 тысяч умерло от заболеваний.

На крестьянство возложили новые тяготы: для нужд армии потребовались подводы, корм, постой.

Во время войны среди крестьян пошла слухи, что крестьяне, замиславшиеся в солдаты, будут освобождены от неволи. Крестьяне толпами потянулись в армию. Правительство было обеспокоено возможностью массового восстания.

Несмотря на подлинный героизм русских солдат Россия проиграла войну. В феврале 1855 года Николай I умер; своему наследнику, Александру II, он оставил пустую казну и растаявшую армию. Союзники взяли Севастополь и Керчь. Россия вынуждена была заключить в 1856 году Парижский мир, по которому взамен возвращенного ей Севастополя отказалась от Карса, отдала часть Бессарабии, а Дарданеллы и Босфор объявлялись закрытыми для военных судов всех держав. «Крым-

ская война показала широту и бессилие крепостной России»¹, — писал Ленин.

Крымская война показала, что западноевропейские страны, где уже прошли буржуазные революции и утвердился капитализм, несравненно сильнее крепостнической России.

«Война доказала, что хотя бы из чисто военных соображений, — писал Энгельс, — Россия нуждается в железных дорогах и в крупной промышленности. И с этой целью правительство принялось растить класс русских капиталистов. Но этот класс не может существовать без пролетариата, а для создания элементов этого последнего пришлось провести так называемое освобождение крестьян»².

Не только правительство, но и помещики поняли, что медлить нельзя. Александр II уже в манифесте по поводу мира говорит о внутреннем обновлении страны, а в марте того же, 56-го года указал в своей речи представителям московского дворянства, что «существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным», что «лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой унич-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 30.

тожаться снизу». «Новый царь был вынужден размырывать из себя либерала.— писал Энгельс, — но на этот раз внутри страны»¹.

В январе 1857 года для рассмотрения записок, поданных дворянами и буржуазией, Александр II учредил «Секретный комитет». Комитету дано указание правительства о том, что освобождение крестьян должно быть проведено постепенно, без всяких резких и крутых поворотов. Крепостной труд был основой существования помещиков. Боясь задеть их интересы, правительство не спешило с реформой.

В январе 1857 года крестьянский вопрос из канцелярских сфер перешел в сферу общественного обсуждения.

К концу 1858 года была создана сеть губернских комитетов, в которых начинается открытая, официальная работа по вопросам крестьянской реформы.

В состав губернских комитетов входили представители дворянства (по одному от каждого уезда) и два представителя от правительства, назначаемые губернатором из среды местных дворян.

Но не только в комитетах шла обсуждение вопроса об освобождении крестьян. Дворяне всех губерний устраивали свои вечера, совещания, составляли адреса, учествовали и в работах губернских комитетов. Вот как пишет об этом один из образованнейших и наиболее вдумчивых людей своего времени — Кошелев: «Московские вечера, обыкновенно скучные и бесцельные, превратились в беседы, словно нарочно созданные для обсуждения об освобождении крепостных людей. Одним словом, добрая старушка Москва превратилась чуть-чуть не в парламент»².

Вопросы реформы обсуждались и в многочисленных журналах, бывших органами той или иной группировки. Как и комитеты, эти журналы отстаивали интересы класса помещиков в целом, стремясь сохранить за дворянством экономическое и политическое господство в стране.

Крестьянский вопрос в комитетах решался без участия крестьян. Но это вовсе не значит, что крестьяне спокойно ожидали решения своей участи, как это пытались представить буржуазные историки.

Отмечая настроение крестьян Волоховского уезда, вот что пишет своей родственнице в письме от 21 января 1858 года Елагина, Е. И. «Еще бояться они (крестьяне), как бы не взбунтовались помещики», а «мы думаем,— продолжает Е. И.,— как бы не взбунтовались мужики. Если теперь на ко-

митетах не дадут земли, то крестьяне будут уверены, что это помещики интрига против воли царя».

В ожидании реформы помещики торопились переводить барщинных крестьян в дворовые, предлагали, чтобы крестьян в «освобожденные» таким образом земли присоединили к своим, переселили крестьян на худшие земли. Не удивительно поэтому, что в 1858 году волнениями было охвачено 25 губерний. Начались так называемые «контрастные бунты», когда крестьяне в целом ряде губерний воздерживались от употребления родки, мотивируя свой отказ дороговизной и плохим качеством последней. Крестьяне громили каменные дома.

Отчет III отделения за 1859 год заканчивается следующим итогом: «Всех случаев неповиновения крестьян в 1859 году произошло в 90 помещиках. Подстрекателей к деланию обнаружено 36».

Записки III отделения несут сообщения о том, что крестьяне то убивали барина, то его убьели, то положили усадьбу, то избивали приказчика.

Волнения крестьян в России привлекают внимание Карла Маркса. 11 января 1860 года он пишет Энгельсу: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время—это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти (Джона) Брауна, с другой стороны — движение рабов в России. Ты, конечно, заметишь, что дворянство в России открыто занялось агитацией за конституцию и что два или три человека из самых знатных семей уже сосланы в Сибирь»³.

Нарастающее революционно-демократическое крестьянское движение нашло отражение и в журналах того времени. Правда, только два журнала подходили к разрешению крестьянского вопроса с точки зрения защиты интересов крестьянства — «Колокол», издававшийся Герценом в Лондоне, и «Современник», возглавлявшийся Н. Г. Чернышевским.

В литературной борьбе этого времени Чернышевский представлял интересы успешной крестьянской массы. В условиях гнета цензуры он требовал освобождения крестьян и передачи всей помещичьей земли крестьянству без выкупа. Когда реформа уже была принята, Чернышевский назвал ее «мерзостью». Он выступил с прокламацией «Барским крестьянам», в которой призывал крестьян к вооруженному восстанию и низвержению царской власти, объясняя крестьянам, что только таким путем они избавятся от помещиков и самодержавия.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 29.

² Кошелев «Биография», стр. 94.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 474.

Обращаясь к Герцену, он пишет: «Не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее. Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет... Перемените же тон и пусть ваш «Колокол» благовестит не к мотыблю, а звонит сабат. К топору зовите Русь!»

Герцен в «Колоколе» также отстаивал интересы крестьянства, требуя освобождения и пастыря и оставления за крестьянами за справедливый, небольшой выкуп той земли, которой они пользовались накануне реформы. Но Герцен питал иллюзию, что царь проведет реформу, считаясь с интересами крестьянства. Ионян впоследствии подлинный характер реформы. Герцен резко выступил против самодержавия и помещиков, ограбивших народ.

Ленин следующими словами определяет смысл классовой борьбы того времени: «И те и другие (т. е. помещики и крестьяне.—В. Н.) отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения... В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков-юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»¹.

В конце 1858 года были созданы и с 4 марта 1859 года начали работать редакционные комиссии. Председатель комиссий Я. И. Ростовцев, пользуясь правом кооптации, обеспечил себе помощь наиболее либеральных общественных деятелей (среди них Самарин, Черкасский, Тарновский и др.). Действенное участие в работе принимал Н. А. Мплютин, директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел.

Борьба, начавшаяся в губернских комитетах, была перенесена и в редакционные комиссии. Крепостники не теряли надежды

найти поддержку в царе и, таким образом, в значительной мере сохранить свои привилегии, феодальные привилегии, тогда как либерально настроенные члены комиссий мечтали даже об ограничении царской власти и о создании буржуазного парламента. Но и те и другие стремились провести реформу за счет крестьянства.

Дворянство подало царю несколько адресов, в которых выражало пожелания и иногда протесты. Наиболее либеральными были адрес пяти (в числе которых был Унковский) и записка Безобразова, критиковавшая царский бюрократизм и требовавшая политических прав для дворян. «Полагаю необходимым, — писал Безобразов, — прибавить еще одно замечание — собрание выборов есть природный элемент самодержавия».

Либералы, как правило, помещики и черноремесленной промышленной полосы, стремились получить побольше денег за выкуп, продав крестьянству неплодородную землю. Крепостники же стремились оставить за собой земли и полукабального, нищего, связанного к клочку земли крестьянина, связанного по рукам и ногам экономической нуждой и политическим бесправием. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, — говорит Ленин, — ... была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок»².

Все либералы-денутаты, подписавшие адреса, получили выговор. Так была затухла либеральная оппозиция. Впрочем, она вскоре возродилась в земских органах.

В октябре 1860 года редакционные комиссии закончили работу.

Проект положений был внесен на рассмотрение Главного комитета, а затем — Государственного совета.

Только 19 февраля 1861 года закон был подписан Александром II и получил название «Положение 19-го февраля».

Что же получили крестьяне и на каких условиях?

По «Положению» «усадьбную оседлость» крестьяне получали в собственность за выкуп. Помещик не мог отказать в этой земле крестьянину, но выкуп производился не министерством.

О полевом наделе в «Положении» сказано так: «С согласия помещиков крестьяне могут сверх усадьбной оседлости приобретать в собственность на основании общих законов».

В течение двух лет со дня опубликования «Положения» крестьянин, если он хотел

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 349.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

Препровождение арестованных. 1868 год.

С карт. Л. Саломаткина.

получить полевой надел, должен был заключить с помещиком договор или уставную грамоту. Уставная грамота определяла взаимоотношения между помещиком и крестьянином.

Крестьянин получал земельный надел в пользование сроком на 9 лет и нес в отношении помещика определенные уставной грамотой повинности, называемые «временно-обязанным». Только после этого срока крестьянин мог приступить к выкупу надела в собственность. С этого времени он называется «сельским обывателем».

Нормы надела были определены законом. Они варьировались в зависимости от местности. Россия на основании хозяйственных и промысловых условий была разделена на три полосы: черноземную, нечерноземную и степную. Полосы делились на местности; для каждой полосы и каждой местности законом были установлены две нормы полевого надела — самый большой и самый малый.

Так, черноземная полоса была разбита на 8 местностей: самый большой надел был от 2 десятины 1800 квадратных сажен до 6 десятин, самый малый — от 2200 квадратных сажен до 2 десятин на душу.

Нечерноземная полоса была разделена на 9 местностей: самый большой надел был определен от 3 до 7 десятин, самый маленький — от 1 десятины до 2 десятин 800 квадратных сажен на душу.

Степная полоса разделена на 12 местностей. В Великороссии норма была от 6 до 12 десятин, в Новороссии — от 3 до 6 десятин на душу.

Фактически могли быть случаи, когда крестьянин получал меньше указанных норм. Это обуславливали несколько добавлений к основному закону.

Например: 1) если по разделению крестьян землей помещику оставалось земли меньше $\frac{1}{3}$ той, которая была у него до реформы, то он имел право прирезки от крестьянских наделов;

2) если достигалось между крестьянином и помещиком добровольное соглашение, то помещик мог дать крестьянину лишь $\frac{1}{4}$ часть высшего надела, но бесплатно. Добавление это на заседании Государственного совета сделано было по предложению князя Гагарина, отсюда и сам надел получил название «гагаринского», а также «дарственного».

К 1 января 1878 года 9% бывших крепостных, то есть 640 380 человек, в надежде на дешовую аренду приняло условия дарственного надела.

Согласно указанным нормам, на основе закона от 19 февраля, помещики прирезали себе огромное количество земли — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ всей земли, которая при крепостном праве была в руках крестьян. Таким образом, всего было отрезано 5320 тысяч десятин земли, причем в одной только черноземной полосе, где земля была в пене, из пользования крестьян было изъято 3825 тысяч десятин, тогда как в нечерноземной — всего 554 тысячи десятин. Этот грабеж обусловил ту земельную нищету, в которую впадо крестьянство после реформы. Отсюда необходимость кабальной аренды земли, бывшей

до «освобождения» собственностью крестьянина.

Кабальная аренда была обусловлена также тем, что помещик отрезал себе землю не одним куском, а выклипываясь в земля крестьян с разных сторон, часто обкружая эти земли и отнимая у крестьян дороги, водопой и т. д.

Разумеется, помещик отрезал себе лучшие земли.

Он мог перенести крестьянскую усадьбу в любое место, ему принадлежащее.

Помещик мог в период «временного обязательства» потребовать обмена крестьянского надела.

В основу выкупной суммы был положен оброк из расчета, что в результате выкупа помещик получит капитал, который будет приносить ему проценты, равные прежнему оброку. Другими словами, сумма выкупа определялась капитализированным оброком из расчета 6% годовых. Например, если крестьянин платил 8 рублей оброку в год, то выкупная сумма равнялась 8 рублям, умноженным на $16\frac{2}{3}$, т. е. $133\frac{1}{3}$ рубля.

Выкупная операция окончательно разоряла крестьян. Земля, выделенная крестьянам, по рыночной цене расценивалась в 544 миллиона рублей, а выкупная сумма за эту землю была определена в 876 миллионов рублей. Особенно в нечерноземной полосе выкупная сумма оказалась много выше рыночной цены. Так, вся выкупаемая земля в черноземной полосе по рыночной цене расценивалась в 219 миллионов рублей, а выкупная сумма определялась в 342 миллиона рублей, тогда как вся выкупаемая земля в нечерноземной полосе по рыночной цене расценивалась в 155 миллионов рублей, а выкупная сумма определялась в 342 миллиона рублей. Выходило так, что чем хуже земля, тем больше крестьянин за нее должен был платить.

Кроме того оказалось, что чем меньше земли брал крестьянин в нечерноземных районах, тем выше была стоимость выкупаемой им земли. Обеспечивалось это «системой градации». Система была предложена дворянами Тверской губернии, где помещики не могли рассчитывать на большой спрос на землю со стороны крестьян.

Надел полагался из «души». Положением были установлены 4 максимальных нормы (в соответствии с местными условиями) оплаты с «души» а именно 8, 9, 10, 12 рублей.

Согласно системе градации, 1-я десятина выкупаемой земли расценивалась в $\frac{1}{2}$ нормы оплаты с души, вторая десятина оценивалась в $\frac{1}{4}$ нормы оплаты с души, стоимость же всех последующих десятин вместе составляла $\frac{1}{4}$ нормы оплаты с души.

Таким образом, если крестьянин, по договоренности, выкупает полную норму на-

дела, то должен будет выложить все 12 рублей, а если возьмет только 3 десятины, то заплатит 9 рублей 75 копеек. В первом случае одна десятина ему обойдется в 2 рубля, а во втором — 3 рубля 25 копеек. На первую десятину падал выкуп лично сего.

Уплатить сразу всю выкупную сумму крестьянину было не под силу, помещик же был заинтересован в одновременном получении выкупных платежей. (По расчету помещиков именно этот капитал и должен был помочь им перестроить свое хозяйство на капиталистический лад.)

Правительство и здесь пришло на помощь помещику. Часть выкупной суммы, а именно от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ ее, крестьянин должен был выплатить помещику сам и притом немедленно, а остальную сумму выплачивало правительство в форме облигаций, которые помещик мог и продать и заложить.

Сумму, выплачиваемую одновременно правительством за крестьян, последние должны были выплачивать государству по частям в течение 49 лет, выплачивая в то же время и проценты по правительственной ссуде помещикам.

Выкупные платежи, однако, не освобождали крестьян от оброка в бытность их временнообязанными.

Подсчитаем теперь, во что обошлась крестьянам выкуп их наделов. Всего крестьяне уплатили:

	(В млн. руб.)
Выкупных платежей	567
Процентов по ним	703
Оброку	500
	<hr/>
	2 070 млн. руб.

	(В млн. руб.)
Рыночная стоимость земли равнялась	544
Итого было переплачено крестьянами помещикам	1 526

Между тем только в 1881 году был издан указ о передаче земли в собственность крестьянским общинам за выкуп в обязательном для помещиков порядке. Выкупные платежи были отменены лишь в результате революции 1905 года (3 ноября 1905 года).

19 февраля 1861 года был подписан манифест об освобождении крестьян. Обнародование же его последовало лишь 5 марта. (Выжидали окончания масляной недели.) Крестьян собирали в церквях и возвещали им «парекую милость».

Современники пишут о том, как эта «милость» была воспринята крестьянами. Вот, например, что пишет в своем дневнике сельский врачичек Владимирской губернии: «Манифесту никто не обрадовался: от

крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостными да и шабаш, а льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову и занялся мыслями об оброке».

С первых же дней началось столкновение между помещиками и крестьянами. Последние отказывались выполнять барщину, платить оброк, не признавали уставной грамоты.

«После отмены крепостного права крестьяне вынуждены были на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю. Кроме денежной платы за аренду помещик нередко заставлял крестьян даром обрабатывать крестьянскими орудиями и лошадьми определенное количество помещичьей земли. Это называлось «отработками», «барщиной». Чаще всего крестьянин вынужден был платить помещику за аренду земли натурой из урожая в размере половины своего урожая. Это называлось работать «неполуд». Таким образом оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве, с той лишь разницей, что теперь крестьянин был лично свободен, его нельзя было продать или купить, как вещь»¹.

Одновременно с опубликованием манифеста в провинцию были откомандированы чиновники со специальным заданием — бороться с возможными восстаниями крестьян, используя, в случае надобности, войско.

1176 случаев крестьянских выступлений было в одном только 1861 году. Из 47 губерний движением были охвачены 45. Особенно сильные волнения были в Казанской губернии (в селе Бездне) и в Пензенской губернии (в селе Черногае, Чембарского уезда). Согласно отчетам шефа жалдармов, за время с 1861 по 1863 год случаев неповиновения отмечены в 2 тысячах имений. Использована военная сила в 660 имениях; подвергнуто наказанию, ссылке до 9 тысяч человек.

По свидетельствам современников, некогда так много не секли народа, как в первые три месяца после объявления «воли».

На основании «Положения 19 февраля» реформа была проведена в центральных областях России, на Украине и в Сибири. В 60-х годах «Положение» было применено, с учетом местных условий, в Польше, Прибалтийском крае, Грузии, Северном Кавказе, Белоруссии, Бессарабии, Башкирии. всюду реформа проводилась в интересах господствующих классов. Только в Литве, Белоруссии, Польше и правобережной Украине с целью отвлечь крестьян от участия в восстании Польши за национальную независимость вводился обязательный выкуп наделов полностью, с соответствующим понижением размеров оброка. В Польше

крестьяне получили в собственность без выкупа все земли, находившиеся в их пользовании, а также те участки, которые были отрезаны помещиками в 1846 году.

Крестьяне получили в собственность скот и инвентарь и право на пользование насаждениями и лесами. Помещики получили все же вознаграждение, которое выплачивалось частично за счет особого поземельного налога, который должны были платить теперь крестьяне.

В Грузии крестьяне оставались временнообязанными до 1912 года, когда вышел царский указ об обязательном переводе их на выкуп с 1 января 1913 года.

Реформа 1861 года была задумана и проведена как наиболее безболезненный для помещиков способ приспособления помещичьего хозяйства к условиям развивающегося капитализма.

«После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершалось превращение, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»².

Но положение крестьян и после реформы оставалось исключительно тяжелым, ибо крестьянская реформа, как и последовавшие за ней реформы: судебная, земельная, военная, — оставила крестьян попрежнему нищими и бесправными.

Товарищ Сталин в феврале 1906 года писал: «Нет! Не такое освобождение нужно пострадавшему крестьянству! У крестьян отняли землю, передав ее дворянам — надо взять обратно всю эту землю без всяких выкупов и вознаграждений для дворян! Крестьян заковали в двойные кандалы — дворян, царя-самодержца, — надо уничтожить и те и другие, предоставив крестьянам всю землю».

Крестьян обложили косвенными государственными налогами, разорив их хозяйство, — надо уничтожить эти самые налоги, обложив прямыми налогами только состоятельных!

Крестьянам навязали солдатчину и ежегодно отнимают у них наилучших работников — надо раз навсегда расцеловать солдат, провозгласив народное вооружение!»³

Товарищ Сталин призывал крестьян под руководством пролетариата к решительной борьбе против царизма.

Только победоносная социалистическая революция в октябре 1917 года, осуществленная пролетариатом в союзе с основными массами крестьянства, навсегда избавляла многомиллионное крестьянство России от гнета капиталистов и помещиков.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

³ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 75—76. Партиздат 1938.

¹ «История ВКП(б)», стр. 5—6.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

(Янутский казан-исследователь)

Только на редких картах конца XVI — начала XVII столетия Азия соединяется с Америкой, а на большинстве — между этими частями света нанесен Анианский пролив. Этот пролив имеется на знаменитой карте Меркатора (1569), есть он в распространённом в свое время атласе Ортелио (1570), в очень популярном атласе Говдия (1606) и т. д. Причем этот пролив упорно не хочет исчезать с карт и вклинивается между Азией и Америкой даже после путешествия Беринга в 1728 году (например на карте, изданной Эггелем в Базеле в 1777 году).

Что же это за пролив? Может быть, напрасны были усилия Дежнева и Беринга, и западные географы давно знали, что между азиатским и американским материками есть проход?

В том-то и дело, что не знали, но очень хотели, чтобы этот пролив был! Страстное желание найти северозападный и северовосточный пути в Тихий океан, т. е. пути туда вокруг северных берегов Америки и Азии, заставило копаться наших предков в географической литературе. И вот, натолкнувшись у Марко Поло (хотя в то время вера в географические открытия храброго венецианца крепко поколебалась) на одно подходящее место, итальянские географы второй половины XVI века и начертили этот Анианский пролив.

Заинтересовался этим вопросом и Петр I, но, занятый войной со шведами, он все откладывал его разрешение. Только перед смертью он составил инструкцию камчатской экспедиции.

А. К. Партов, «механик и токарного искусства учитель», состоявший при Петре в последние годы его царствования, рассказывал, что «в начале января 1725 г... он (Петр) сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая должна была проводить и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкой... Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам, своими глазами то, как его ве-

личество спешил сочинить наставление такого важного предприятия и будто бы предвидел скорую кончину свою, и как он был доволен и доволен, когда кончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такоеобретение возможно... Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берега американские?»¹.

Беринг, лично выбранный для этой экспедиции Петром I, отправился в путешествие уже после его смерти, в 1728 году. Он оказался «счастливее голландцев и англичан» и разрешил картографический спор об Анианском проливе. По предложению знаменитого мореплавателя Джемса Кука, пролив, отделяющий Азию от Америки, был назван Беринговым.

Но Беринг открыл его уже второй раз. Ровно за 80 лет до него, в 1648 году, этим проливом проплыл якутский казак Семен Иванов Дежнев, или, как он сам себя называл, Семейка Дежнев.

1

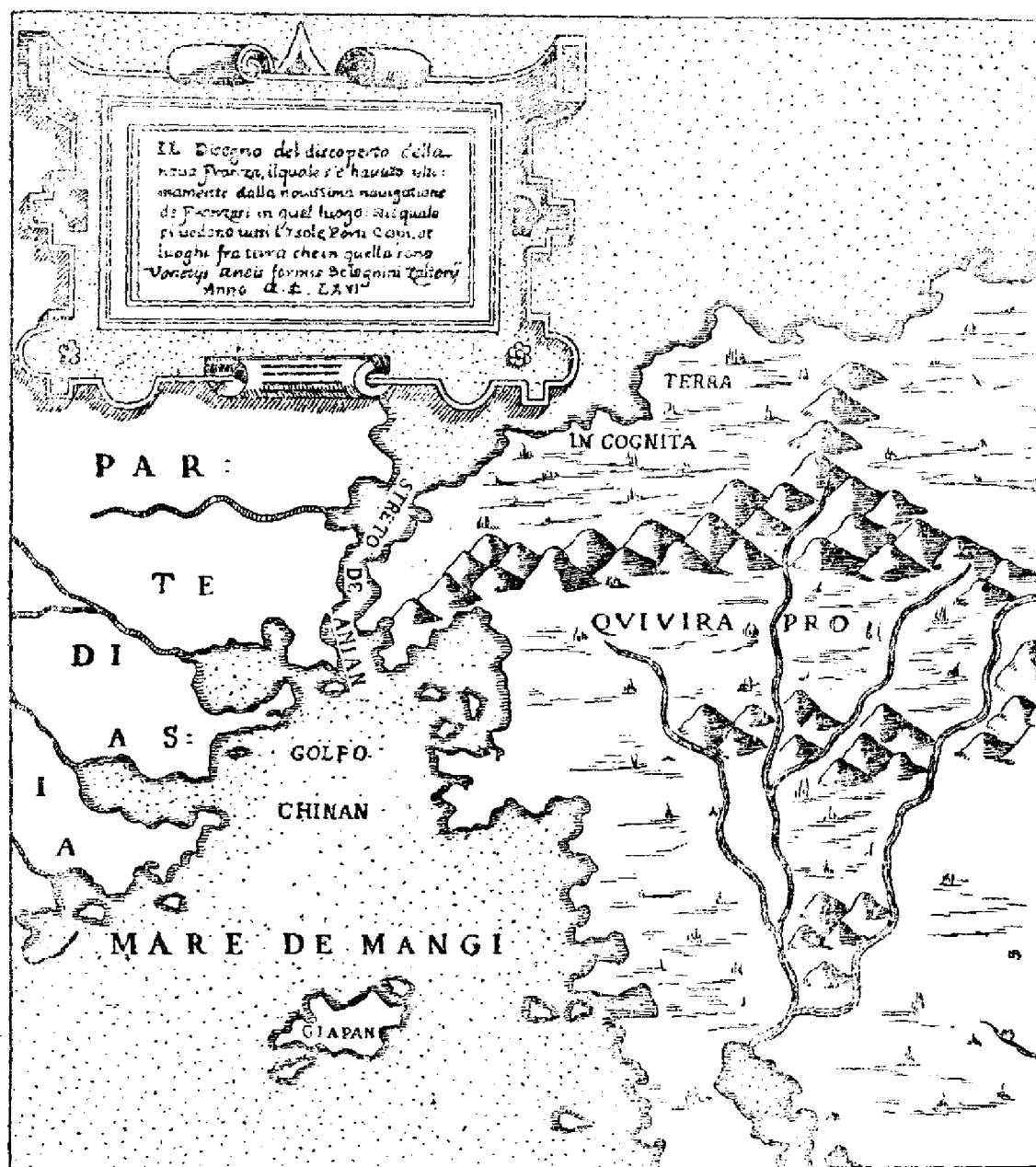
Земли за «Камнем» (Уралом) были известны русским задолго до прославленного Ермака. Мы знаем из летописей о походах в Югорскую землю (нижнее течение реки Оби) удачных новгородских ушкуйников в 1187 и 1193 годах; под 1364 годом в Новгородской летописи значится: «Той зимой с Югры новгородины приехали дети боярския и молодые люди восводи... воеваше по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша».

Но это не было завоеванием Сибири: это были военные походы для грабежа, причем иногда крепко попадали и русским. Так, в 1193 году отряды новгородские истребили новгородский отряд под командой воеводы Ядрея.

Регулярные же сношения и завоевание Сибири стали возможны после разгрома при Иване IV Казанского царства (1552), когда освободился Волжско-Камский путь за «Камень».

С середины XVI века Московская Русь получила возможность торговать непосред-

¹ Л. Н. Майков «Рассказы о Петре Великом». «Записки Академии Наук». Т. LXVIII, прилож. № 6, стр. 98—99. 1891.

Фрагмент карты Северной Америки Зальтнера 1566 г. (на месте Берингова пролива Stretto de Anian).

ственно с Западной Европой. Решающее значение имели здесь открытие англичанами морского пути в Россию в 1553 году и создание русского торгового порта сначала в Руголиве, а затем, в 1585 году, в Архангельске.

К неизменному спросу Востока: Хивы, Бухары, Ширванского ханства, Персии — на «мягкую рухлядь» (меха) прибавился все возрастающий спрос западных стран на меха. «А дорогие соболы, непороты и с пупки и с потты, по всем землям в цене». — с гордостью говорили в Москве. По свидетельству Флетчера, «купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армяне и некоторые иные из христианских стран» вывозили мехов из России на совершенно баснословные суммы.

Возрастающий спрос на меха толкнул русских промышленников и предпринимателей за «Камень» и гнал их по Сибири на открытие и захват новых «собольих мест», все дальше и дальше на Восток.

С эспедиции Ермака начинаются эти «походы встреч солнца», и с какой-то сказочной быстротой русские проходят от Урала до Великого океана. Ермак двинулся за «Камень» в 1581 году, а в 1639 году Дмитрий Копылов рубил уже зимовье в устье реки Ульи, на берегу Охотского моря. За неполных 60 лет пройдены тысячи километров! А ведь шли с боями против «не мирных народов», или частенько «холодные, голодные, наги и босые».

В этом стремлении «встреч солнца» русские захватили и подвели под «высо-

кую государеву руку» территорию от Студеного моря до китайских рубежей — площадь, на которой уместилось бы несколько Европ со всеми ее государствами.

Завоевание и закабаление туземцев осуществлялись по известной системе. Сначала шли маленькие партии служилых людей и промышленников. В этих «далеких, от века неведомых землях» такие партии частенько забывали о «высокой государевой руке» и занимались самым беззастенчивым грабежом и разбоем. Московское правительство не раз жаловалось, что служилые люди, «пристав под которою землицею, приманывали тех землиц людей торговать, и имали у них жен и детей, и животы и скот грабции, и насиельства им чинили многие, и от государевы высокие руки тех дивных людей отгонили, а сами богатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое»¹.

За этими «проведывательными» партиями шли уже более крупные отряды и «объясачивали» туземцев. Взимание ясака старались приспособить к сложившимся у отдельных сибирских народов социальным условиям. В то время в быту многих народов Сибири сохранялись еще черты родового строя, другие, наоборот, утрачивали родовую организацию и переходили к феодализму. Это создавало запутанную систему взимания ясака. Ясак брали то с каждого ясачника (по 2, по 3 и по 11 соболей), то с рода.

Примерно с 1621 года сибирское население начали «верстать в оклад». Производилось перенесение ясачного населения. И верстали в оклад все мужское население от 18 до 50 лет. Это верстанье затянулось до конца XVII века; однако система взимания ясака оставалась все время крайне запутанной.

Обычно первое время количество ясака точно не определялось: было только общее указание из Москвы о том, что «сбирать ясак надо смотря по тамошнему делу, чтобы государевой казне не было убыли».

В завоеванных областях сначала строился острожек — небольшая крепость. В нем, кроме служилых людей, начинали селиться промышленники и торговцы. Из воеводского центра присылался в острожек «приказчик» — управитель «новоприсекных земель» и целовальник. Современем острожек рос, обстраивался и превращался в острог. Увеличивалось число служилых людей, появлялись воеводы, дьяки, приказные, атаманы, палачи, попы и пр. и пр. Но долго еще такой, вновь созданный

город сохранял вид военного лагеря, раскинувшегося на неприятельской земле. Окружен он был деревянными палисадами с деревянными же башнями по углам, и над воротами, на башнях, стояли пушки: на случай «шатости» (волнения) среди местных жителей. В степях такого острога помещался воеводский двор, «с'езжая изба», тюрьма, амбары для хранения запасов, пороховые погреба, церковь и тесно сбитые в кучу дворы служилых людей. С «замирением» области острог начинал обрывать палисады, где жило несслужилое население; вокруг него старались селить «пашенных людей».

Окрестные туземцы сами привозили ясак в город. Приезд «ясачных» был большим событием. «Ясачные» располагались лагерем за стенами города. В назначенный день князды (родовые старейшины) в сопровождении «лутчих мужиков» несли торжественно ясак в город. Там их ожидал воевода в «цветном» платье, со степ палили из пушек, а служилые люди стояли «на стойке». Прием заканчивался угощением «ясачных» и служилых, участвовавших в параде.

С туземцев, кочевавших далеко от города, ясак собирали особые, ясачные сборщики. Они везли с собой «аманата» — заложника. Приехав на место, сборщики располагались или в острожке или в «ясачном зимовье». Туземцам показывали их аманата, и те вносили ясак. Если туземцы были еще плохо «замирены», скованного аманата показывали только в окошечко. Туземцы в зимовье не допускались, да и служилые люди, «боясь убийства», не выходили из зимовья и принимали ясак в окоп, и в окоп же перекладывали «государеву жалование» — бисер, одекуц (бусы), олово.

К концу XVII века в Сибири были построены: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Лозвинский острог (1590), Березов (1593), Целымь (1593), Тара (1594), Сургут (1594), Нарым (1598), Маггазея (1600), Томск (1604), Кетский острог (1605), Енисейский (1617), Кузнецкий и Маховский (1618), Красноярский (1628), Илимский (1630), Братский (1631), Якутский (1637), Верхнеудинский (1647), Баргузинский и Косой (будущий Охотск; 1648), Иркутский (1652), Нерчинский (1658), Телембийский (1669), Селенгинский и Алабаинский (1665). Помимо перечисленных больших городов-крепостей возникли десятки острожков. Из этих острожков и острожков веером, во все стороны, шли служилые и промышленные люди «для прииска новых земель». Каждый шаг должен был заноситься на чертеж. Едва ли все служилые могли делать такие чертежи, тем не менее тобольской администрации в

¹ В. Р. Вернадский «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири в XVII в.», «Журнал Министерства народного просвещения», Часть 66, апрель, стр. 332—354. 1915.

Принос ясака в город. Миниатура из Ремизовской летописи.

1667—1674 годах удалось составить общую карту Сибири.

В 1696—1701 годах над сибирской картографией работал в Тобольске Ремизов, автор замечательного географического атласа Сибири. Из материалов, собранных Сибирским приказом в конце столетия, было составлено «Описание новых земель Сибирского царства». По русским источникам в основном было составлено и знаменитое в свое время исследование амстердамского бургомистра Витзена (1692) «О северной и восточной Татарии». Одним словом, наши русские «землепроходцы» раскрыли перед Западной Европой огромный, доселе неведомый мир.

Что же это были за люди, прошедшие весь колоссальный азиатский материк с запада на восток?

Много славных имен знаем мы среди сибирских землепроходцев, но, пожалуй, наиболее интересной фигурой среди них является Семен Дежнев.

2

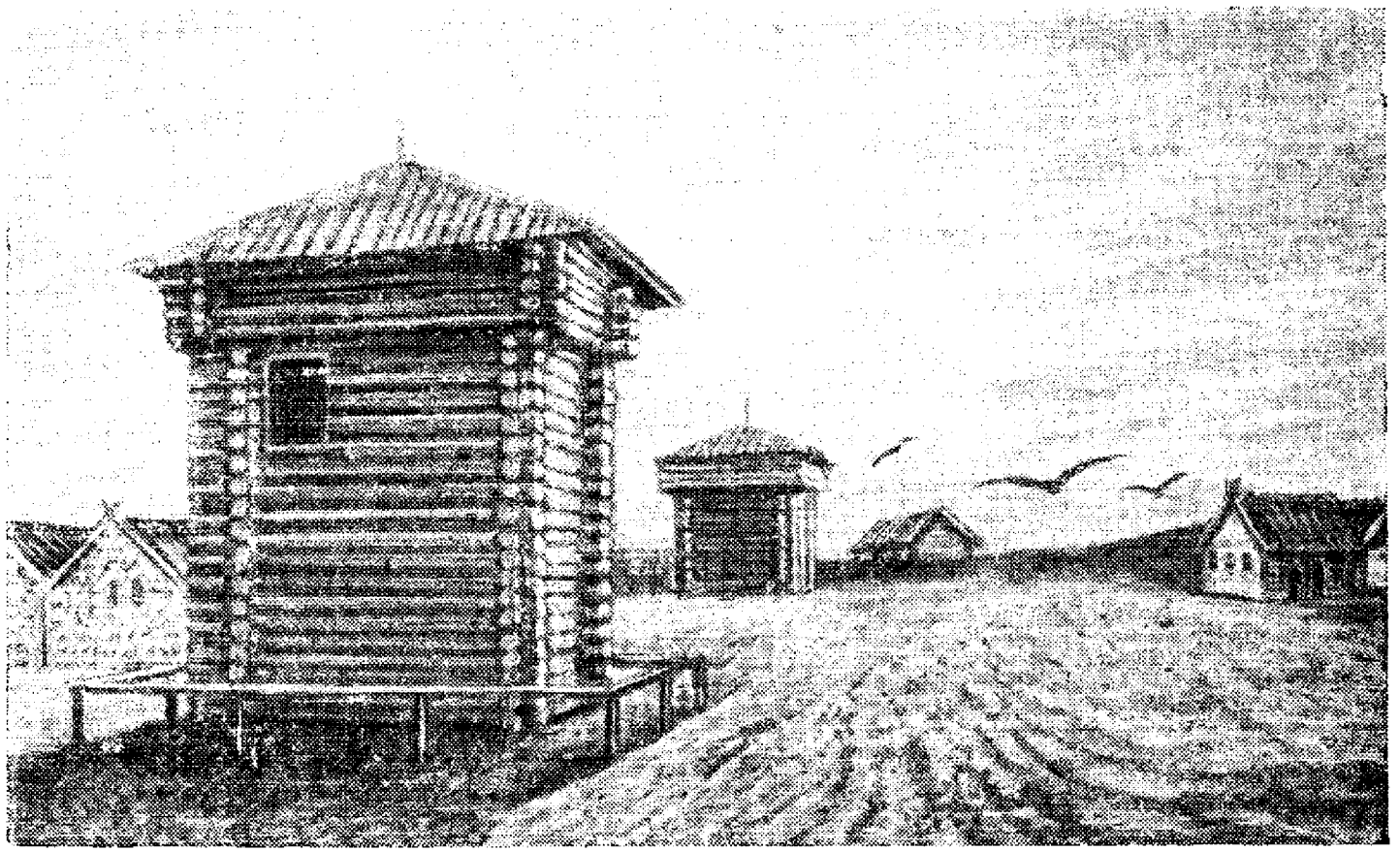
В 1638 году в «Окладную книгу денежного, хлебного, соляного жалованья руж-

ников и служилых людей» только что построенного Якутского острога был внесен казак Семен Иванов Дежнев.

Родом Дежнев был из Устюга Великого. Потомки удачных новгородских ушкуйников: устюжане, инисжане, вычегодане — толпами уходили в Сибирь. Местные воеводы жаловались, что с завоеванием Сибири «учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота».

Предприимчивые поморцы вдоль и поперек изобразили всю Сибирь; побывали на всех ее реках, лазали все горы, плавали по Студеному морю: кто служилым человеком, кто промышленником, кто торговцем. За «Камень» или наиболее энергичные и смелые люди, не желавшие мириться с гнетущими порядками Московского государства. Все слабое там гибло, а оставшееся выкалывалось в смелых, беспощадных людей, не жалевших никого, в том числе и себя. Еще Сперанский писал про прежних сибиряков, что они «поражают нас и своей беспечной удалью и нечеловеческой выносливостью и вместе с тем алчностью к добыче и хладнокровной жестокостью».

Из этого же теста был вылеплен и Семен Дежнев. Кипучесть, неуемная энергия,

Башни острога в Сибири.

безумная смелость родят его со всеми знаменитыми землепроходцами: и с Поярковым, и с Хабаровым, и с Васькой Бузой, и с сотнями других забуренных голов, — но у него есть одна необычная для того сурового времени черта: он всячески, где только может, старается действовать не «жесточью, а лаской».

Семейка не был повничком в Сибири, когда повертелся в якутские казаки. До Якутска он служил в Тобольске, а затем — в Енисейске. Но сравнительно спокойная служба в этих городах не удовлетворяет предприимчивую натуру Дежнева: его тянут «неведомые земли», «добрн плодovitые», «камни превисочайшие, яко довязати — до облак небесных».

В одной своей челобитной он жалуется, что «на тех государевых службах в те многие годы всякую нужду и бедность терпел, сосновую и лиственную кору ел», а в другой, — что «на тех дальних службишках» он «голову свою склачивал, раны великие принимал, кровь свою проливал, холод и голод великий терпел и помирал голодной смертью». Жалуется, но на тихую и мирную службу куда-нибудь поближе к Уралу не переходит. А сколько раз он был ранен в боях! Кажется, места живого не осталось на человеке! И все же милее этих увлекательных и опасных «дальних службишек» он ничего не находил.

Прибыл Дежнев в Якутск в 1638 году, а уже в 1639 году ему дают очень серьезное поручение.

Народы Сибири, насколько хватало у них сил, сопротивлялись вторжению рус-

ских. Они «нещадно приступали» к острожкам, при удаче сжигали их, громили маленькие отряды, убивали сборщиков ясака, а если видели, что их сил для борьбы не хватает, уходили в глубь тундры.

К моменту приезда Дежнева в Якутск произошел один из таких инцидентов. «Кангальского рода князец Сахей» убил двух якутских сборщиков ясака, Федора Шиврина и Ефима Зипуна, убил и откочевал со всем своим родом в дальнюю Оргунскую волость. Якутское начальство послало вдогонку за ним Ивана Метлеха с отрядом, но сын Сахей, Тоглойко, убил и его, а остальные еле успели унести ноги. Узнали об этом в Москве, и оттуда пришел строгий приказ: «Сыскать Сахей во что бы то ни стало!» Но не для мести, нет! Правительство, видимо, что-то знало о Шиврине, Зипуне и Метлехе и решило не преследовать за их убийство. Легко и нам догадаться, за что заплатилась своей головой эти служилые люди. Мы знаем, как некоторые из сборщиков собирали ясак, какая вакханалия грабежа, насилий, издевательства обрушивалась на головы бедных туземцев. У последних лопалось всякое терпение, и расоясавшиеся насильники получали по заслугам. Сыскать Сахей велено было не из-за убийства, а просто Москва не любила терять «ясакных людей». Нужно было принудить Сахей, чтобы он «спокаился в предрезоестях», и вместе с тем от «государские милости не отогнать».

Вот с этим-то трудновыполнимым поручением и был послан во главе маленького отряда Дежнев. Мы, к сожалению, не зна-

ем, как действовал Дежнев, по весь его отряд возвратился в целости, привез собранный ясак 3 сорока 20 (140) соборлей, и ни о какой «шатости» рода Сахелмы в дальнейшем уже не слышим.

Эта удача сразу выдвинула Дежнева, и знаменитый «писменный» голова Поярков в 1641 году посылает Дежнева и Дмитрия Михайлова с отрядом в 15 человек собирать ясак на реку Яну. Тронулись в поход зимой, благополучно перешли «Камень» и вышли к Яне. И на этот раз сбор ясака прошел очень успешно: сравнительно в короткое время собрали 8 сороков 20 (340) соборлей и 2 чернобурых лисицы. На общем совете решили, что Дежнев с тремя служилыми людьми отвезет меха в Якутск, а Михайлов останется на Яне.

По тайге быстро разнесся слух, что маленький отряд везет целую кучу дорогих мехов. Сорок «ламуцких тунгусов» решили напасть на отряд, чтобы завладеть богатой добычей. Устроили засаду. Но Дежнев был стреляный воробей: шел он «опасливо», и неожиданное нападение было встречено «огненным боем». Битва продолжалась недолго. Дежневу, несмотря на то что его дважды ранили стрелой в левую ногу, удалось метким выстрелом свалить «лутчево мужика», т. е. предводителя, и нападавшие разбежались. «Государева казна» была в целости и сохранности доставлена в Якутск и слана только что назначенному первому якутскому воеводе Головину.

Дежнев пробыл в Якутске недолго. Очень скоро его снова отправили в «дальнюю службешку». С отрядом в 14 человек Дежнева и Стадухина послали в 1642 году на Оемокон—приток Индигирки. Это около тысячи километров от Якутска по прямому направлению.

Прибыли на Оемокон. Объясаченный раньше род князья Чоны платил дань без возражений. Больше того, у Дежнева завязалось даже «приятельство» с туземцами.

Мы знаем много походов «на немирных народцев», сопровождавшихся жестоким «правежем», избиением беззащитных женщин и детей, жуткими сценами насилия и грабежа, но знаем также, что в ряде мест русские мирно сожительствовали с туземными племенами, перенимали их язык, обычаи, роднились с ними. Ретивые блюстители русских нравов еще в начале XVII века доносили, что в Сибири русские «с погаными смешиваются... и иные живут с некрещеными как есть с своими женами и детей приживают»¹. Но служилому

человеку самому уж очень несладко приходилось от воевод и приказных, чтобы он не мог понять и хоть краешком почувствовать обираемому теми же воеводами «вповерну».

В конце концов, туземцы Сибири несмотря на всю «жесточь» первых завоевателей, гнусные методы царских чиновников, погромную «деятельность» сибирских Колдунаевых и Разуваевых все же сохранились лучше чем туземцы Северной Америки, с ее белым человеком Джека Лондона.

Правда, немного было людей, как Дежнев, старавшихся где только можно, действовать «лаской», но они были.

На Оемоконе «приятельство» Дежнева с туземцами спасло отряд.

Неясачные ламуцкие тунгусы собрали громадный по тем местам отряд в 500 человек и неожиданно напали на русских. Перестреляли почти всех лошадей и переранили большую часть людей. Положение было безвыходное. Служилые люди уже попрощались перед смертью, как вдруг пришла неожиданная помощь: помня мягкое обращение с ними Дежнева, на нападавших уларили ясачные тунгусы, и с их помощью нападение было отбито.

Это редкий в истории Сибири случай, когда местные жители, к тому же только что «объясаченные», заступились за русских и вместе с ними бились против своих соплеменников.

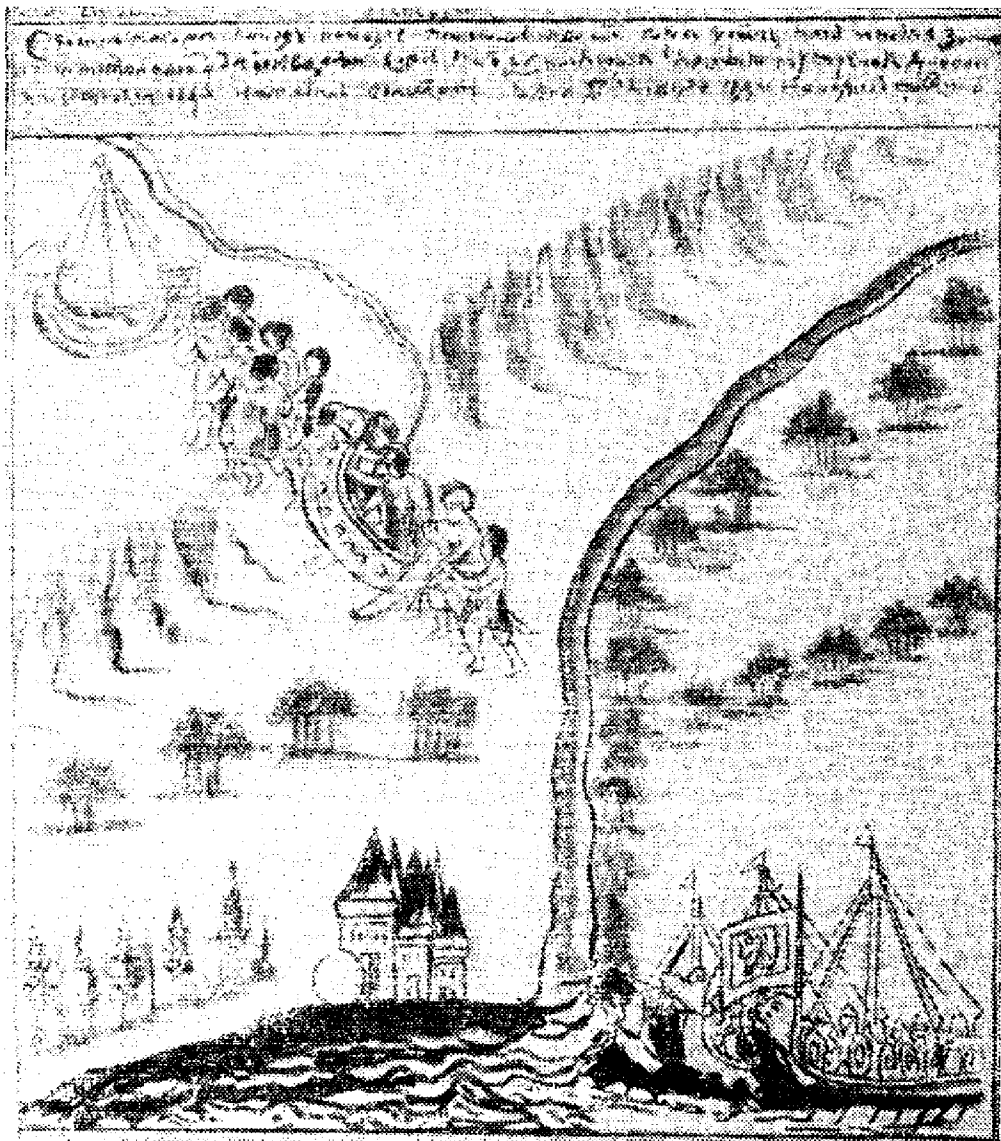
Русские отделались сравнительно легко. Правда, все они были переранены, сам Дежнев получил две «стрельные раны» в руку и ногу, но никто не был убит. Защитники их пострадали больше: убили князья Удаю и «иных многих ясачных людей, а иных переранили». Плохо было и то, что неприятель при отступлении разорил многие юрты защитников русских «до основания».

Боясь повторения нападений, русские прежде всего решили спасти казенное добро — «государеву казну». Отобрали наименее пострадавших служилых людей: Денпеса Ерипа и Ивана Кислого — и на оставшихся лошадях отправили собранные меха в Якутск, а сами остались залечивать раны.

Мы столько знаем о казнокрадстве воевод и приказных, что эта забота о «государевой казне» нечиновных служилых людей даже поражает: для ее спасения и сохранения служилый человек частенько жертвовал всем, даже жизнью.

Когда оставшиеся русские залечили свои раны, они решили собраться назад, в Якутск. Но как? Пешком? Это верная смерть. Выручили опять-таки туземцы. Князец Чоны посоветовал сделать кочь — большую мореходную плоскодонную лодку, — спуститься в ней по Оемокону и

¹ С. В. Бахрушин «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.». Сборник «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», стр. 79. 1922.

Перетаскивание лодок волоком.

Миниатюра из Ремизовской летописи.

Индигирке к морю, а затем «великой водой» добраться до Лены и уж Леной подняться к Якутску. Русские послушались совета, сделали кочь, распростились с туземцами и поплыли к морю.

Выйдя в море, они услышали, что где-то восточнее бродит еще один отряд русских. Дежнев с Романом Немчиновым пошли пешком на поиски и на реке Алазее встретили небольшой отряд под командой Дмитрия Михайлова, того самого, с которым Дежнев ходил в 1641 году на реку Яну.

Старые приятели обрадовались друг другу и решили соединить свои маленькие отряды. Пока Стадухин пробирался на Колыму, Дежнев ходил с Михайловым в поход за аманатом к «алазейским юкагирам». В бою при «имге» аманата Дежнева опять «стрелюю ранили в левое плечо».

Партии соединились на реке Колыме. Срубили там острожек и начали обясачивать окрестные племена. Ходили всем отрядом против «юкагирских мужиков оймяков». Дежнев, как всегда, сражался храбро, убил «лутчево мужика» — брата князя Аллая, по и самого Дежнева «железницею (железной стрелой) насквозь прострелили».

3

Три года «справляли» свою «службоньку» казаки, измучились, обтрепались, по хлебу соскучились, наконец, решили, что Михайлов со Стадухиным заберут ясак и отправятся морем на кочах к устью Лены и Леной в Якутск, а Дежнев, видимо, еще не оправившийся от рапы, останется с 12 служилыми людьми защищать Колымский острожек.

Князец Аллай, брата которого убил Дежнев в бою, услышав, что в маленькой крепостце осталось всего 13 человек гарнизона, собрал свыше 500 юкагиров и «обсадил» острожек. Нандавиних не удержал «огненный бой» из пищалей: они пошли на приступ и «к нам сильно вломилесь», как пишет Дежнев. Разгорелся отчаянный «с'емный», т. е. рукопашный, бой десятка казаков против подавляющего их численностью неприятеля.

На счастье отбивавшихся из последних сил русских, кому-то из служилых людей удалось «изменника Аллая на с'емном бою коньем сколоть до смерти». Лишившись предводителя, юкагиры отхлынули, и русские были спасены. Почти все они бы-

ли переранены, и «меня, холопа твоего Сеньку, в голову железницею ранили», допосил потом Дежнев.

Приятель Дежнева—Михайлов—не доплыл до Якутска. По дороге «на море» он встретил партию торговых и промышленных людей, уже прослышавших про «Колыму реку», и вместе с ними Петра Новоселова, ехавшего во вновь основанный Колымский острожек «таможенным целовальником». Новоселов передал Михайлову от якутского воеводы Головина «наказную память», назначившую Михайлова «приказным человеком» на «новоприискных реках—Индигирке, Алазейке, Собачьей и Колыме».

Про свою службу под начальством Михайлова Дежнев пишет мало, он только сообщает, что «приказный Михайлов и целовальник Новоселов тебе, государю, рadeли с великим раденьем—посылали нас холопей твоих на непослушников неясачных иноземцев». Походив этих он не описывает, сообщает только, что служилые люди «голов не жалели», да кратко пишет о карательной экспедиции против тех юкагиров, «которые приходили к острожку приступом». Эта экспедиция под начальством Дежнева прошла удачно: «поймали в аманаты юкагирского мужика Аливина, сына Черма». Дежнев отометил за «емный бой», но сам опять пострадал: его «при пмке аманата раницы в левую руку».

Прошло три года. Дежневского приятеля Михайлова вместе с Новоселовым перебрали в другие места, «прикащиком» прислали боярского сына Власьева, целовальником—Коткина, а Дежнев все еще служил в острожке: ему жаль было расставаться с Колымой-рекой.

Колымский острожек вырос. Кроме служилых людей, насчитывавшихся уже десятками, здесь были уже и торговцы и промышленники.

В 1646 году Исай Игнатьев вместе с другими промышленными людьми вышел из Колымы в море и попробовал пробраться дальше, на восток. Дошел он до Чаунской губы, но дальше идти побоялся и воротился назад.

Исай Игнатьев приехал в Нижнеколымск с большой повинкой: он привез вымененную у прибрежных чукчей моржовую кость—«рыбий зуб».

«Рыбий зуб» так разлакомил служилых и промышленных людей, что в эту же зиму составилось товарищество для его добычи. Главным «закоперником» был Федот Алексеев, приказчик московского «гостя» Алексея Усова.

Торговый капитал в Сибири не отставал от служилых людей. Торговец являлся в каждую «новоприискную земельку» неме-

для вслед за «подведеньем ее под высокую государеву руку». Бывали случаи, когда торговый человек шел вместе с казаками и промышленниками и вместе с ними «громил немирных иноверцев».

Почти вся торговля с Сибирью находилась в руках богатых купцов—«гостей», но торговали они, конечно, не сами, а через своих приказчиков. Одним из таких приказчиков и был Федот Алексеев.

В Сибирь везли «товары на сибирскую руку»: топоры, тараны, котлы, ножи, полотно, кожаные изделия, различные безделушки: бусы, зеркала, серьги—и, наконец, поговору с воеводами и приказными—«запрещенные товары»—табак и водку. Все это обменивалось главным образом на меха. «Мягкая рухлядь» вывозилась из Сибири на громадные суммы. Так, в 1648 году одной десятиной пошлины купцы заплатили в четырех городах (Мангазей, Томск, Енисейск, Туринск) 17 905 рублей, т. е. только через эти города было вывезено мехов на 179 тысяч рублей, что в переводе на наши деньги составит 3 миллиона золотых рублей.

По просьбе торговых и промышленных людей, «приказный» Власьев прикомандировал к экспедиции Федота Алексеева и пользовавшегося большим уважением за свою опытность и храбрость Семена Дежнева. Дежнев должен был хранить «государев» интерес: собирать «десятинную» и другие пошлины с добычи, объявлять «иноземцев» и пр. В товарищи ему дали Герасима Анкудинова.

Начали «ладить» кочи для похода. Ходила кочь под веслами и под парусами. За недостатком железных изделий кочь обыкновенно строилась без единого гвоздя. Плавать на таких кочах по Студеному морю с его «отпирными» ветрами, уносящими путешественников далеко от земли, с его льдами, как скорлупку разламывающими убогие суденышки, могли только смельчаки. Но в Сибирь шли, как мы уже говорили, главным образом поморяне, а из них не один был «по морю стареход и знатец», для большинства «морской ход был за обычаем».

Летом 1647 года вышли в море 4 кочи, но скоро вернулись обратно: не пустили льды.

Первая неудача не остановила этих мужественных людей: стали готовиться к экспедиции на следующее лето. Решено было отправиться не только за «зубом», но и для отыскания Анадырь-реки, о богатстве которой уже давно ходили слухи среди русских, но добраться до которой было очень трудно.

Конечно, наши землепроходцы ничего не знали об изобретенном итальянскими географами Анианском проливе, но, по рас-

сказам и расспросам, они знали, что морем до Анадырь-реки дойти можно. Их пугало другое: путь преграждал «Необходимый нос» («необходимый» не от слова необходимость, а от слова обход, обходить). Как с ним справиться? Проход-то есть, но этот «камень протянулся в море, и около его обойти никто не может для того, что льды великие притескивают и растирают». Кстати, этот «Необходимый нос», лежащий на месте теперешней Чукотки, долго не сходил с географических карт и пугал путешественников. Он упоминается в «Списке с чертежа Сибирския земли» (1668), в «Сказании о великой реке Амур, которая разграничила русское селение с китайцы» (1686); у Крижанича в его «Historia de Sibiria» (1680). На карте Витзена, пользовавшегося, как мы уже говорили, материалами Сибирского приказа, на месте Чукотки нанесен длинный узкий полуостров *Seres Kamen* («Серце-Камень»), заканчивающийся тем же знаменитым *Neobhodimuy nos*. Есть этот нос в атласе Ремпзова (1701), есть на карте Исабранта Идеса (1704) и др.

«Необходимого носа» все же не испугались, и в 1648 году 6 кочей вновь направились из Нижнеколымска к морю. В поход пошла «сила людей» — 90 человек. Смешно звучит теперь, когда об отряде в 90 человек говорят как о целой армии. Но для людей, умевших сам-десять отбиваться от сотен неприятелей, сам-пятнадцать завоевывать громадные области, отряд в 90 человек казался большой силой.

2 июня 1648 года кочи вышли в море. Три кочи скоро пропали. Быть может, они утонули, а вернее, — труслили и вернулись обратно. Ругать за трусость оставших особенно пельзя. Если в наше время этот путь с трудом проделывают пароходы и ледоколы, то на маленьких казацких кочах идти по страшному Студеному морю да еще с обходом «Необходимого носа» могли только отчаянные смельчаки.

К счастью, лето для плаванья было нередкостью удачное, и в августе оставшиеся три кочи, на которых находились Дежнев, Алексеев и Анкудинов, стали оплывать Чукотку.

У «Большого каменного носа», очень тщательно описанного Дежневым и теперь названного его именем, разбило кочь Анкудинова. «Разбойных людей» рассадил по оставшимся в целости кочам и поплыл дальше. Где-то вблизи «носа» путникам пришлось высаживаться на берег, видимо, за водой и провизией. Чукчи приняли их очень враждебно: произошло столкновение, «драка», по скромному выражению Дежнева, во время которой был ранен Федот Алексеев.

Пройдя в конце сентября пролив, отде-

ляющий Азию от Америки, Дежнев, даже не подозревая, что он решил труднейшую географическую проблему, вступил со своими спутниками в Великий, или Тихий, океан.

Словно погодя на отважных пришельцев, океан встретил их грозной бурей, разбросавшей обе кочи.

Долго «неволею гоняло» разбушевавшееся море дежневскую кочь и, наконец, выбросило где-то южнее Анадыря на берег.

Взяв с разбитой кочи все, что можно было, главным образом оружие и инструменты, Дежнев со своими спутниками пошел назад, к устью Анадыря.

Наступила зима, начались морозы и метели. Шли десять недель «холодны, голодны, наги и босы». Реки замерзли, рыбу ловить пельзя было, лесов и зверей нигде не встретили, не было и людей. Чем пытались дорожить, как хватило сил дотащить-ся до цели — неизвестно.

Дошли до Анадыря «внизу близко моря», и тут, как пишет Дежнев, «с голоду мы бедные врознь разбрелсь». Тринадцать человек, в том числе и Дежнев, остались на месте, стали мастерить зимовье, а остальные двенадцать участников экспедиции пошли вверх по Анадырю искать пищи и людей. Ходили они 20 дней, ничего не нашли и пошли обратно. Не доходя трех дней пути до становища, вконец обессилев, они выкопали в снегу ямки и легли. Только троим удалось добраться до зимовья за помощью. Дежнев отправил им «последнее свое постеленко и одеялишко», но помощь запоздала: люди замерзли и их успели похоронить сибирские метели. Осталось теперь у Дежнева только 16 человек вместе с ним.

Вторая кочь, с Алексеевым и Анкудиновым, пропала. Впоследствии удалось Дежневу «отгромить», т. е. отнять, у коряков «якутскую бабу», ехавшую с Федотом Алексеевым. Она рассказала Дежневу, что и их кочь тоже выкинуло на берег, но где именно, она не знает.

По сообщению Миллера и Крашенинкова, вторую кочь выбросило где-то около реки Камчатки. Участники первой камчатской экспедиции Беринга (1728) видели на реке Федотовке остатки двух русских зимовий.

Алексеев и Анкудинов «померли нянгою», а остальные их спутники почти все были перебиты туземцами. «Осталось только не великие люди». Эти «не великие люди» кое-как починили кочь и, по образному выражению «якутской бабы», «побежали в лодке с одною душою», т. е. с голыми руками, неведомо куда.

О приезде русских помнили на Камчатке еще во времена Атласова, т. е. через 50 лет (1697). Камчадалы вначале приня-

На сибирских реках.

XVII век.

ли русских за каких-то неведомых богов. Но, после того как новоявленные боги в кровь разодрались между собой, вера туземцев в их божественное происхождение сильно поколебалась. С тех пор камчадалы стали смотреть на пришельцев как на обыкновенных людей и перестали их бояться.

4

Кое-как перезимовал Дежнев с остатками своей партии. Спасли их дикие олени, которые появились откуда-то большими стадами и почти совершенно не боялись людей.

За зимовку умерло еще 4 человека, и в дежневской партии осталось всего 12 человек. Летом 1649 года они соорудили лодку из выкинутого плавника и двинулись вверх по реке. Добравшись до зимовий «анаульских мужиков», дежневы удачно сразились с ними и взяли с них ясаки. Сам Дежнев в этом бою был ранен «смертной раной» (в грудь ножом) и еле остался жив. Построив на Анадыре острожек, отряд засел в нем, совершая из него набеги.

Этому 1642 года провели в острожке. Дежнев видел, что с таким маленьким отрядом, какой был у него, об'ясачить воинственных чукчей и коряков нельзя. Он верно оценил положение: чукчи и коряки по-

чти два столетия сопротивлялись завоевателям и пользовались всяким случаем, чтобы изгнать русских. Чукчи продолжали оказывать сопротивление даже в XIX веке и считались у царского правительства чуть ли не до последних дней «не вполне покоренным народом».

Главное же, что тревожило Дежнева,— это то, что порох и свинец были уже на исходе. Надо было пробираться назад или дать знать о себе на Колыму.

Летом 1650 года, когда дежневский отряд начал серьезно подумывать об отступлении, прибыли из Нижнеколымска две партии — Семена Моторы и Михаила Стадухина. Стадухин летом 1649 года пробовал было, по примеру Дежнева, проплыть до Анадыря морем. Он дошел до реки Почычи, но вынужден был вернуться обратно. А сейчас обе партии пробрались на Анадырь сухим путем.

С Семеном Моторой Дежнев сошелся, и они даже соединили свои отряды, а со Стадухиным он не поладил. Даже в то суровое время Стадухин отличался своей жестокостью и жадностью, а это претило Дежневу. Конечно, Дежнев и сам был не безгрешен: и он грабил туземцев, но грабил «с разумением».

Раз был такой случай. Сошлись обе партии перед острожком, в котором засели ко-

ряки. Дежнев стал выговаривать Стадухину, что он «не гораздо делает, без разбору грабит иноземцев». Взбешенный Стадухин начал ругать Дежнева. А когда, после ласковых уговоров последнего, вышел из острожка один из коряков, чтобы уплатить ясак, Стадухин вырвал у него меха и избил Дежнева.

Иногда Стадухин вредил Дежневу. Как-то дежневский отряд сильно голодал. Пятались лиственницей корой «да чем бог пошлет». Получше кормили только аманата — заложника, — боясь, как бы он не умер. По сибирским понятиям, это было глумлением, и обыкновенно об аманатах заботились куда меньше чем о собаках. Выживет — хорошо, не выживет — другого добудем! В одной из отписок рассказывается, например, как одна из партий на Охотском побережье набрала аманатов, сковала их всех и посадила «в баньку». Заложникам иногда давали поесть, а иногда позабывали. Когда пришли посмотреть, то в живых наших только одного, а остальные умерли: кто от голода, а кто «сомлел от тяготы и духоты» в маленькой подземной избенке.

К голодающей дежневской партии слетели на выручку товарищи. Стадухин, прослышав про это, начал на партию, шедшую на помощь, и отнял у нее все запасы. Кончилось дело тем, что Дежнев, «боясь греха», стал уходить от Стадухина.

Особенно разгорелось соперничество между дежневской и прибывшими к этому времени в Анадырский край другими партиями после открытия Дежневым в устье Анадыря «корги», т. е. отмели с залежами «замороженного зуба» — старых моржовых клыков. Здесь же можно было промысливать моржей, собиравшихся на отмель в большом количестве. Все партии кинулись туда, и каждая с оружием в руках отстаивала свое право на разработку драгоценных залежей и промысла зверем.

Одиннадцать лет прожил Дежнев на Анадыре, промысливая «рыбий зуб», сражаясь с чукчами и коряками, громя их острожки и зимовья, забирая у них аманатов и ясак. Приехавшему первому правительственному «приказчику» — сотнику Амосу Михайлову — велено было «расписатца» с Дежневым и другими «начальными людьми», т. е. принять у них зимовья, служилых людей, аманатов, «государеву казну» и воинские припасы.

В 1659 году Дежнев сдал свой Анадырский острожек назначенному вместо него Курбату Иванову, прожил в крае еще два года, занимаясь промыслом «рыбьего зуба» для себя, и, наконец, после 20-летнего отсутствия на «дальних службашках», прибыл в 1662 году в Якутск.

По приезде Дежнева в Якутск воевода

стольник Большой Голенищев-Кутузов отправил его с драгоценной «костяной казной» в Москву. В XVII веке в Москву обычно посылались с вестями люди, отличившиеся чем-нибудь. С донесением о битве, например, посылались «сенучем» — вестником — непременно чем-нибудь отличившийся воин. Естественно, что с моржовыми клыками послали Дежнева. Ведь он открыл богатые залежи их на анадырской «корге» и нашел к ним путь морем. Кроме того это был человек, ничем не опороченный за всю свою долгую службу.

В Москве прибывшего туда в 1664 году Дежнева (ехал он из Якутска больше года) приняли ласково. Еще бы! Дежнев привез около 200 пудов драгоценной кости, которая ценилась тогда по 60 рублей пуд. А 12 тысяч рублей по тогдашним ценам, когда пуд ржи стоил 8 копеек, были громадной суммой.

Дежнев 20 лет не был в Якутске и 20 лет не получал положенного ему жалованья — деньгами, хлебом и солью. По приезде в Якутск ему выдали следующее жалованье только за год, отговариваясь недостатком хлеба и денег, да еще выдали соль за все прослуженное время. В Москве Дежнев подал челобитную, в которой рассказал про все свои походы, раны, «пужки», и просил выплатить ему жалованье за 19 лет. В Сибирском приказе подсчитали, перевели все довольствие па деньги, и получилось, что Дежневу «доволится» 126 рублей, 6 алтын, 5 денег (алтын — 3 копейки, деньги — $\frac{1}{2}$ копейки). Сумма показалась приказным настолько большой, что решили об этой вылаче доложить царю. Начальник Сибирского приказа Стрешнев доложил царю, и тот, «слушав сее выписки и челобития денского казака Сеньки Дежнева, пожаловал — велел ему Сеньке свое государево годовое денежное жалованье и за хлеб на те прошлые годы со 151 году по 170 год, на 19 лет за его службу, что он в тех годах был на его государеве службе на Анадыре реке для государева ясачного збору и прииску новых земель, и, будучи на государеве службе, упрямьшлял кости рыба зубу 289 пуд, цена по 60 рублей пуд, и ясак на великого государя збирал, и аманаты имел, а на те прошлые на 19 лет государева годового денежного и хлебного жалованья нигде не имел и за ту его Сенькину многую службу и за терпение пожаловал великий государь-самодержец, велел ему на те прошлые годы выдать из Сибирского приказа треть деньгами, а на 2 доли сукнами». Выдали Дежневу после этого решения деньгами 38 рублей, 22 алтына, 3 деньги да сукна 97 аршин с четью — половину темновишневого, половину светлозеленого цвета.

В феврале 1665 года Дежнев подал вто-

рую челобитную, где он кратко перечисляет свою службу по Тобольску и Енисейску, по реке Лене «и по иным рекам» и, упоминая, что он не раз бывал «вместо атамана», просил «за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль поверстать его по Якутскому острогу в сотники».

И на эту челобитную последовало милостивое решение: «За его Сенькину службу, и за прииск рыбы зуба, за кость и за раны — поверстать в отоманы», т. е. назначить на должность, равнозначную сотнику. Годовой оклад новому атаману был положен «против его братьи отоманов — 9 рублей денег, да хлеба 7 чети ржи (четь — четверть — около 1½ центнера), а 4 чети овса, да 2¼ пуда соли».

В том же, 1665 году Дежнев уехал из Москвы. О службе его атаманом в Якутске мы, к сожалению, ничего не знаем.

В 1671 году Дежнев вновь был послан в Москву доставить собольную казну и разные документы якутской приказной избы. Любопытно, что Дежнев взял с собой в Москву, кроме двух целовальников, Нефёда Стадухина, сына его врага Михаила Стадухина, видимо, умершего к тому времени.

В Москву Дежнев приехал 25 декабря, а 29 декабря 1671 года сдал собольную казну в целости и сохранности.

Дежневу не пришлось вернуться в дорогу ему Якутск, и этот привоз «ясашной казны» был последней «службишкой» старого казака. В Москве он захворал: сказались раны, голодовки и «великие нужи». Было ему в то время лет 60 с лишком. Долго боролся со смертью железный организм Дежнева, но в 1673 году, т. е. через год с небольшим, он умер. В «Окладной книге города Якутска» на 377-м листе какой-то воеводский приказный записал: «Семен Дежнев во 181-м (1673) году на Москве умре, а оклад его в выбылых».

Так окончилась жизнь, полная смелых походов, боев и тяжелых лишений, знаменитого землепроходца, впервые открывшего пролив между Азией и Америкой.

* * *

Оценил ли кто-нибудь во времена Дежнева значение его открытия? Едва ли.

Не подозревал о всей важности своего морского пути от реки Колымы до Анады-

ря и сам Дежнев. Сомнительно даже, знал ли он о существовании Америки и о том, что очень важно найти пролив, который отделяет ее от Азии. И сам Дежнев и царское правительство из всего его беспримерного похода оценили только открытие «новоприискной земли» с дорогим «рыбным зубом», что сулило большие прибыли «государевой казне».

При уровне развития географических познаний в Московской Руси такое отношение к походу Дежнева понятно. Непонятно другое: как не вспомнили о Дежневе, когда в 1778 году Джеймс Кук предложил назвать этот пролив Беринговым? Наш известный историкограф Миллер, разбираясь в архивах Сибири, натолкнулся на документы о дежневском походе и опубликовал их еще в 1758 году. Таким образом, за 20 лет до предложения Кука было известно, что первым прошел пролив между Азией и Америкой не Беринг, а Дежнев. И почему-то все об этом забыли! А, может, и помнили, да промолчали, не желая возвеличивать хуторного казачишку перед заслуженным иностранцем капитаном-командором Берингом.

Но для нас дорог этот «хуторный казачишка». Он славный представитель «всевыносящего», по выражению Некрасова, русского племени. Ни холод, ни голод, ни раны, ни «великие тяготы» не останавливают его при осуществлении поставленной задачи. Дежнев всегда старался действовать не «жесточью, а лаской». Конечно, Дежнев — сын своего века, и он грабил туземцев, но грабил, как он пишет, «с разумением». Больше того: он ссорится со своими товарищами, поступающими слишком жестоко с «иноверцами», кормит аманата, когда сам ест лиственничную кору да «что бог пошлет». Только этой чертой дежневского характера можно объяснить редкий в истории завоевания Сибири случай, когда местные жители, с которых только что был взят ясак, заступились за своих угнетателей, русских, как это было с отрядом Дежнева на реке Оемоконе.

Русский народ дал ряд блестящих путешественников и исследователей, и почетное место среди них должен занять якутский казак Семен Иванов Дежнев, первым разрешивший крупную географическую проблему, соединяются ли материк Азии и Америки или между ними есть пролив.

ТОННЕЛЬ ПОД ЛАМАНШЕМ

1

Четверть века тому назад, 30 сентября 1913 года, в № 6 газеты «Правда труда» была опубликована замечательная статья В. И. Ленина «Цивилизованное варварство», разбирающая причины крушения неоднократно выдвигавшихся проектов проведения тоннеля под Ламаншем, или, точнее, под Па-де-Кале.

Ламанш, как известно, представляет собой часть Атлантического океана, морской пролив, отделяющий Англию от Франции и соединяющийся с Северным морем проливом Па-де-Кале. В самом узком месте ширина Па-де-Кале не превышает 33 километров.

Историю проектов тоннеля под Ламаншем Ленин рассматривал как характерный пример несоответствия капиталистических производственных отношений состоянию производительных сил общества, как пример непримиримого противоречия между ними.

«Куда ни кинь, — пишет Ленин, — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить не медленно. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей рабами этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скверности горстки миллионеров»¹.

Оживленные торговые связи, постоянное движение пассажиров через Ламанш давно уже приводили переловых инженеров и общественных деятелей Англии и Франции к мысли о целесообразности соединения обеих стран железнодорожным путем. Речь шла не о постройке тоннеля под водой, то о перекрытии пролива грандиозным мостом. С половины XIX века большинство авторов проектов остановилось на плане сооружения тоннеля под самым узким местом Па-де-Кале.

В 1856 году французский инженер Томе де Гамон представил одновременно английскому и французскому правительствам пер-

вую детализированную схему подобного тоннеля. Крупнейшие английские инженеры того времени: Изамбард Брунель, Роберт Стефенсон (сын первого изобретателя паровоза), Джон Хаукпю и другие — поддерживали проект Гамона.

Некоторые железнодорожные компании и связанные с ними правительственные круги заинтересовались проектом. В 1869 году, т. е. почти 70 лет тому назад, был организован франко-английский комитет, в котором приняты участие представители железнодорожных компаний обеих стран. Между Францией и Англией начались официальные дипломатические переговоры по вопросу о сооружении тоннеля.

В 1872 году английский департамент торговли вынес положительное решение по поводу проекта и правительство дало согласие на выдачу концессий. Это объяснялось отчасти тем, что в Англии в то время находилось у власти либеральное правительство Гладстона, членам которого выгодно было прикннуться сторонниками проектов.

В 1874 году к власти возвратилось консервативное правительство Дизраэли. Вначале министерство иностранных дел подтвердило соглашение с Францией по вопросу о строительстве тоннеля. Более того, в 1876 году уполномоченные обоих правительств подписали в качестве базы для заключения договора между Францией и Англией соглашение под названием «Проект, принятый интернациональной комиссией подводной железной дороги». По этому проекту, по настоянию английского правительства, были предусмотрены все меры предосторожности на случай военных конфликтов. Специальная статья (15-я) гласила: «Каждое из правительств будет иметь право приостановить эксплуатацию подводной железной дороги и движение через тоннель, когда оно сочтет это походящим в интересах своей страны»; «Каждое из правительств будет также иметь право произвести, когда сочтет нужным, повреждения или разрушения, полностью или частично, работ по тоннелю или подводной железной дороге на своей территории (т. е. в пределах установленной морской границы.— В. В.), равно как и заочинение тоннеля»².

Таким образом, уже в проекте договора 1876 года английское правительство предусмотрело возможность полного разрушения тоннеля в случае военных действий.

1 февраля 1875 года образовалось «Французское общество по постройке тоннеля» под председательством известного буржуазного экономиста и публициста Мориса

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 622—623.

² Channel Tunnel ed by N. T. Perkins, p. 46, 1913.

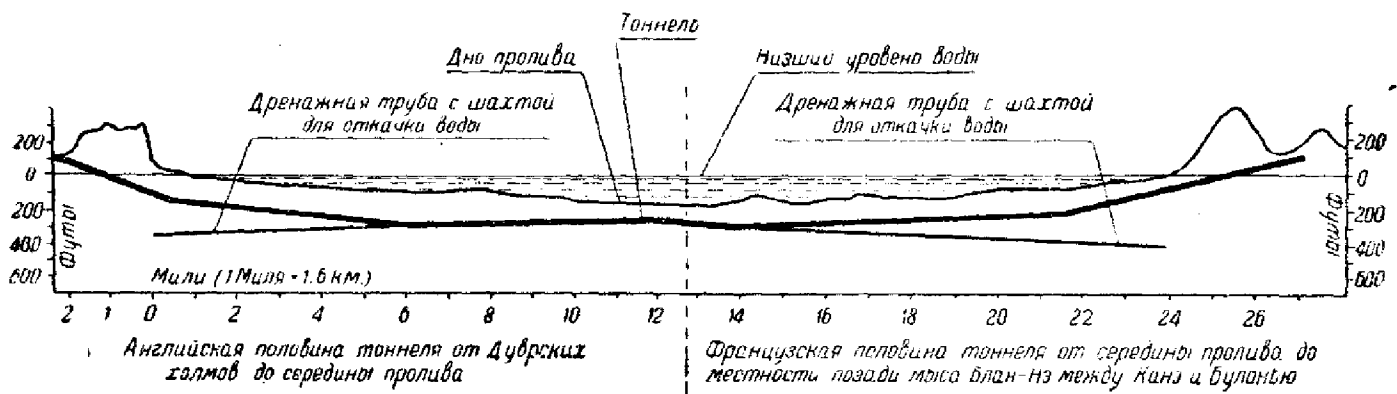

Схема проекта тоннеля под Ламашем.

Шевалье, с участием инженеров Лаваллея (работавшего на постройке Суэцкого канала), Ф. Рауль-Дюваля, Л. Сея и др. Вскоре компания получила концессию на подводную линию от французского берега до середины пролива На-де-Кале, до той линии, где проходила морская граница между обеими странами. Еще раньше, 16 июля 1874 года, английская компания Юго-Восточной и Четемской железных дорог получила разрешение на производство экспериментальных работ под английской частью пролива, возле Дувра.

Однако с обеих сторон работы велись вяло. Как во Франции, так и в Англии ограничивались исключительно геолого-разведочными операциями.

Частная собственность на орудия и средства производства, капиталистическая конкуренция сразу же создали на пути успешного строительства тоннеля ряд непреодолимых в капиталистическом мире трудностей.

Прежде всего почувствовали себя уязвленными английские судовладельцы, державшие в своих руках товарные и пассажирские перевозки через Ламаш. Они были монополистами по эксплуатации «водного рва, окружающего Британские острова», как высокопарно называли пролив английские политики, и извлекали из этого доходного дела колоссальные прибыли. Эти судовладельцы отнюдь не намерены были отнестись равнодушно к тому, что постоянный конкурент водного транспорта — железнодорожный транспорт — осмелился посягнуть на этот «водный ров», угрожая вырвать из их рук монопольные доходы. Судовладельцы были тесно связаны с кругами, сфера влияния которых выходила далеко за пределы района Ламаша. Друзья «обиженных» судовладельцев занимались торгово-колониальными проблемами, заседали в парламенте, работали в адмиралтействе, генеральном штабе и иных весьма влиятельных учреждениях. Состоящим у них на службе ораторам и журналистам ничего не стоило «доказать», что ущерб для судоходства и торговли в любой части Британской империи, напри-

мер на Ламаше, является ущербом для мощи и престижа всей империи. Сами судовладельцы при этом предпочитали держаться в тени, предоставив своим друзьям из реакционных военных и штатских политических кругов подыскать такие «доводы» против тоннеля, которые внешне не имели ничего общего с вопросом о сокращении прибылей судовладельцев.

Германская дипломатия, видя в проекте тоннеля угрозу своим захватническим планам в Европе, усиленно интриговала против постройки тоннеля.

Ко всем этим скрытым интригам врагов проекта тоннеля в Англии добавилась еще ожесточенная конкуренция двух железнодорожных компаний — Юго-Восточной и Дуврской. Последняя всячески мешала Юго-Восточной железнодорожной компании в ее экспериментальных работах по прорытию тоннеля, требуя заранее своей доли в предполагаемых доходах от эксплуатации тоннеля.

За 7 лет работы Юго-Восточная железнодорожная компания к 1881 году сумела проложить лишь 1,8 километра экспериментального тоннеля (2 метра в диаметре).

В том же, 1881 году образовалась новая «Подводная континентальная железнодорожная компания» с капиталом в 250 тысяч фунтов стерлингов. В следующем году эта компания, сумевшая заинтересовать в деле обоих конкурентов — Юго-Восточную и Дуврскую компании, — выкупила у Юго-Восточной компании завершённые работы. Но и «Подводная континентальная К^о» оказалась не в силах ускорить темпы работ. Все ее успехи свелись к незначительным дополнительным операциям.

Во Франции сопротивление строительству тоннеля было слабее чем в Англии. Во-первых, французские судовладельцы принимали гораздо меньше участия в перевозках через Ламаш чем их британские коллеги. Во-вторых, иное стратегическое положение страны заставляло французских империалистов, помнящих недавние уроки франко-прусской войны, не пренебрегать и этим возможным средством связи с Англией

в случае военных действий. Они были затоннель именно потому, что бисмарковская Германия и ее английские друзья были против него. Основным препятствием к развертыванию работ во Франции был недостаток средств, так как государство само за это дело не бралось, предоставляя его частным капиталистам.

Наконец, упомянутое выше «Французское общество по постройке тоннеля» сумело заинтересовать в предприятии Северную железнодорожную компанию, купившую половину акций, и знаменитый банкирский дом Ротшильда, который приобрел $\frac{1}{4}$ акций, и других капиталистов.

Однако «общество» вело работы, все время ориентируясь на английскую сторону строительства. Оно боялось забежать вперед, вложив лишний капитал по сравнению с англичанами. Вот почему к 1882 году и на французской стороне было пройдено лишь около 1,9 километра экспериментального тоннеля, т. е. примерно столько же, сколько и в Англии.

Крупнейшие инженеры обеих стран доказывали техническую осуществимость проекта. Они подкрепляли свои доводы ссылками на законченные незадолго до этого такие грандиозные сооружения, как Суэцкий канал (1869 год), первое лондонское метро (1863 год), Мон-Сенвский горный тоннель, длиной более чем в 12 километров (1876 год), и Сен-Готтардский, длиной около 15 километров (1881 год). Все эти факты говорили в пользу осуществимости проекта Ламаншского тоннеля.

Убедившись в том, что многолетние прописки и интриги не сумели склонить общественное мнение обеих стран к отказу от идеи постройки тоннеля, кучка капиталистов, боявшихся потерять свои доходы от прорытия тоннеля, перешла к открытой атаке против самой идеи тоннеля. «Капитализм. — говорил Ленин, — сделал то, что целый ряд капиталистов, которые теряют «доходные делишки» от прорытия туннеля, из кожи лезут, чтобы провалить этот план и затормозить технический прогресс»¹.

Во главе враждебной тоннелю группы политиков стояли Джозеф Чемберлен, отец нынешнего английского премьера, один из основоположников теории и практики британского империализма, и генерал Уолслей (или Вольслей), свирепый усмиритель ряда национально-освободительных движений, палач колониальных народов.

Чемберлен, Уолслей и уже с ними решились не только защитить кошельки своих друзей, судовладельцев и купцов, но одновременно нажать политический капитал на этом деле. Им было чрезвычайно вы-

годно для прикрытия своей захватнической, империалистической политики разжигать в массах шовинистический угар. «пугать народ в Англии идиотскими сказками о «нашествии»². В своих речах и статьях они изображали Англию, ту самую Англию, которая в это время кровью и железом сколачивала руками Уолслей и иных генералов и адмиралов огромную империю, как совершенно беззащитную, безоружную, слабую страну, защищенную одним лишь «водным рвом». Как только будет прорыт тоннель, пугали они, по нему хлынут в Англию полчища вооруженных до зубов французов и несчастная страна будет завоевана.

В этом натравливании общественного мнения Англии против Франции сказывалось, между прочим, стремление Чемберлена и его единомышленников к сговору с бисмарковской Германией против Франции.

Чемберлен и Уолслей с их многочисленной свитой и стоявшие за их спиной судовладельцы были столь влиятельны, что сменявшиеся у власти правительства консерваторов и либералов в одинаковой мере тормозили осуществление проекта тоннеля. В июле 1882 года, при либерале Гладстоне, когда-то объявившем себя сторонником проекта, департамент торговли приказал «Подводной компании» приостановить всякие работы. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что министром торговли в кабинете вышеупомянутого лидера либералов был не кто иной... как Джозеф Чемберлен!

Дело было перенесено «Подводной компанией» в парламент. Последний ограничился тем, что назначил особый соединенный комитет обеих палат, который в начале 1883 года повел бюрократическими методами «расследование». Оно закончилось собранием различных «свидетельских показаний» и памятных записок. Чемберлен сделал свое дело. Наступила очередь генерала Уолслея, этого «национального героя», прославившегося своей деятельностью по подавлению освободительных движений во всех концах Британской империи: в Индии, Канале, Судане, Южной Африке. В комитет был специально направлен подготовленный еще задолго до этого «меморандум» против тоннеля.

«Сэр Гарнет Уолслей, кавалер большого ордена Бани и большого ордена св. Михаила и св. Георгия», как значилось в подзаголовке «меморандума», яростно нападал на проект. «Предложение провести тоннель под Ламаншем, — восклицает генерал и кавалер, — может быть, по-моему, определено как мера, стремящаяся к уничтожению

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 622.

² Там же.

всех преимуществ, которыми мы до сих пор пользовались»¹.

С утомительным пустословием повторял все ту же мысль о «водном рве», окружающем безоружную Англию в качестве единственной защиты от «огдетиившейся штыками» Европы с ее огромными армиями, Уолслей закручивал комитет картинками того, как однажды ночью группа французских военных, перелетев в штатское, высаживается из тоннеля в Дувре (английский город на берегу Па-де-Кале, в месте предполагаемого входа в тоннель), захватывает Дуврский форт, телеграф и все устройства, ведающие затоплением тоннеля, и открывает путь вооруженной до зубов армии французов в 150 тысяч человек. Все это писалось на радость германскому генеральному штабу, готовившемуся на самом деле напасть на Францию.

При всем своем ожесточении Уолслей не решился «доказывать» в «меморандуме» техническую неосуществимость проекта.

Под напором подобных «меморандумов», враждебных речей в парламенте и махинаций Чемберлена в правительстве Гладстона правительственный комитет 6 голосами против 4 отверг проект, несмотря на то, что большинство «свидетельских показаний» было за проект.

Французская компания, убедившись, что английская часть тоннеля построена не будет, немедленно прекратила работы, сокращаясь лишь по поводу напрасно затраченных 2 миллионов франков. Ротшильд и Северная железнодорожная компания не стали больше тратить денег на это дело.

2

С этого времени обе компании стали влачить призрачное существование. Английская «Подводная компания» преобразовалась в «Компанию Ламаншского тоннеля» (в 1887 году). Капитал ее сократился втрое. Директора этой компании часто сменялись. Почти каждый год (с 1883 до 1906) очередной директор безрезультатно ставил в парламенте вопрос о тоннеле. Так например в 1890 году директор компании Уоткин привлек внимание «достопочтенных джентльменов», членов парламента, к проекту. И снова правительство (на этот раз консервативное) встретило проект в штыки. Довольно жалкую речь в защиту тоннеля произнес старик Гладстон. Он вынужден был признать, что в свое время его правительство из-за «систематической обструкции» консерваторов погубило проект и что в то время Джозеф Чемберлен «выражал мнение правительства». Гладстон вынужден был отмежеваться от своего бывшего коллеги, «достопочтенного

друга, депутата от Бирмингэма», — Джозефа Чемберлена. «Я стыжусь позиции нашей страны в отношении Франции, — сокрушенно говорил кающийся либерал. — Я признаю, что мы спустились на несколько ступеней к варварству в этом вопросе». Однако, даже будучи в оппозиции, Гладстон — «патриарх либерализма» — боялся, как бы его не причислили к активным сторонникам тоннеля, и трусливо добавлял: «строительство тоннеля нам не очень к спеху», «благополучие нашей страны не зависит от тоннеля», «мы охотно согласимся подождать» и т. д.

Речь Гладстона чрезвычайно типична для позиции либеральных кругов английской буржуазии в целом. Пока она «охотливо ждала» и смотрела сквозь пальцы на подлинно варварскую, шовинистическую пропаганду милитаристов и судовладельцев, последние делали свое дело к удовольствию Германии.

В 1906 году уже другой директор, барон д'Эрланже, окрыленный надеждами на успех ввиду прихода к власти либерального правительства Кембел-Баннермана, последователя умершего Гладстона, вновь воишал вопрос о тоннеле в парламенте. Правительство Кембел-Баннермана так же канитулировало перед консервативной оппозицией, как в свое время канитулировало правительство Гладстона.

В 1913 году, когда премьером стал известный либерал Асквит, дело с тоннелем снова возобновилось. За истекшие годы техника строительства тоннелей шагнула далеко вперед. Были окончены 20-километровый горный Симплонский тоннель (1906 год), 15-километровый горный Лембергский тоннель (1912 год) и ряд подводных тоннелей под реками Северном и Мерсеем в Англии, под рекой Гудзоном в Нью-Йорке и т. д.

Сомнения в технической осуществимости проекта, если они были у кого-нибудь в 80-х годах, теперь окончательно отпали. Отношения между Францией и Англией, обостренные в 80—90-х годах колониальным соперничеством, теперь не оставляли желать лучшего. Оба государства входили в Антанту и стремились всячески упрочить взаимные связи перед лицом надвигавшейся угрозы первой империалистической войны, в которой обоим государствам предстояло столкнуться с общим врагом, с германским империализмом.

Наконец, казалось, должен был отпасть главный аргумент врагов проекта. В 1909 году француз Блерио перелетел Ламанш, а к 1913 году строительство самолетов и дирижаблей достигло такого уровня развития, что «водный ров» генерала Уолслея стало возможно перелететь за четверть часа, а потом и менее того. Вместе с этим при-

¹ Channel Tunnel, p. 48.

шел конец и островной изолированности Англии. Вскоре германские налеты на Лондон доказали с полной очевидностью, что значение «второго рва» исчезло. Кажется, что разговоры о том, что тоннель может ухудшить военное положение Англии, должны были совершенно отпасть.

Еще в 1909 году, вскоре после перелета Блерио, в парламенте образовался добровольный комитет содействия Ламаннскому тоннелю во главе с А. Феллом. В него вошли все лейбористы, много либералов и отдельные консерваторы. В августе 1913 года делегация этого комитета посетила премьер-министра Асквита и изложила все аргументы в пользу тоннеля, особенно упирая на то, что в случае возможной войны (подразумевалось с Германией) союзная Франция сможет по тоннелю снабжать Англию продуктами питания и военными материалами.

Впоследствии опыт первой империалистической войны, в частности беспощадная подводная война, проводившаяся Германией против английского флота, показал правильность этих соображений. Но либерал Асквит отвечал уклончиво. Он напомнил, что проект тоннеля поднимался на протяжении 25 лет почти каждый год и неизменно отвергался всеми правительствами. Вместо того чтобы поспешить с разрешением столь затянувшегося вопроса, Асквит сделал противоположный вывод: раз проект имеет столь большую историю, его нужно еще раз «изучить». Словом, он «охотно соглашался подождать», говоря словами покойного Гладстона.

Сторонники тоннеля в Англии начали широкую общественную агитацию. Подняли голос и представители французской компании по строительству тоннеля. Большую статью в пользу тоннеля опубликовал в одном журнале участник этой компании, главный директор Северной железнодорожной компании инженер Сартьо. Касаясь вопроса технической осуществимости проекта, Сартьо отмечал благоприятное геологическое строение дна Ламаннского пролива. Тоннель должен быть полностью проложен в меловом слое. «Мел достаточно мягок для обработки, достаточно стоек, чтобы не обрушиваться, и содержащаяся в нем глина делает его водонепроницаемым. Нельзя представить себе лучшего сочетания качеств грунта для прорыва тоннеля.— писал Сартьо.— Проблема проведения тоннеля заключается в том, чтобы начиная от береговых утесов Блан-Пэ (место выхода французской части тоннеля.— В. В.) и Дувра (место выхода английской части тоннеля.— В. В.), от пунктов, расположенных на открытом воздухе, выше уровня моря, там, где выходит на поверхность слой водонепроницаемого серого ме-

ла, следовать за этим слоем в соответствии с его уклонами и различными складками. Вся проблема состоит в том, чтобы не выйти из этого слоя, держась на достаточном расстоянии от его как нижней, так и верхней границы»¹.

По мнению Сартьо, эта проблема, технически трудная в 80-х годах, вполне разрешима в 1913 году, так как применение электротяги в будущем тоннеле давало возможность допуска значительных уклонов пути, вызываемых складками мелового слоя. В английских источниках техническая сторона будущего строительства описывалась также весьма детально. Следует отметить, что технический проект 1913 года почти не потерял изменений и после войны.

Общая длина тоннеля с подходами к нему должна была составить около 50 километров, т. е. в 2½ раза больше чем длина Спимлонского тоннеля. Однако, как подчеркивали Сартьо и другие инженеры, проходка была бы несравненно более легкой чем в горных тоннелях ввиду мягкости мелового грунта и его водонепроницаемости. Длина подводной части тоннеля намечалась в 38,6 километра. Глубина залегания должна была составить в средней части 79 метров ниже уровня моря, а под дном пролива — от 29 до 52 метров. Тоннель предполагалось провести в виде двух параллельных галерей, имеющих 6,5 метра в диаметре и заключающих по одной железнодорожной колее со всеми необходимыми устройствами. Предусматривалось соединение обеих труб частыми поперечными галереями, а также дополнительными рабочими галереями с вентиляционными устройствами. Вентиляция должна была осуществляться мощными аппаратами новейшей конструкции. Особое внимание уделялось вопросам борьбы с прорывами воды. Ниже тоннеля должна была располагаться дренажная труба большого диаметра. Строительство предполагалось вести 7 лет (с 1913 по 1920 год). Стоимость строительства тоннеля оценивалась всего в 16 миллионов фунтов стерлингов (150 миллионов рублей золотом), т. е. затраты для каждой страны должны были составить 8 миллионов фунтов стерлингов. «Денег у капиталистов Англии и Франции — горы. Прибыль на капитал, вложенный в это дело, обеспечена безусловно», — подчеркивал Ленин².

Однако правительство Асквита под давлением тех же групп, враждебных строительству, и на этот раз затормозило рассмотрение проекта. А затем разразилась

¹ «Revue des deux mondes». Т. XVII, р. 557—561. 1913.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 622.

первая империалистическая мировая война. Вопрос о туннеле был временно снят с повестки дня.

«Если бы Ламаншский туннель был построен. — заявил в 1922 году французский главнокомандующий маршал Фош, — он может быть, предотвратил бы войну (так как Германия не решилась бы выступить. — В. В.) или, во всяком случае, сократил бы наполовину ее продолжительность»¹.

3

27 июня 1924 года, вскоре после прихода к власти «рабочего правительства» Макдональда, директор комитета Ламаншского туннеля сэр Булл во главе делегации, представляющей, по его словам, 400 членов парламента (в 1913 году их было лишь 90), посетил Макдональда. В числе членов делегации был единственный еще не умерший от старости участник первой борьбы вокруг туннеля в 1881 году².

Делегация убеждала Макдональда так же, как ее предшественники пытались убедить Дизраэли, Гладстона и Асквита. Делегация подчеркивала, что «Британния — более не остров», и особенно упрала на то, что на работах в туннеле можно будет занять не менее чем 12 тысяч безработных Англии и Франции на пятилетний срок. Учитывая послевоенный рост цен, стоимость сооружения определялась теперь в 29 миллионов фунтов стерлингов, т. е. на каждую страну приходилось менее чем 15 миллионов фунтов стерлингов.

Но почтенный лейбористский премьер оказался трусливее всех своих либеральных и консервативных предшественников. Он не решился единолично вынести какое-либо решение и устроил совещание... бывших премьеров, в свое время усердно хоронивших проект совместно с имперским комитетом обороны.

Между тем враги проекта сразу же подняли голову. Рупором их, как и следовало ожидать, выступила реакционная газета «Таймс». В статье под прозаическим названием «Ламаншский туннель?» эта газета вновь повторяла затасканные, имеющие сорокалетнюю давность «аргументы» Уоллея и Чемберлена. Теперь уже, по мнению «Таймс», не требовалось захвата Дуврского форта группой переодетых личосцев, так как можно было парализовать оборонительные средства Дуврского форта воздушной бомбардировкой с французского берега. Таким образом, по мнению твердотобого сотрудника «Таймс», при этом не повреждался самый туннель, по которому

должна была перебраться из Франции враждебная армия, совершенно непонятно³. «Таймс» утверждала, что через туннель иностранцам будет легче конкурировать с английскими товарами, что усилит безработицу в Англии.

Обсуждения вопроса о туннеле на совещании премьеров и «военных авторитетов» носило издевательский характер. Оно продолжалось всего 40 минут. Решение было принято отрицательное. Оправдываясь в парламенте еще более жалким образом, чем когда-то Гладстон, Макдональд боязливо пролепетал нечто о своей «склонности в пользу Ламаншского туннеля», которое, мол, заставляло его вслестски идти навстречу проекту, а затем повторил все аргументы его врагов. Заявление лейбориста Макдональда о том, что «единственным результатом будет постепенное исчезновение трансламаншской парохолной службы», т. е. откровенная солидаризация его с судовладельцами (на что не решалось даже откровенные реакционеры), вызвало злорадный смех на скамьях правых. Повторяя выдумки милитаристов, Макдональд говорил, что все развитие военной техники за последние годы будто бы «делает из Ламаншского туннеля опаснейший элемент». Когда защитник туннеля Булл потребовал назначения специального комитета по вопросу о туннеле (как в 1883 году) реакционеры ответили с места криками: «Нет, нет!»⁴.

Дело о строительстве туннеля было вновь сорвано. Даже некоторые более дальновидные консерваторы были возмущены таким поворотом событий. Известный консервативный деятель Уистон Черчилль, выступая в газете «Уикли диспатч» по поводу этого решения, принятого явно против воли парламента (где сторонники строительства туннеля внове превышали число противников), писал с насмешкой: «Нет никаких сомнений в быстроте (вынесения этого решения. — В. В.). Вопрос в том, было ли оно правильным или неправильным. Я не колеблясь заявляю, что оно неправильно»⁵. Однако и после 1924 года все попытки вновь поднять этот вопрос кончались неудачей. Благодаря капитализму «цивилизогавные народы загнали себя в положение варваров»⁶. Туннель под Ламаншем остался неосуществимой мечтой для ряда поколений английских инженеров и общественных деятелей.

Сейчас Англия перед лицом растущей агрессии германского фашизма, непомерные аппетиты которого поощряются английскими консервативными дипломатами,

³ Там же. July I, p. 17.

⁴ «The Times», p. 9. July 9. 1924.

⁵ «Encyclopaedia Britannica», V, p. 233.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 622.

¹ «Encyclopaedia Britannica», V, p. 233. 1929.

² См. «The Times», p. 11. June 27. 1927.

больше чем когда-либо нуждается в наличии путей сообщения с Францией, защищенных от подводного флота и в значительной степени от воздушных нападений. Но она пожинает в этом, как и во многом другом, плоды своей многолетней империалистической политики. Империалистическая политика явилась препятствием для разрешения технически вполне осуществимой задачи.

История проекта тоннеля под Ламаншем ярко отражает характерные черты империалистической эпохи, когда все большие предприятия, имеющие важное экономическое и культурное значение, рассматриваются прежде всего с точки зрения военно-стратегической. Вместе с тем история проекта тоннеля характеризует остроту противоречия между производительными силами и производственными отношениями, отношениями капиталистической частной собственности на стадии империализма. Строительство Панамского канала, имевшее место в те же десятилетия, строительство, на котором было загублено много тысяч рабочих по вине жуликов-руководителей, дает ясное представление о том, как протекало бы строительство под Ламаншем, если бы даже оно не было провалено с самого начала.

«Цивилизация, свобода и богатство при капитализме, — пишет Ленин в конце своей статьи, — вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо»¹.

«...производственные отношения, — говорится в *Истории ВКП(б)*, — не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ним в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил»².

«...капиталистические производственные отношения, — говорится далее в *Истории ВКП(б)*, — перестали соответствовать со-

стоянию производительных сил общества и стали в непримиримое противоречие с ними.

Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью»³.

Строительные задачи подобного размаха в Англии и Франции осуществит лишь победоносная социалистическая революция, которая вырвет власть из рук кучки «цивилизованных варваров», как их называл Ленин, и установит в этих странах диктатуру пролетариата. Социализм, победивший в СССР, ярко показывает, как экспроприация экспроприаторов и установление общественной собственности на средства производства устраняют препятствия к разрешению самых грандиозных задач строительства. Известно, например, что вопрос о превращении Днепра в судоходную реку был поставлен еще при Екатерине II. Несмотря на мизерность всех выдвигавшихся на протяжении полутора столет по этому вопросу проектов, по сравнению с величественным советским проектом Днепрогэса, ни один из проектов вплоть до самой Великой социалистической революции не мог быть осуществлен ввиду хищнических аппетитов местных земельных собственников (не говоря уже о технической отсталости царизма) и пролажности чиновников и инженеров. При советской власти был создан Днепрогэс — первенец сталинской пятилетки, одно из грандиознейших сооружений нашей эпохи. Невиданными при капитализме темпами построены такие гигантские сооружения, как Беломорканал и Волга—Москва. Если Панамский канал длиной в 81 км строился с перерывами тридцать лет, то канал Волга—Москва, протяжением в 128 км с объемом работ примерно таким же, как на Панамском канале, строился 4 года 8 месяцев! А ведь это только начало в ряде предстоящих небывалых в истории сооружений страны победившего социализма.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 623.

² «История ВКП(б)», стр. 117.

³ Там же, стр. 121.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА И СТАЧКА ГОРНЯКОВ В АНГЛИИ В 1926 ГОДУ

1

Всеобщая стачка и стачка горняков в Англии в 1926 году явились большими событиями в послевоенной истории мирового революционного движения. После того как западноевропейской буржуазии при непосредственной помощи социал-демократии удалось нанести ряд поражений пролетариату в боях первого периода общего кризиса капиталистической системы, капитализм вступил в стадию временной стабилизации.

Мировое экономическое развитие и ход мирового революционного движения в период частичной стабилизации капитализма целиком подтверждали выводы товарища Сталина о характере и перспективах этой стабилизации. «...Решение Коммунистического Интернационала о временном и непрочном характере стабилизации,— говорил товарищ Сталин,— является совершенно правильным»¹.

Английская всеобщая стачка еще раз показала ложность утверждений вождей Интернационала о невозможности всеобщей стачки и подтвердила правильность ленинско-сталинских положений о том, что она является могучим оружием в арсенале революционной борьбы рабочего класса. Всеобщая стачка 1926 года приобрела особое значение еще и потому, что она произошла в стране классического тред-юнионизма. Благодаря всеобщей стачке Англия, из всех стран Европы в этот период, была наиболее близка к революционной ситуации.

«Всеобщая стачка повела английской пролетариат к проблеме власти»².

Война 1914—1918 годов не принесла английским империалистам полного осуществления их планов. Вместо побежденного германского империализма, претендовавшего на мировое господство, на мировую

арену в качестве нового, еще более сильного конкурента Англии выступили США. Борьба с новым соперником усложнялась еще тем, что Франция претендовала на гегемонию в Европе, а Япония — на господство на Дальнем Востоке. Доминионы и колонии Англии, успешные за время войны развить свою промышленность, конкурировали с Англией не только на рынках Великобритании, но и пытались укрепить свои позиции на мировом рынке. Да и временно ослабленный версальской системой германский империализм посредством бесчеловечной эксплуатации германских трудящихся снова начинал давать о себе знать на мировом рынке в роли конкурента Англии. Благодаря своей технической и организационной отсталости по сравнению с Германией и Америкой английский империализм становился все менее конкурентоспособным.

«...в области промышленности Англия шла после войны назад, а не вперед»³.

Уменьшение доли Англии в мировом производстве и постепенное вытеснение ее с мирового рынка имели своим результатом уменьшение сверхприбылей британской буржуазии и вместе с этим сокращение той ее доли, которая перепадала верхушке английской рабочей аристократии и в виде подкупа — оппортунистическим лидерам английского рабочего движения. Английская буржуазия пошла по линии снижения себестоимости продукции за счет заработной платы рабочих.

Угольная промышленность занимала важное место в экономике Англии. В ней было занято около 1,5 миллиона рабочих, а если учесть число членов их семей, то 8,5% населения Великобритании получало средства к существованию от угольной промышленности. Экспорт угля составлял около 10% всего английского вывоза, являясь, таким образом, одним из основных факторов, обуславливающих экономическое могущество Англии. Хроническая депрессия экономики Англии проявлялась в угольной промышленности в наиболее острой форме. Английский уголь, который в течение десятилетий занимал монопольное положение на мировом рынке, все больше вытеснялся углем других стран и новыми видами топлива. Экспорт угля в 1913 году составлял 88 миллионов тонн, а в 1925 году — 69 миллионов тонн. В угольной промышленности, являвшейся одной из старейших отраслей английской промышленности, наиболее сильно давала себя знать техническая и организационная отсталость.

Горняки являлись боевым авангардом английского рабочего класса. «Английский

³ Резолюция III конгресса Коммунистического Интернационала.

¹ Н. В. Сталин «Доклад об английской забастовке и событиях в Польше», «Правда» от 16 июня 1926 года.

² Тезисы НККМ об уроках всеобщей английской стачки. Журнал «Коммунистический Интернационал» № 5—6 за 1926 год.

капитал,— отмечает товарищ Сталин,— напал на углекопа не только потому, что угольная промышленность плохо оборудована в техническом отношении и нуждается в «рационализации», но прежде всего потому, что углекопы были всегда и остаются до сих пор передовым отрядом английского пролетариата. Обуздать этот передовой отряд, снизить зарплату и уменьшить рабочий день для того, чтобы расправиться с этим основным отрядом, потом подтянуть и другие отряды рабочего класса — вот каковы были стратегия английского капитала»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на рост международного революционного движения рабочего класса. Все послевоенное английское рабочее движение носит на себе отпечаток этого влияния. Советы как форма революционной диктатуры рабочего класса несмотря на все попытки их дискредитации стали популярны в Англии сейчас же после войны. Достаточно напомнить о лидерской конференции рабочих организаций в конце 1917 года, которая огромным большинством голосов вынесла постановление о необходимости повсеместной организации советов рабочих и солдатских депутатов. Национализация промышленности и шахт была еще в 1917 году требованием огромных масс английского пролетариата и в первую очередь горняков.

Но благодаря предательству лейбористских лидеров, которые поддержали ловкий маневр английской буржуазии и ее политику мелких уступок рабочему классу, буржуазии удалось не только удержать власть в своих руках, но и перейти в наступление против рабочего класса.

В 1921 году шахтовладельцы предъявили рабочим требование принять порайонное сокращение заработной платы, что для многих районов означало снижение ее до 30%.

1 апреля 1921 года начался локаут в угольной промышленности. Горняки рассчитывали, что союзы транспортников и железнодорожников в соответствии с условиями договора «Тройственного союза»² поддержат их. Но 15 апреля 1921

¹ И. В. Сталин «Доклад об английской забастовке и событиях в Польше». «Правда» от 16 июня 1926 года.

² «Тройственный союз», или «Тройственный союз согласно труда», в состав которого входили: федерация углекопов, великобританский национальный союз железнодорожников, национальная федерация транспортных рабочих — моряков, водников и рабочих транспорта, — был образован в 1915 году. Это объединение ставило своей целью оказывать взаимную поддержку в борьбе с буржуазией.

года, в пятницу, лидеры этих союзов Роберт Вильямс, Томас и Гендерсон отказались поддержать горняков. Этот день в истории английского рабочего движения был назван рабочими «черной пятницей». 1200 тысяч горняков боролись в течение 13 недель и потерпели поражение.

После поражения горняков английская буржуазия переходит в наступление на рабочий класс и в других отраслях промышленности. Она готовится к общему генеральному наступлению с целью отвязать у рабочих все завоевания, которые они приобрели в период послевоенного революционного подъема.

Для осуществления этой задачи английские капиталисты пытаются изолировать рабочий класс Англии от влияния Советского Союза. Они всячески обостряют отношения с Советским Союзом. Уже в мае 1923 года английское правительство порвало дипломатические отношения с Советским Союзом (ультиматум Керзона) и развило активную деятельность по сколачиванию блока государств для подготовки интервенции против СССР.

Большую роль в подготовке наступления буржуазии на рабочий класс сыграло первое «рабочее» правительство во главе с Макдональдом, пришедшее к власти в январе 1924 года. Оно продолжало политику консервативного правительства Болдуина и несмотря на вынужденное формальное признание СССР саботировало установленные нормальные дипломатические отношения с ним.

Генсовет тредюнионов и исполком «рабочей партии» поддерживали правительство Макдональда. В широких массах рабочего класса росло недовольство оппортунистическим поведением вождей профсоюзов. В августе 1924 года внутри тредюнионов оформилось оппозиционное движение, известное под названием «движения меньшинства профсоюзов». На первой конференции движения меньшинства присутствовал 271 делегат от местных организаций тредюнионов, представлявших 200 тысяч членов союза.

В своих решениях конференция разоблачала перед массами политику Макдональда как продолжение политики Болдуина. Конференция отчетливо сформулировала стоявшие перед движением меньшинства задачи. Конечной целью движения провозглашалось свержение капитализма и установление социалистического строя. В качестве средства для осуществления этой задачи выдвигались создание единого фронта рабочих против эксплуататоров и борьба за единство международного профдвижения.

Движение меньшинства профсоюзов ставило перед собой задачу — уничтожить пережитки старого тредюнионизма: «ап-

литичность», замкнутость, цеховщину и раздробленность профсоюзов.

Одновременно с борьбой за единство рабочего класса внутри страны рабочие требовали установления международного единства и в первую очередь — создания единства между советскими профсоюзами и английскими тредюнионами.

Движение меньшинства было поддержано широкими рабочими массами. Рост революционных настроений в рабочем классе сказался на решениях конгресса тредюнионов в Гулле 1—6 сентября 1924 года, на который были приглашены делегаты от профсоюзов СССР. Гульский конгресс принял так называемую «Хартию индустриального рабочего», в которой выставлены требования передачи в общественную собственность и под общественный контроль естественных богатств, национализация земли, шахт, железных дорог, 40-часовой рабочей недели, установления минимума заработной платы и ряд требований по социальному обеспечению.

Конгресс поручил генсовету принимать активное участие во всех конфликтах рабочих с предпринимателями, руководить стачечным движением и в случае необходимости призывать рабочий класс Англии к поддержке бастующих. Особенно ярко проявилась на конгрессе глубокая симпатия делегатов к СССР. Всякая положительная оценка, всякая правдивая весть о Советском Союзе встречались на конгрессе бурными овациями. Конгресс уполномочил генсовет предпринять практические шаги к оформлению единства между профсоюзами Англии и СССР.

Попытки правых лидеров опорочить советы и советские профсоюзы не удалось. Буржуазная пресса заговорила о том, что тредюнизм советизируется, а одна из буржуазных газет обвинила гульский съезд в том, что он превратился в «Общество любителей советов».

Перед лицом нового революционного подъема так называемые «левые» лидеры тредюнионов Персель, Хикс и Бромлей под давлением полевевших масс объявили себя сторонниками движения меньшинства.

В действительности же они оказались сторонниками этого движения только на словах, в практической деятельности под влиянием правых лидеров тредюнионов они не только не содействовали осуществлению задач движения меньшинства, но задерживали его развитие.

В октябре 1924 года посредством лжи, клеветы и фальшивых махинаций консерваторы получили большинство на выборах и снова пришли к власти. Вновь сформированное правительство Болдуина ускорило подготовку наступления капиталистов на

жизненный уровень рабочего класса Англии.

Между тем «левые» лидеры генсовета тредюнионов не предпринимали необходимых мер для подготовки и организации сил рабочего класса против готовившегося наступления буржуазии. Они тормозили осуществление единства между английскими и советскими рабочими.

Только 6—8 апреля 1925 года под давлением масс в Лондоне состоялась конференция, на которой присутствовали представители английских тредюнионов и советских профсоюзов. Результатом этой конференции было заключение предварительного соглашения об образовании англо-советского комитета единства. Это решение было впоследствии утверждено ВЦПС и генсоветом. Комитет имел своей целью организацию сопротивления наступлению капитала, консолидацию сил рабочего класса для борьбы против империалистических войн и интервенции против СССР и осуществление единства мирового профдвижения. С огромным воодушевлением встретили рабочие массы в Англии весть о создании англо-советского комитета.

В июле 1925 года шахтовладельцы предъявили рабочим ультиматум об отмене гарантированных минимальных ставок и о возврате к порайонным соглашениям, что означало сокращение заработной платы и увеличение рабочего дня.

30 июля Болдуин в своей речи заявил, что заработная плата будет снижена не только горнякам, но и рабочим других отраслей. 31 июля истек срок ультиматума шахтовладельцев, и в угольной промышленности должен был начаться локаут.

Весь рабочий класс Англии с напряжением следил за развитием событий.

Решающую роль в объединении разрозненных сил различных революционных группировок и оппозиционных течений внутри тредюнионов, которые влились в движение меньшинства, сыграла КПА, ставшая в дальнейшем подлинным руководителем этого движения.

КПА и движение меньшинства профсоюзов внедряли в массы идеи солидарности и необходимости единства действий в поддержке горняков.

Горняки отказались выполнить требования шахтовладельцев. Правительство Болдуина и консервативная партия, во главе которой он являлся, были уверены, что Томас, Геддерсон, Ситрин, Макдональд и прочие лидеры «рабочей партии» и генсовета повторят «черную пятницу» 1921 года. Однако в обстановке всеобщего сочувствия горнякам генсовет не рискнул повторить «черной пятницы» и предложил железнодорожникам и транспортникам обеспе-

чить горнякам поддержку в случае объявления шахтовладельцами локаута.

Мощное сопротивление рабочего класса застигло буржуазию врасплох. Да и международное положение складывалось не в пользу английской буржуазии. Расстрел 30 мая 1925 года английской полицией рабочей демонстрации в Шанхае вызвал подъем национально-освободительного движения китайского народа против английского и международного империализма.

Перед угрозой внутренних и внешних осложнений правительство Болдуина и шахтовладельцы вынуждены были отступить и отказаться от ультиматума, предъявленного горнякам. В историю английского рабочего движения этот знаменательный день (пятница 31 июля 1925 года) вошел под именем «красной пятницы», как его прозвали рабочие.

Правительство отпустило шахтовладельцам субсидию на 9 месяцев в сумме 21 миллиона фунтов стерлингов, якобы для поддержания заработной платы горняков на прежнем уровне; в действительности же этими деньгами субсидировалась подготовка предпринимателей к решительной борьбе с английским рабочим классом в целом. «Основная стратегическая линия буржуазии определилась как курс на то, чтобы выиграть время, перестроить ряды и принять бой в целях разгрома главных позиций рабочего класса»¹.

2

После «красной пятницы» правительство Болдуина и предприниматели начали усиленно готовиться к наступлению. Были приняты меры военно-полицейского характера. Англия была разделена на округа. Комиссары округов были наделены чрезвычайными полномочиями. Железные дороги, печать, телеграф, радио, телефон были подготовлены к милитаризации. Были заготовлены продовольствие и топливо. Силы армии, морского и воздушного флота были стратегически распределены по районам. 3 сентября 1925 года правительством была создана комиссия Самуэля из представителей предпринимателей и банкиров, которой было поручено обосновать необходимость снижения заработной платы горнякам. Буржуазная печать разvila клеветническую кампанию с целью подготовить общественное мнение к новому наступлению капитала на рабочий класс и посеять разногласия в рядах пролетариата. В то же время буржуазная и лейбористская печать про-

славляла Болдуина как «наиклассового посредника».

Правые лидеры генсовета усиляли рабочих, утверждая, что шахтовладельцы не рискнут начать новое наступление. Они срывали подготовку рабочего класса к предстоящим боям, доказывая, что не надо озлоблять правительство и предпринимателей и давать им тем самым повод для наступления. «Левые» лидеры Персель, Хикс, Бромлей и др. фактически плелись в хвосте правых.

Только коммунистическая партия Англии и находящееся под ее влиянием движение меньшинства стремились установить единство действий рабочего класса и подготовить всеобщую стачку. КМА считала «красную пятницу» далеко не окончательной победой, а лишь отсрочкой, передышкой перед генеральным сражением и призывала рабочий класс Англии к мобилизации сил и подготовке к решительному отпору капиталистам.

В августе 1925 года была созвана конференция движения меньшинства, делегаты которой представляли 750 тысяч рабочих. Конференция выдвинула требование о создании фабрично-заводских комитетов в качестве боевых пролетарских органов на предприятиях. Все решения конференции были направлены на мобилизацию и подготовку рабочего класса к предстоящим боям. В этот решающий период подготовки к всеобщей стачке «левые» лидеры Хикс, Персель и др. продолжали вести трусливую политику и оказались на деле такими же предателями интересов рабочего класса, как и правые лидеры.

57-й конгресс тредюнионов в Скарборо открылся 7 сентября 1925 года. На нем присутствовало 724 делегата, среди которых было 46 коммунистов. Влияние КМА и движения меньшинства очень сильно сказалось на решениях конгресса.

Конгресс принял резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость «поддерживать права всех народов Британской империи на самоопределение вплоть до права отделения от метрополии». За все время существования английских тредюнионов такое решение было принято впервые.

По вопросу о задачах профсоюзов конгресс постановил: «Профессиональное движение должно вести организационную подготовку борьбы совместно с партией рабочих за свержение капитализма». Это решение, по существу, означало отказ от традиционного тредюнионизма.

Кроме того конгрессом было принято чрезвычайно важное решение о необходимости дальнейшей борьбы за международное единство.

Лидеры английского тредюнионизма опасаясь потерять свои руководящие по-

¹ Тезисы ИККИ об уроках всеобщей английской стачки. Журнал «Коммунистический Интернационал» № 5—6 за 1926 год.

сты, вынуждены были голосовать за эти решения.

Английская буржуазная печать обвинила конгресс в национальной измене. Особенное озлобление буржуазии вызвало решение конгресса о праве наций на самоопределение. Правительство Болдуина продолжало усиленно готовиться к репрессиям против рабочего движения. 24 сентября 1925 года было опубликовано решение о создании специальной организации для «поддержания снабжения населения». В эту питрейкбрехерскую организацию вербовались фашистские реакционные элементы, которые должны были спровоцировать рабочих на выступление и подготовить срыв забастовки.

Коммунистическая партия, которая несмотря на ее малочисленность энергично готовила рабочий класс к предстоящим боям, подвергалась бешеной травле со стороны буржуазной прессы.

В этом буржуазии энергично помогала так называемая «рабочая партия». Ливерпульская конференция «рабочей партии», состоявшаяся 29 сентября 1925 года, приняла резолюцию о недопущении коммунистов в «рабочую партию», т. е. высказалась за поддержание раскола в рабочем классе.

«Левые» лидеры, формально поддерживавшие на конгрессе в Скарборо коммунистические лозунги и даже объявившие себя сторонниками единства действий с коммунистами, не сочли нужным выступить на конференции в защиту предложения о принятии коммунистов в «рабочую партию».

Вскоре правительство Болдуина начало поход против КПА. 15 октября, через две недели после ливерпульской конференции, полиция, по распоряжению правительства, совершила налет на помещение ЦК КПА и комсомола, арестовала 12 наиболее видных работников компартии и предала их суду по обвинению в призыве к мятежу.

Налет, которым руководил министр внутренних дел Хикс, был совершен с целью получить материал, дискредитирующий деятельность КПА как «агента Москвы», и воспользоваться этим материалом для разгрома КПА и подрыва влияния СССР на широчайшие круги английского пролетариата. Однако никаких дискредитирующих документов правительство, разумеется, не нашло, а полиция не успела сфабриковать фальшивки. Тем не менее пропаганда коммунизма была объявлена Хиксом незаконной, и КПА вынуждена была перейти на полуполегалное положение.

Одновременно правительство Болдуина усиливает кампанию против СССР. 16 октября 1925 года закончилась конференция держав: Англии, Франции, Италии и Германии — в Локарно, прошедшая под ру-

ководством Англии. Острые соглашения, заключенных на конференции, было направлено против СССР.

К апрелю 1926 года правительство и буржуазия уже были готовы к решительной атаке против горняков и всего рабочего класса Англии в целом.

3

10 марта 1926 года был опубликован отчет комиссии Самуэля. Комиссия предлагала снижение заработной платы горняков на 10% и выкуп арендных прав у лендлордов за 100 миллионов фунтов стерлингов. Шахтовладельцам и лендлордам комиссия, таким образом, предложила новые огромные барыши, а рабочим — новые жертвы. Вождь лейбористов Макдональд назвал этот отчет комиссии «триумфом». Вслед за ним Ходжес, председатель интернационала горняков, одобрил отчет и предложил его принять.

Совершенно иную оценку вызвал доклад комиссии в среде рабочих: КПА и движение меньшинства правильно оценили доклад Самуэля как объявление войны горнякам. 21 марта была созвана специальная конференция движения меньшинства, на которой присутствовали представители от 956 тысяч рабочих. Конференция решительно выступила против предложений комиссии Самуэля. Она требовала сохранения договора между шахтовладельцами и горняками в национальном масштабе, гарантирования национального минимума заработной платы горнякам, национализации шахт и недр земли и призывала рабочий класс к поддержке горняков. Она предлагала генсовету созвать специальную конференцию тредюнионов для оказания поддержки горнякам. Конференция призывала рабочий класс к немедленному установлению единства действий всех рабочих организаций, к созданию дружины рабочей обороны и к усиленной пропаганде среди войск.

17 апреля 1926 года шахтовладельцы вывели объявление о локауте с 1 мая (30 апреля истекал срок субсидии). 30 апреля они потребовали уничтожения общенационального тарифа, понижения национального минимума заработной платы и увеличения рабочего дня с 7 до 8 часов.

КПА отвечает на это призывом к всеобщей стачке для поддержки горнорабочих, к немедленной организации комитетов действия, к созданию дружины самообороны, к привлечению органов рабочей кооперации к оказанию помощи рабочим при проведении всеобщей стачки.

Тактика задугования и натравливания на горняков рабочих других отраслей промышленности не помогла буржуазии. Призывы КПА и движения меньшинства на-

ходили живой отклик в широчайших массах английского пролетариата.

Томас, Макдональд и другие правые лидеры были не в силах предотвратить назревавшую всеобщую стачку; оставаясь верными агентами буржуазии, они решили возглавить всеобщую стачку с тем, чтобы ее сорвать. Еще до объявления стачки между генсоветом и правительством велись непрерывные переговоры. Правительство было в курсе всех предпринимавшихся тредюнионами мероприятий и хорошо знало о настроениях рабочих. Благодаря этой в конечном итоге шпионской деятельности генсовета правительство могло уверенно расставлять свои военные и штрейкбрехерские силы.

1 мая состоялась конференция тредюнионов, которая 3 653 529 голосами против 49 911 голосов постановила начать с 3 на 4 мая всеобщую стачку солидарности и поддержки горняков. Уже самое голосование показывало, какое боевое настроение господствовало в рабочем классе в это время.

Генеральный совет с самого начала предлагал все усилия к тому, чтобы ограничить размах всеобщей стачки.

План проведения стачки распространялся только на союзы, примыкавшие к генеральному совету, т. е. на 4 миллиона 300 тысяч человек из 14,5 миллиона рабочих Англии. Генеральный совет даже не попытался войти в контакт с огромной массой рабочих, не примыкавших к совету.

В план проведения всеобщей стачки генсоветом была включена директива о мерах против «лиц, подстрекающих рабочих к нападению на собственность».

2 мая несмотря на принятие решения о всеобщей стачке генсовет снова начал переговоры с Болдуином.

В тот же день КПА обратилась к рабочим с воззванием, в котором разоблачала поведение правого крыла руководства генсовета и «рабочей партии». Она требовала: «Ни пенса из заработной платы, ни секунды к рабочему времени!», «Совет действий в каждом городе», «Каждый рабочий — на поддержку шахтеров!»

3 мая правительство прервало переговоры с генсоветом под тем предлогом, что всеобщая стачка уже провозглашена и что печатники отказались печатать черносотенную газету «Дейли мейль», требуя снять клеветническую передовицу, направленную против рабочих и тредюнионов.

С 3 на 4 мая началась всеобщая стачка.

4 мая забастовка распространилась на все основные отрасли промышленности и транспорт. Только 4,5 миллиона рабочих прекратили работу, а «владычица морей» была уже парализована. Правительству

Болдуина несмотря на мобилизацию армии, флота и штрейкбрехеров нечем было заменить бастующих рабочих и поддержать хозяйственную жизнь страны.

Рабочие с большим подъемом вступили в борьбу. Всякое распоряжение генсовета или местных рабочих организаций, направленное на поддержку всеобщей стачки, выполнялось ими немедленно. Рабочие тех отраслей промышленности, которые, по плану генсовета, должны были вступить в забастовку лишь во вторую очередь, выражали готовность вступить в забастовку немедленно. На местах с первого же дня стачки стали создаваться комитеты действия.

На другой день после объявления всеобщей стачки Англия превратилась в военный лагерь. По улицам дефилировали в полной боевой готовности воинские части, полиция, броневики, танки. Почта перевозилась военными аэропланами и военными судами. Радио было целиком переведено на обслуживание правительства, на телеграфе была введена цензура.

Сотни тысяч рабочих, толпившихся на улицах городов и местечек Англии, были готовы отдать свои силы делу борьбы с капиталом. КПА и движение меньшинства организовывали массы для борьбы со штрейкбрехерством и для контроля над снабжением населения продовольствием и топливом. КПА мобилизовывала массы под лозунгами свержения правительства Болдуина, создания рабочего правительства и перехода власти на местах к комитетам действия. Она требовала перехода от обороны к нападению и от экономической по своему характеру стачки к политической борьбе.

Правительство Болдуина мобилизовало все, что только оно могло мобилизовать для борьбы с забастовкой. 6 мая Болдуин выпустил специальное обращение в «Бритиш газетт», в котором он заявлял, что «конституционное правительство подверглось нападению». Он призывал оказать правительству помощь в налаживании работ и обещал обезопасить штрейкбрехеров от репрессий со стороны рабочих и тредюнионов.

Лидеры генсовета заверяли буржуазию и доказывали рабочим, что стачка носит исключительно экономический характер и не направлена против конституции и существующего строя. Генсовет стремился расстроить ряды рабочих. В «Правилах» для бастующих рабочих, опубликованных 6 мая в «Бритиш уоркер», официальном органе генсовета, издававшемся во время всеобщей стачки, бастующим давались такие советы:

«Постарайтесь действовать так, чтобы у всех окружающих была улыбка на лице.

А для достижения этой цели вы должны сами улыбаться.

Делайте все возможное, чтобы не дать ходу идеям паники и беспорядка.

Занимайтесь работой надому. Постарайтесь забавлять и развлекать своих детей теперь, когда в вашем распоряжении имеется для этого время.

Следите за своим здоровьем: ежедневная прогулка, молочно сохранит вам свежесть лица.

Не сидите сложа руки, занимайтесь чем-нибудь. Болтаться по улицам, обмениваясь слухами, нигуда не годится».

С помощью подобного рода правил генсовет пытался свести на-нет революционный порыв, охвативший огромные массы рабочих. Для ограничения размаха всеобщей стачки генсовет проводил ее только под лозунгом поддержки горняков, не выдвигая требований рабочих других отраслей промышленности. Первые два дня стачки показали, что рабочие готовы на длительную борьбу и что эта борьба может принять более острые формы. Рабочие уже в ряде случаев отвечали на действия полиции и штрейкбрехеров насильственной остановкой уличного движения, поездов и т. п.

Внимание трудящихся масс всего мира было приковано к Англии, где развернулись события первостепенного исторического значения.

В первый же день всеобщей стачки Коммунистический Интернационал опубликовал обращение ко всем трудящимся мира с призывом оказать помощь английскому рабочему классу на основе единства действия международного пролетариата.

Под влиянием деятельности коммунистических партий и профсоюзов, примыкающих к Профинтерну, передовые слои рабочего класса всех стран стремились оказать поддержку английским рабочим.

Коммунистический Интернационал и Профинтерн обратились к II интернационалу и Амстердамскому интернационалу профсоюзов с предложением об организации совместной помощи бастующим английским рабочим. Но как тот, так и другой ответили на это предложение отказом и всячески саботировали развертывание кампании по оказанию помощи английским рабочим.

С ослабшим вниманием следили за подготовкой и ходом всеобщей стачки в Англии рабочие и трудящиеся Советского Союза, воспитанные партией Ленина — Сталина в духе пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся. С первых дней стачки трудящиеся Советского Союза начали производить добровольные отчисления в помощь бастующим английским рабочим, ВЦСПС

перевел по телеграфу в распоряжение генсовета первый взнос в сумме 2250 тысяч рублей золотом.

Известие о денежной помощи трудящихся страны социализма еще сильнее укрепило боевое настроение бастующих. Но лидеры генсовета в угоду своим хозяевам, английским капиталистам, отказались от этой помощи и всячески пытались опорочить и дискредитировать ее, нанеся тем самым огромный материальный ущерб бастующим.

8 мая стачка продолжалась с еще большим подъемом. Рабочие требовали расширения борьбы и вовлечения в стачку рабочих тех отраслей, вступление которых предполагалось во вторую очередь. Рабочие электростанций и газовых заводов, которые еще не вступили в стачку, требовали от генсовета санкции на прекращение работ. Но лидеры генсовета принимали все меры к тому, чтобы ослабить боевое настроение бастующих. «Рабочая партия» вместе с генсоветом организовала ряд митингов для «успокоения» рабочих.

В то же самое время правительство, местные власти провоцировали рабочих на столкновения и производили аресты. Правительство добилось через парламент расширения своих полномочий и подготовляло проведение массовых арестов и террора против рабочих.

По призыву КПА и движения меньшинства, рабочие создавали на местах отряды самообороны, выделяли пикетчиков. Все влиятельнее становились комитеты действия на местах, которые вырастали фактически в районные советы, и их деятельность приобретала широкое политическое значение. Во многих местах эти комитеты становились фактически гражданской властью. Они контролировали снабжение населения продовольствием и топливом, организовывали помощь бастующим и их семьям.

Рабочие строили баррикады, вступали в схватки с полицией. В Чэивеле, например, рабочие устроили баррикаду из срубленных деревьев. В Лидсе 3 тысячи рабочих легли на рельсы, чтобы остановить движение поездов со штрейкбрехерами. В Мидленде на улицах были построены баррикады.

В воскресенье 9 мая церковники попытались привлечь бастующих в церкви. Лидеры тредюнионов убеждали рабочих, что духовенство занимает в этой борьбе между капиталом и трудом нейтральную позицию. В действительности церковники своими призывами к примирению старались ослабить революционный подъем масс. Десятки тысяч бастующих рабочих, которые раньше посещали церковь, отказались

идти в нее в этот день и выполняли распоряжения комитетов действия.

10 мая Самуэль начал переговоры с лидерами генерального совета об условиях прекращения стачки. При этом он предусмотрительно заявил, что ведет переговоры только от «своего имени», так как желает играть роль посредника между правительством Болдуина и генсоветом.

На седьмой и восьмой день стачка продолжалась с прежним подъемом. Число бастующих увеличивалось. Ряды стачечников пополнились машиностроительными рабочими и металлстами. Болдуин отдал распоряжение банкам о запрещении выдавать вклады тредюнионам.

В результате всеобщей стачки Англия была почти полностью лишена внешних торговых связей. Почти совершенно прекратился приход торговых судов в Англию, а те, которые прибывали, в большинстве случаев не могли быть разгружены. Накопленные запасы сырья и в особенности продовольствия быстро истощались.

По призыву КПА, в ряде мест рабочими велась пропаганда среди войск и проходило братание рабочих с солдатами. Позиции бастующих усилились. Из различных стран и в первую очередь из СССР приходили известия о кампаниях солидарности с бастующими и о сборах средств, организуемых по призыву КП и его секций. Рабочие СССР с огромным подъемом добровольно отчисляли $\frac{1}{4}$ своего дневного заработка. Портовые рабочие и водники СССР перестали грузить английские суда углем и товарами. В Бельгии, Голландии, Франции, Германии, в скандинавских странах, в Чехословакии революционные слои рабочего класса, находившиеся под влиянием компартий, задерживали и не давали грузить суда, направляющиеся в Англию. Из Индии, Египта и других колоний поступали сведения о сборе средств в пользу бастующих. Эта кампания международной солидарности могла бы иметь значительно больший размах, если бы не саботаж II и Амстердамского интернационалов.

Только на восьмой день английской всеобщей стачки, т. е. 12 мая, на совместном заседании исполкомов II и Амстердамского интернационалов было принято решение «о необходимости улучшить связь с Англией с целью изучения событий».

Генсовет усиленно готовил срыв всеобщей стачки. Вечером 12 мая генсовет на совместном заседании с исполкомом федерации горняков потребовал от последней немедленного прекращения стачки на основе меморандума Самуэля. II «левые» и правые лидеры генсовета единодушно решили, что всеобщая стачка должна быть прекращена немедленно, в противном

случае горняки должны будут продолжать борьбу на свой страх и риск.

12 мая еще можно было констатировать, что силы бастующих не только не ослабевали, но росли. Все сообщения о массовом штрейкбрехерстве были ложны. Эта ложь нужна была генсовету для прикрытия подготовки предательского срыва всеобщей стачки.

КПА, предвидя предательство генсовета, выпустила 12 мая обращение, в котором говорилось: «... в течение последней ночи возникла страшная опасность, чреватая серьезнейшими последствиями для всего движения».

Обращение КПА заканчивалось боевым призывом к рабочим:

«Подтвердите ваши обязательства по отношению к горнякам: никаких сокращений заработной платы, никакого удлинения рабочего времени!»

Помните послание Болдуина: заработная плата во всех отраслях промышленности должна быть сокращена.

Твердо стойте за горняков и за свободу рабочих организаций!»

Но генсовет принял уже, голосами правых и «левых» лидеров решение о прекращении всеобщей стачки и немедленно известил об этом правительство Болдуина и дал директивы на места.

Когда стало известно о капитуляции генсовета и о том, что локаут горняков будет продолжаться и горняки будут вынуждены изолированно продолжать борьбу, миллионы рабочих Англии потребовали продолжения борьбы и выражали свое возмущение тем, что всеобщая стачка была сорвана лидерами без ведома и согласия рабочих масс. Сотни резолюций, принятых на общих собраниях бастующих, с требованием продолжать стачку посылались в генсовет.

13 мая стачка еще продолжалась. Даже по словам Томаса, в этот день бастующих было на 100 тысяч человек больше чем 12 мая. КПА выпустила специальное воззвание, в котором она разоблачала предательство не только правых, но и «левых» лидеров генсовета. «Большинство так называемого левого крыла оказывают не лучшее правое».— говорилось в этом воззвании.

КПА призывала рабочих продолжать забастовку.

Генсовет и лидеры отраслевых тредюнионов стремились дезорганизовать ряды бастующих. Они предложили всем союзам немедленно приступить к работе, каждому союзу рекомендовалось самостоятельно договариваться с предпринимателями. Стараниями генсовета 14 мая всеобщая стачка была сорвана. Горняки, предоставленные

самим себе, отказались капитулировать и продолжали героическую борьбу одни.

Предприниматели, используя капитуляцию и измену генсовета, конечно, и не думали принимать обратно бастующих на условиях, выработанных генсоветом. Они прибегли к репрессиям в отношении активных участников забастовки, не приняв их обратно на работу. Первым заключил соглашение с предпринимателями союз железнодорожников, возглавлявшийся Томасом. Томас предлагал это соглашение в качестве примерного образца для других союзов. В нем говорилось, что «рабочие и служащие, участвовавшие в стачке, будут приниматься только тогда, когда для них будет найдена работа». Но даже и это крайне неопределенное обещание не распространилось «на лиц, виновных в актах насилия или запугивания». Кроме того союз железнодорожников брал на себя обязательство — впредь без предварительных переговоров с железнодорожными компаниями не призывать к забастовке.

Это соглашение вызвало бурю негодования среди железнодорожных рабочих, которые на своих массовых митингах требовали отставки Томаса и его сподвижников. Благодаря капитуляции генсовета пострадали интересы бастующих и в других отраслях промышленности.

Великая битва английского рабочего класса кончилась поражением потому, что «штаб рабочего движения — Генеральный совет профсоюзов, и его «политическая комиссия» — рабочая партия — оказались внутренне деморализованными и разложившимися, а главные люди этого штаба оказались либо прямыми предателями углеродов и всего рабочего класса Англии (Томас Гендерсон, Макдональд и К^о), либо бесхарактерными полутчиками этих предателей, боявшимися борьбы и еще больше победы рабочего класса (Персель, Хикс и проч.)»¹.

КПА занимала правильную, боевую позицию как в подготовке, так и в ходе всеобщей стачки. Но КПА была малочисленна и не могла оказать решающего влияния на организацию и развитие всеобщей стачки.

Гнуснейшую клеветническую позицию заняли в вопросе о всеобщей стачке 1926 года предатели Иуда-Троцкий и Зиновьев. Они возводили на КПА чудовищное обвинение в поражении всеобщей стачки. В то время, когда английская буржуазия при поддержке правых лидеров генсовета начала травлю КПА, вновь готовя массовые аресты и разгром последней, чтобы тем легче было расправиться с продолжа-

ющими бастовать горняками, в это время провокаторы Троцкий и Зиновьев пытались помочь английской реакционной буржуазии подорвать влияние КПА и дискредитировать ее революционную боевую деятельность в глазах широких народных масс.

Товарищ Сталин и Исполком Коммунистического Интернационала разоблачили эту провокаторскую позицию троцкистов-зиновьевцев, заявив, что в период подготовки и проведения всеобщей стачки «компартия была единственной последовательной революционной силой, дававшей правильную линию»².

4

После срыва всеобщей стачки КПА сосредоточила свои силы в угольных районах. Члены КПА активно работали в местных комитетах и своим поведением вдохновляли стачечников. Горняки мужественно продолжали борьбу в течение 7 месяцев, до 19 ноября 1926 года.

Правительство совместно с предпринимателями использовало все средства, чтобы заставить горняков капитулировать. В горняцких районах продолжалось чрезвычайное положение. Запрещались собрания, демонстрации. В июле—августе были произведены многочисленные аресты пикетчиков. Но на места сотен арестованных пикетчиков горняки выставляли тысячи новых. Предприниматели обрушили на рабочих ряд репрессий: выселяли их из квартир, прекратили выдачу пособий, полагавшихся по закону, и т. д. Огромная нужда, голод царили среди горняков и их семей. Генсовет саботировал развертывание кампании, которой добивалась КПА для оказания помощи горнякам.

Рабочий класс Советского Союза оказал действительную помощь горнякам, организовав добровольный сбор средств в пользу голодающих горняков. До 15 ноября 1926 года в распоряжение Федерации горняков было переслано трудящимися СССР 10 540 тысяч рублей золотом.

Борьба горняков осложнялась штрейк-брехерскими поставками в Англию угля из Польши, Германии, Франции, Бельгии и других стран. За время стачки горняков в Англию было ввезено около 20 миллионов тонн угля. Рабочие СССР и здесь оказали помощь английским горнякам, прекратив погрузку и отправку угля в Англию.

Все попытки КИ и Профинтерна добиться соглашения со II интернационалом и Амстердамским интернационалом профсоюзов для оказания помощи борющимся горнякам не увенчались успехом из-за сабо-

¹ И. В. Сталин. Газета «Правда» от 16 июня 1926 года.

² Тезисы ИККИ об уроках всеобщей английской стачки. Журнал «Коммунистический Интернационал» № 5—6 за 1926 год.

тирования этих мероприятий вождями обоих интернационалов. Только секции КИ и профсоюзы, входящие в Профинтерн, проводили сбор средств и препятствовали вывозу штрейкбрехерского угля в Англию.

Лишь после долгих и настойчивых требований со стороны советских профсоюзов 30 июля в Париже был, наконец, созван англо-советский комитет. На неоднократные категорические требования советской делегации поставить вопрос о немедленной помощи горнякам генсоветчики отвечали отказом. Когда английская делегация после упорного сопротивления вынуждена была согласиться на обсуждение вопроса о помощи горнякам, она это сделала лишь для того, чтобы в процессе дискуссии саботировать и срывать предложения советской делегации.

Из-за саботажа генсоветчиков решение о помощи горнякам не было принято.

Вся политика генсовета была направлена к тому, чтобы покончить с англо-советским комитетом. По этому вопросу между «левыми» и правыми было такое же единодушие, как и во время срыва всеобщей забастовки.

Провокационную позицию в отношении англо-советского комитета занимали предатели и шпионы — троцкисты-зиновьевцы. Они требовали немедленного ухода советских профсоюзов из комитета, т. е. взяли на себя инициативу подорвать начавшее оформляться единство между английским пролетариатом и рабочим классом СССР. Троцкисты-зиновьевцы защищали политику, направленную на раскол английского рабочего движения. Они предлагали рабочим выходить из старых профсоюзов и создавать новые. Такая позиция облегчала агентам английской буржуазии в рабочем классе: Томасам, Гендерсонам, Макдональдам, Ситринам и др. — переложить вину за раскол на советские профсоюзы и захватить целиком в свои руки руководство английскими профсоюзами. Этим самым подлые предатели — троцкисты-зиновьевцы — помогали консервативной английской буржуазии в деле подготовки интервенции против СССР.

В свете фактов, вскрытых на процессе антисоветского право-троцкистского блока в марте 1938 года, эта провокационная позиция троцкистов-зиновьевцев становится совершенно ясной. Процесс показал, что троцкист Раковский был агентом английской разведки «Интеллидженс-Сервис» уже в 1924 году, а Троцкий стал агентом этой же разведки в самый разгар борьбы английского пролетариата — в 1926 году.

В начале августа буржуазия попыталась деморализовать горняков с помощью церковников. Группа епископов и священников различных вероисповеданий после

предварительных переговоров с шахтовладельцами и некоторыми лидерами генсовета и Федерации горняков выдвинула ряд «компромиссных» предложений, сводившихся к тому, чтобы горняки согласились на удлинение рабочего дня и снижение заработной платы, размер которой будет установлен арбитражем, т. е., по существу, предложили горнякам капитулировать.

Руководители Федерации горняков (Кук и др.) советовали горнякам поставить 11 августа на всеобщее голосование вопрос о принятии предложений церковников как базы для соглашения.

Аппарат генсовета, «рабочей партии», независимой рабочей партии, печать, радио — все было мобилизовано для того, чтобы прославлять «нейтральность» церковников и убедить горняков согласиться на «компромисс». С той же целью были проведены митинги и собрания бастующих.

Но огромная масса горняков осталась непоколебимой. Изголодавшиеся семьи горняков, жены и матери бастующих активно выступали на митингах и требовали продолжать борьбу до конца. Референдум, проведенный 11 августа, показал, что большинство горняков против принятия предложений церковников.

7 октября делегатская конференция горнорабочих приняла предложение горняков Южного Уэльса о снятии рабочих, работающих по охране и безопасности шахт. Генсовет и Федерация горнорабочих воспрепятствовали проведению в жизнь этого постановления.

15 октября в Южном Уэльсе и в Дальтоне произошли столкновения с полицией. Появились признаки перехода борьбы забастовщиков к наиболее острым формам.

Коммунисты все больше завоевывали авторитет в массах горнорабочих. Ряды компартии крепились несмотря на аресты и репрессии. За время забастовки число членов КПА возросло на 5 тысяч человек, главным образом за счет горняков.

Но в этой героической 7-месячной борьбе горняков силы были неравны. Террор со стороны правительства, репрессии предпринимателей, тяжелое материальное положение, голод вынудили горняков прекратить стачку.

19 ноября 1926 года делегатская конференция горняков, в значительной мере под влиянием настойчивых требований исполкома Федерации горнорабочих, постановила прекратить забастовку и согласиться на условия шахтовладельцев.

После прекращения забастовки предприниматели снизили заработную плату, увеличили рабочий день с 7 до 8 часов и начали заключать порайонные соглашения с местными отделениями союза.

Сломив горняков, правительство Болду-

ина и предприниматели перешли в наступление на весь рабочий класс Англии. Наступление проходило по линии снижения заработной платы, увеличения рабочего дня и интенсивности труда. В период этого наступления продолжал действовать закон об осадном положении в стране. Одновременно правительство Болдуина ускорило подготовку интервенции против Советского Союза. 12 мая английская полиция, по предписанию министра внутренних дел Хикса, совершила налет на «Аркос», с провокационной целью «найти» документы о вмешательстве СССР в дела Англии. Разумеется, таких документов не оказалось. Несмотря на это 26 мая 1927 года английское правительство предъявило советскому правительству ноту о разрыве англо-советских дипломатических отношений. 7 июня в Польше был убит белогвардейцем полпред СССР тов. Войков. 13 июня в Женеве во время 45-й сессии Лиги наций Чемберлен, английский министр иностранных дел, провел совещание представителей капиталистических держав «для подготовки интервенции» против СССР под видом борьбы с «большевистской пропагандой».

Летом 1927 года происходили налеты на советские полпредства и торгпредства в Берлине, Пекине, Шанхае, Тяньцзине. Характерно, что в этот период троцкистско-зиновьевская оппозиция вновь ускорила свою подрывную работу против СССР и нападки на ВКП(б). Не даром, говорил тогда товарищ Сталин, против советской власти «создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого»¹.

Внутри страны правительство Болдуина повело наступление на политические права рабочих. В конце июля 1927 года в парламенте был проведен закон о профсоюзах, по которому запрещались забастовки сочувствия, если они «мешают действиям правительства», запрещалось пикетирование, штрейкбрехеры брались под защиту закона; союзам воспрещалось собирать взносы на политические цели и делать различия между членами и нечленами профсоюзов; фонды профсоюзов отдавались под контроль правительства; лидеры профсоюзов должны были нести материальную ответственность за стачку.

В результате поражения всеобщей стачки и стачки горняков английский рабочий класс потерял все те права, которые были завоеваны им в упорной борьбе на протяжении многих десятилетий.

* * *

На протяжении XIX и начала XX столетия английский рабочий класс вписал много ярких страниц в историю мирового

революционного рабочего движения. Таковыми были: чартистское движение, движение нового тредюнионизма, начавшееся в 1889 году, которое Энгельс характеризовал как движение свежее, массовое, не зараженное буржуазными старо-тредюнионистскими предрассудками, революционный подъем накануне войны 1914—1918 годов. Таковыми были 1918—1920 годы, когда английский рабочий класс под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России стремился идти по пути российского пролетариата, создав в 1920 году КПА и комитеты действия. Всеобщая стачка и стачка горняков в 1926 году, которые вплотную подвели английский рабочий класс к проблеме власти, также являются одной из ярчайших страниц в истории международного революционного движения пролетариата.

Всеобщая стачка и стачка горняков в 1926 году с наглядностью показали, что как только английский рабочий класс начинает ломать и преодолевать оппортунистические, тредюнионистские традиции — традиции цеховщины, раздробленности, замкнутости — и становится на путь классовой борьбы, он превращается в грозную для капиталистов силу.

Во всеобщей стачке и стачке горняков участвовала только 1/3 рабочего класса Англии, и несмотря на это события 1926 года создали реальную угрозу господству капиталистов в Англии. Только благодаря тому, что во главе этого движения, как говорил товарищ Сталин, стояли открытые предатели рабочего класса, как Томас, Гендерсон, Макдональд, и бесхарактерные попутчики этих предателей — «левые» Персель, Хикс, — а также благодаря тому, что тредюнионистские традиции глубоко укоренились в английском рабочем классе, массовый боевой революционный подъем английского рабочего класса потерпел поражение.

В современной международной революционной борьбе против фашизма и войны борьба английского рабочего класса приобретает особое значение. Эта борьба направлена против реакционного консервативного правительства Чемберлена, которое ведет политику сговора с фашистским агрессором за счет государств и народов, борющихся за мир и независимость.

КПА, борясь за создание единого антифашистского народного фронта, вырастает в массовую пролетарскую партию.

Под руководством КПА английский пролетариат, используя лучшие революционные традиции своих классовых боев в прошлом, сплачивает и объединяет свои ряды для нанесения сокрушительного удара господству империализма и для победы пролетарской социалистической революции.

¹ «История ВКП(б)», стр. 270.

А. Ранович

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА 66—73 ГОДОВ НАШЕЙ ЭРЫ

1

В 63 году до нашей эры римский полководец Гней Помпей занял Иерусалим, столицу полунезависимого государства Иудеи в Палестине. Иудея была сохранена как отдельная автономная область, но размеры ее территории были сильно ограничены, она была обложена данью в пользу Рима, и царская власть в ней была упразднена. Впоследствии правитель Иудеи Ирод получил титул царя, но фактически Иудея оставалась подвластной Риму.

Иудея представляла собой рабовладельческое государство, в котором, однако, рабство не достигло такого развития, как в Греции и Риме, так как вообще хозяйство Иудеи было отсталым. В течение нескольких веков Иудея переходила из рук одного завоевателя к другому. После смерти Александра Македонского, покорившего всю Персидскую Азию и Египет, Иудея в течение почти полутора веков была ареной борьбы между преемниками Александра — египетскими Птолемеями и сирийскими Селевкидами. Войны опустошали и разоряли страну. Независимо от исхода той или иной войны она имела всегда результатом уничтожение городов и селений, массовую продажу в рабство населения, усиление налогового бремени, наложение тяжелых контрибуций. Но и в периоды мирных передышек Иудея оставалась, в сущности, торговой колонией эллинистических государств, а затем Рима.

Систематический грабеж, которому подвергалась Иудея со стороны торговых хищников и иностранных завоевателей, дополнялся для трудящегося населения страны

жестокой эксплуатацией со стороны рабовладельцев, крупных землевладельцев и жречества.

Во главе Иудеи стоял первосвященник иерусалимского храма бога Ягве, совмещавший духовную и светскую власть. При первосвященнике состоял синедрион (сенат) из высших жрецов и представителей аристократических фамилий. Население должно было платить жрецам кроме денежного налога три рода натуральных податей: 1) первлики — «все лучшее из елей, все лучшее из винограда и хлеба», «все первые произведения земли», первенцев от скота и денежный выкуп за первенцев-людей; 2) «добровольные возношения», взыскивавшиеся в обязательном порядке; 3) десятину, т. е. одну десятую «из всего, что у Израиля». Кроме того жрецы извлекали несчастливый доход из жертвоприношений по самым различным поводам.

В период полунезависимого существования Иудеи (143—63 годы) первосвященники, принимавшие также титул царей, вели завоевательные войны и завели у себя порядки, господствовавшие при дворах восточных деспотов. Войны, возведение крепостей, постройка дворцов, содержание пышного «двора» — все это требовало от иудейских первосвященников и царьков огромных денег. Безумные траты «номадничков божьих» покрывались, конечно, за счет трудящихся — мелких производителей, крестьян и ремесленников. Все возрастающая нужда в деньгах создавала благоприятную почву для деятельности ростовщиков. О разрушительном действии ростовщичества К. Маркс писал: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как

паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно интенсивная в античном мире»¹.

В результате поборов, грабежей и ростовщичества еврей-крестьяне попадали в кабалу к жестоким рабовладельцам и ростовщикам, теряли свои земельные наделы, превращались в нищих, в рабов. Развитие рабства еще более снижало жизненный уровень свободных трудящихся, которым приходилось выдерживать конкуренцию дешевого рабского труда. «Блестящее» правление царя Прода (37—4 годы до нашей эры) обострило внутренние противоречия в Иудее, и взрыв народного возмущения после смерти Прода заставил римлян двинуть против иудеев целую армию.

В 6 году нашей эры сын и наследник Прода — Архелай — был вызван императором Августом в Рим. Архелай был низложен и отправлен в ссылку в Галлию, а Иудея превращена в императорскую провинцию. Опять же страдой управлять императорские чиновники из всаднического сословия — прокураторы, а в военном отношении Иудея была подчинена наместнику провинции Сирии. Прокуратор сидел в городе Цезарее, который стал официальным политическим центром страны. Он назначал и смещал первосвященника — верховного жреца бога Ягве, — который был одновременно председателем высшего законодательного органа — синедриона. Ему принадлежало «право меча», право жизни и смерти над иудеями, ставшими теперь подданными империи. Высшая судебная власть была в руках прокуратора и его чиновников. Они выносили приговоры на основании римского права; местные законы не признавались, если они не совпадали с римским законодательством.

Сейчас же после упразднения призрачной независимости Иудей вместе с первым прокуратором Копонием прибыл легат Бвирций, чтобы произвести перепись населения, подлежащего налоговому обложению. Перепись вызвала возмущение в народе. Иуда Галилеянин стал призывать народ к восстанию; выдвигая религиозный лозунг создания независимого государства под эгидой бога, Иуда и его сторонники звали к образованию республики. Однако дело не дошло до восстания вследствие сопротивления первосвященника Иоазара и иудейской знати, которые охотно мирились с господством римлян, предавая интересы народа.

Важнейшей функцией прокураторов было выколачивание налогов. «Уже начиная с последних времен республики, — писал

Энгельс, — римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций: империя не только не устраняла этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему»².

Кроме подати, которой было обложено все взрослое население: мужчины — с 14 лет, женщины — с 12 лет; кроме отчислений от урожая натурой были введены и косвенные налоги и пошлины, отданные на откуп публичным. Откупщики беззастенчиво грабили народ в свою пользу. Вся древняя иудейская литература того времени пропитана ненавистью к откупщикам и сборщикам податей, которые приравниваются к разбойникам.

Режим, установленный в Иудее римскими прокураторами, был режимом властных победителей в покоренной, но незамыренной и непокорной стране. Прокуратору Понтию Пилату (26—36 годы) философ Филон вменяет в вину «взяточничество, насилие, грабежи, бесчестия, издевательства, казни без суда, бесконечную невыносимую жестокость». Его издевательства над национальными и религиозными чувствами иудеев, произвол, насилие и убийства приняли такой широкий характер, что легат (наместник) Сирии Вителлий вынужден был отправить Пилата в Рим, чтобы он там отчитался перед императором.

В 41 году император Клавдий поручил управление Иудеей потомку старой иудейской династии Хасмонеев — Агриппе, получившему титул «царя». Агриппа был, в сущности, таким же ставленником Рима, как и прежние прокураторы: он сам себя именовал *philokaisar* и *philotomaïos*, т. е. цезарелюбимец и друг римлян. После смерти Агриппы в 44 году Палестина вновь была отдана под власть прокураторов, подчиненных общему надзору наместников Сирии.

Одним из последних прокураторов был вольноотпущенник императора Феликс, брат могущественного паредвора Палланта; по словам римского историка Тацита, Феликс «со всей жестокостью и расчуженностью осуществлял царское право в рабском духе». Чувствуя опору в своем всемогущем брате, Феликс «считал всякое злодеяние для себя безнаказанным».

О прокураторе Альбине (62—64 годы) еврейский историк Иосиф Флавий говорит, что не было такого преступления, которого бы он не попробовал. Его личность не знала границ. Он грабил и врагов и друзей и пользовал борьбу партий в Палестине, чтобы обогащаться за их счет. Но Альбин, по словам Иосифа Флавия, был еще справедливым человеком по сравнению со своим преемником, Гесием Флором (64—66 го-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 527, 8-е изд.

² Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 195. Партиздат. 1937.

ды). Если Альбин старался обделывать свои дела тайком, то Гессий Флор открыто подвергал разграблению целые города и области, доводя их до полного разорения. Разбойники могли безнаказанно заниматься своим ремеслом, если они делились добычей с Флором.

Система римского управления Иудеей, как и другими провинциями, охарактеризована Энгельсом в следующих словах: «К потере независимости и собственной организации прибавился грубый грабёж со стороны военных и гражданских властей, которые сперва отнимали у покоренных их сокровища, а затем отдавали их им же взаймы за ростовнические проценты, чтобы дать им возможность выплачивать новые поборы. Налоговое бремя и вызванная им нужда в деньгах в районах чистого или преобладающего натурального хозяйства все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных»¹.

Римское иго не только разрушало производительные силы страны: оно усиливало угнетение трудящихся и обостряло и обнажало классовые противоречия внутри иудейского общества. Развитие рабовладельческого хозяйства, вызывая увеличение количества рабов и усиление их эксплуатации, вместе с тем снижало уровень жизни свободного крестьянства и ремесленников, лишало крестьян земли, отдавало их в руки ростовщиков. В талмуде приводится — правда, преувеличенное — сообщение об огромных имениях Элезара бен Харом, у которого было столько рабов, что не только он их, но и они его в лицо не знали. Обезземеленные крестьяне должны были снимать землю в аренду на кабальных условиях. В арендном договоре, по талмуду, арендатор пишет: «Я встану, вешашу, посею, скошу и свяжу снопы, смолочу, провею и сложу в кучу для тебя, и тогда ты придешь и возьмешь половину, а я за свои труды и издержки — половину». Из этой половины арендатор должен был еще отдать и подать, и десятину, и «возношения» жрецам, и платить проценты.

Всю тяжесть римского гнета эксплуататорские группы перекладывали на трудящихся. Имущие классы видели в римском могуществе опору для своей власти, а римские гарнизоны служили для них защитой против недовольства масс. Во время восстаний народа против римлян вся еврейская знать и жречество были неизменно на сто-

роне римлян, активно участвуя в военных действиях против собственного народа.

Первосвященники, назначаемые и смещаемые римскими прекураторами, заискивали перед римскими властями и в своей алчности доходили до того, что грабили даже своих подчиненных — низших жрецов; они посылали своих рабов к крестьянам на риги и насильно забирали себе десятину. О первосвященниках 25—60 годов сохранилось в талмуде изречение некоего Абба Саула: «Горе мне от дома Боэтуса, горе мне от их дубы! Горе мне от дома Ашны (Хайана), горе от его змеиного шипенья! Горе мне от дома Кантеры (Катара), горе от его перьев! Горе мне от дома Изманла бен Фаби, горе от его кулаков! Они первосвященники, сыновья их — казначей, зятья — надзиратели храма, а рабы их избивают народ палками».

Неправильность к угнетателям часто находила себе выражение в религиозных фантазиях о страшном суде и небесном возмездии «грешникам»: «Горе тем, кто творит несправедливость и насилье и основывается на обмане, ибо они будут внезапно истреблены и не будут иметь покоя. Горе тем, кто устраивает свои дела посредством греха, ибо они будут оторваны от всего своего строительства и падут от меча. Горе вам, богачи, ибо вы положились на свое богатство, а вам придется поклянуть свои сокровища, потому что в дни своего богатства вы не думали о всевышнем. Вы совершали кощунства и несправедливости, и вы заслужили дечь кровопролития, мрака и великого суда. Горе вам, строящим свои дома трудами других, ваш строительный материал — лишь кирпичи и камни греха!» Такие грозные обличения встречаются в единственно существовавшей религиозной литературе того времени.

Гнет иноземного ига, жестокая эксплуатация трудящихся питали веру в небесного спасителя — мессию, — в ожидание конца света и небесного суда. Образы мессии, как и картины «страшного суда», изменялись временем и наполнялись разным классовым содержанием. Кунцам, рабовладельцам, крупным земельным собственникам мессия рисовался в образе могучего царя, который свергнет иго чужеземцев и предоставит эксплуататорам полный простор для угнетения своих безземельных и малоземельных крестьян и рабов. Напротив, угнетенные классы видели в мессии избавителя, который установит новый социальный порядок в интересах трудящихся.

Мессианизм был утешительной мечтой, отвлекавшей угнетенных от классовой борьбы, усыпавшей ненависть к угнетателям. Но в то время религиозная идеология была господствующей и всякое массо-

¹ Ф. Энгельс «К истории раннего христианства». Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 423.

вое движение неизбежно облекалось в религиозную форму. Поэтому классовая борьба связывалась с мессиаскими чаяниями, национально-освободительное движение принимало характер религиозных войн. Вожди восстаний выдавали себя за «пророков», «мессий». При прокураторе Кусине Фаде (44 год) некий Тевда объявил себя «пророком», который освободит Иудею от власти Рима. В доказательство своей божественной миссии он обещал явить чудо: по его слову воды Иордана расступятся перед ним. За Тевдой пошло много уверовавших в него. Прокуратор выслал против него отряд; примкнувшие к Тевде иудеи были частью перебиты, частью взяты в плен, а сам он был обезглавлен. Очевидно, за этим экзальтированным выступлением фанатика римские власти справедливо усмотрели опасное для себя политическое движение.

Только в процессе борьбы трудящиеся понемногу освобождались от религиозных иллюзий.

При прокураторе Феликсе (52—60 год) выступления против римской власти и против евреев-эксплоататоров продолжались. Движение эксплуатируемых шло вначале под религиозными лозунгами. По сообщению Иосифа Флавия, из Египта явился какой-то пророк, который «действительно прослыл за небесного посланника. Он собрал вокруг себя 30 000 заблудших, выступил с ними на так называемую Масличную гору, откуда он намеревался насильно вторгнуться в Иерусалим. Римский прокуратор Феликс вынужден был дать форменное сражение этому пророку. Едва погашена была эта вспышка, как появилась другая, точно в больном организме вознаемление переходит с одной части на другую. Религиозные обманщики и разбойники соединились на общее дело... Разделившись на группы, они рассеялись по всей стране, грабили дома богатеев, а их самих убивали и сжигали целые селения»¹.

Не надо понимать буквально слова Иосифа Флавия о «разбойниках». В устах Иосифа Флавия, принадлежавшего к эксплуататорскому слою общества, «разбойник» означает революционер, так же как в царской России революционеров в XVII—XVIII веках дворяне называли «ворами» и «разбойниками».

Из сообщения Иосифа Флавия мы вправе сделать вывод, что развивавшаяся в течение столетия римского владычества в Палестине классовая борьба трудящихся начпала перерастать старые религиозные

рамки и переходить на путь прямой вооруженной борьбы.

Независть народа к римскому владычеству выразилась в почти не прекращавшихся восстаниях, о которых рассказывает Иосиф Флавий. Еще при жизни царя Ирода, когда он серьезно заболел и распространился слухи о его смерти, группа молодежи в присутствии множества народа сорвала красовавшееся на фронтоис храма золотое изображение орла — символа римской власти — и разрубила его на куски. Царский отряд подавил «мятеж», зачинщики были схвачены и сожжены живыми.

А когда Ирод действительно умер (4 год до нашей эры), поднялось настоящее восстание. Архелая — преемнику Ирода — пришлось выслать против восставших «все свое войско, а также кавалерию». Восстание было подавлено, причем было убито до 3 тысяч человек.

Но как только Архелай отплыл в Рим, чтобы утвердиться в правах на престол, опять начались волнения в Иерусалиме. Для подавления их прибыл сам наместник Сирии — Вар. Он «жестoko наказал зачинщиков восстания» и отбыл в Антиохию, оставив в Иерусалиме управителем Сабина с легионом. В праздник пятидесятницы, когда в город по обычаю прибыло множество народа из Галилеи, Иудеи, и других областей, началось организованное восстание против Сабина. Римский легион подвергся осаде. Сабин заперся в замке Фазаел. Вылазки римлян нанесли осаждающим жестокий урон, но народ не падал духом. На его сторону перешла часть войска царя Архелая. Иудеи не ослабляли осады; они подкапывали стены и кричали осажденным, чтобы те не мешали им вернуть прежнюю свою свободу.

Волнение распространилось на всю страну.

Наконец, на помощь осажденному Сабину с его легионом прибыл Вар с двумя легионами, конницей и вспомогательными войсками. Он разорил и сжег ряд городов, продав жителей в рабство, и подступил к Иерусалиму. Иудеи, осаждавшие римский гарнизон, вынуждены были снять осаду и отступить. 10 тысяч человек были захвачены Варом в плен, 2 тысячи человек были распяты на крестах.

Но и после этого выступления против римлян не прекращались. Иуда Галилеянин «собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги».

Некий Симои, собрав значительный отряд, разграбил и сжег дворец в Иерихоне

¹ Иосиф Флавий «Война иудейская», II, 13, 5—6.

и целый ряд других дворцов в стране. Против него выступили объединенные войска паря Архелая и римлян. После ожесточенного сражения, в котором войско Симона сражалось «скорее храбро, чем умело», восставшие были разбиты, а Симон схвачен и обезглавлен.

В то же время выступил некий пастух Атроинг. Вместе с братьями он собрал значительные отряды, ведшие партизанскую войну с римлянами. «В руках такого человека власть была долгое время... Как он сам, так и его братья сильно вредили своей жестокостью римлянам и царским войскам, питая как к тем, так и к другим сильную ненависть»¹, — пишет Иосиф Флавий. В конце концов и отряды Атроинга были уничтожены регулярными войсками римлян и Архелая.

Волнения вспыхивали при прокураторах Иплате, Кумане, Фелпксе. Но, обескровленные в предыдущих восстаниях, народные массы в течение долгого времени были бессильны поднять вооруженное восстание в широком масштабе. Народ накапливал силы для настоящей войны, которая началась в 66 году и сразу приняла характер народного движения.

2

С 54 до 68 года римским императором был Нерон, прославившийся своим развратным поведением, безумными тратами, казнями и конфискациями. В последние годы правления Нерона и в ближайшие годы после его смерти в империи не прекращались заговоры и восстания (восстания британцев, галлов и германцев, возмущения легионов в Галлии, Испании, Германии). Положение в Иудее было все время напряженным вследствие непрерывавшихся выступлений против гнета римского владычества. Ближайшим поводом к восстанию послужила попытка прокуратора Флора конфисковать храмовую казну. Население Иерусалима оказало сопротивление прокуратору, и Гессий Флор, не располагая достаточным количеством войска, вынужден был покинуть Иерусалим, оставив в городе только незначительный гарнизон во дворце Флора и в укрепленной башне.

Восстание возникло стихийно. Уже в самом ходе его стали выдвигаться вожди и руководители и четко определились разные политические группировки, ставившие себе разные политические задачи.

Придворная и чиновная знать, богатеи, торговцы, ростовщики, землевладельцы, высшее духовенство образовали «партию

мира». Они несколько не тяготились римским владычеством и даже находили в нем немало выгод для себя. Выступления вооруженного народа внушали им страх. Жрецы и раввины, всячески отстаивавшие идею святости храма и недопустимости общения с язычниками, стали даже доказывать, что можно принести жертвы за здоровье императора и вносить в храм дары от «язычников». Они униженно просили Флора не придавать значения «мятежу» и готовы были снести любые издевательства со стороны прокуратора. Внутренняя масса идеи исключительности и «святости» еврейского народа, они легко отказались от своих принципов, лишь только почувствовали, что «защита святыни» грозит их классовым интересам.

Во главе «партии мира» стал царь Агриппа II. Воспитанный при римском дворе, Агриппа II получил от императора в 48 году в удел небольшую область Халкиды и титул царя. Вместе с тем Агриппа был сделан наместником иерусалимского храма с правом назначения и смещения первосвященников. Живя в своей столице, Цезарее Филипповой, он владел роскошным дворцом в Иерусалиме. Рабослужием и подхалимством перед римскими императорами он добился значительного расширения своих владений и вел роскошную и разнузданную жизнь.

Агриппа II в течение всей войны не только не помогал своим соотечественникам, но активно выступал со своими войсками на стороне римлян.

Другие представители «партии мира», не имевшие в своем распоряжении вооруженной силы для подавления восстания, обратились за помощью против восставших к отступившему из Иерусалима прокуратору Гессию Флору и к Агриппе. Прокуратор уклонился от посылки войск в Иерусалим, так как не рассчитывал на свои силы. Зато Агриппа выслал отряд в 3 тысячи человек конницы, набранной из наиболее свирепых варварских племен. Но силы восставших, опиравшихся на весь народ, заставили конницу Агриппы отступить, и остатки римского гарнизона были уничтожены повстанцами.

«Ввиду серьезного и опасного характера движения, — рассказывает Иосиф Флавий, — представители властей, первосвященники и знатнейшие фарисеи, собрались вместе для совещания о положении дел. Решено было попытаться устранить недовольных добрыми словами»¹. А когда уговоры не привели ни к чему и восставшие «заставили перейти на свою сторону находившихся еще в городе римских дру-

¹ Иосиф Флавий «Древности», XVII, 10.

¹ Иосиф Флавий «Война иудейская», II, 17, 3.

зей», жречество, руководители синедриона и прочие власти делали все возможное, чтоб предать дело народа.

Ядро восстания составляли «ревнители» — зелоты, считавшие себя последователями и преемниками упомянутого выше Иуды Галилеянина. Иосиф Флавий пишет о зелотах, что «у них ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкой своим они считают бога. Пойти на смерть они считают пустяком, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собой главенства человека»¹.

Сам Иосиф Флавий принадлежал к «партии мира» и оказался в числе изменников и предателей порученного ему народного дела. Он ненавидел зелотов как личных врагов. Поэтому нельзя заподозрить его в преувеличении военной доблести, патриотизма и стойкости зелотов.

Насколько можно судить по имеющимся немногим данным, зелоты вербовались из среды мелких торговцев, ремесленников и крестьян, которых разоряли и собственные ростовщики и римские грабители; особенно остро реагировали они на ничем не прикрытый гнет римского ига. Объединяя разнородные социальные группы, зелоты не были способны к организованным действиям и не могли выработать ясную политическую программу. Их смутные политические представления получали религиозное выражение. Зелоты смотрели на себя как на ревнителей веры, они героически умирали во имя бога, и только уже в процессе восстания наиболее революционно настроенные элементы среди них убеждались, что им не по пути с первосвященниками, придворной и имущественной знатью. Но влияние религиозно-фанатических идей было настолько велико, что даже возгоревшаяся во время осады Иерусалима междоусобная вооруженная борьба не помогла им осознать свои классовые цели и задачи. Вождями зелотов во время восстания были Элеазар бен Анания, Элеазар бен Симон, а позднее — Иоанн из Гисхалы.

Уже в самом начале иудейской войны среди восставших против Рима обнаружилось течение, которое направило оружие и против еврейской знати и против эксплуататорских групп. При первой схватке с римским гарнизоном и отрядами Агриппы восставшие, по сообщению Иосифа Флавия, ворвались в Верхний город, квартал богатей, «сожгли дом первосвященника Анании, а также дворцы Агриппы и Вереники. Вслед затем они перенесли огонь в здание архива, для того чтобы как можно

скорее уничтожить долговые документы и сделать невозможным взыскание долгов. Этим они имели в виду привлечь массу должников на свою сторону и восстановить бедных против состоятельных»¹. Под предводительством Менахема они завладели городом, вытаскили первосвященника — ростовщика Ананию — из водопровода, где он скрывался, и убили его вместе с его братом Езекией. Умеренные вожди зелотов опасались расправиться с Менахемом, а его отряд под предводительством Элеазара бен Яир отступил из Перусалима и занял крепость Масаду.

Такие действия крайних зелотов сразу же возбудили ярую классовую ненависть со стороны представителей «партии мира» и медных у них на поводу умеренных зелотов, таких, как Элеазар бен Анания, происходивший из рода первосвященников.

Людей, осмелившихся посягнуть на привилегии знатных и богатых, презрительно называли латинским термином «сикарии» («книжалыщники»).

Особенно ненавидел сикариев Иосиф Флавий, который всячески поносит их в своих сочинениях. «В Акраватском округе, — пишет Иосиф Флавий, — Симон бар Гиора набрал массу недовольных и производил разбойничьи набеги, в которых не только грабил дома богатых людей, но и совершал насилия над их личностью». Иосиф пытался здесь представить вождя сикариев Симона бар Гиора просто разбойником, но все же вынужден был отдать должное этому отважному борцу, отмечая его героическую защиту Иерусалима, его непримиримость в борьбе и против римлян и против иерусалимской знати. Римский историк Тацит также с уважением отзывается о Симоне.

Сикарии представляли политическое течение, имевшее на своей стороне значительные массы народа. В «Деяниях апостолов» упоминается о каком-то предводителе, который «перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи сикариев». Массовый характер движения сикариев подчеркивает и Иосиф Флавий. О Симоне бар Гиора он рассказывает, что, «обещая рабам свободу, а свободным — вознаграждение», Симон собрал значительную армию.

Сикарии выступали не только против Рима, но и против собственных еврейских эксплуататоров. Они уничтожали долговые книги и отменяли кабальные обязательства. Они освобождали рабов, возвращали крестьянам отнятые у них земли. В талмуде сохранились воспоминания о передаче земли, произведенной сикариями. Иосиф

¹ Иосиф Флавий «Древности», XVIII, 1, 1.

¹ Иосиф Флавий «Война иудейская», II, 17, 6.

Флавий прямо говорил, что сикарии стремились не только к свержению власти Рима, но и к изменению общественного строя. Даже в области религиозной революционеры захотели осуществить демократию. Они отвергли принцип наследственности должности первосвященника и постановили избирать первосвященника по жребию из всего народа. «Случайно жребий пал на... некоего Фавию (Шихаса), сына Самуила, из деревни Афты. Он не только не был достоин носить звание первосвященника, но был настолько неразвит, что не имел даже представления о значении первосвященства», — пишет Иосиф Флавий.

Таким образом, в начавшемся восстании против Рима можно различить 3 основные группировки: 1) «партию мира», вовлеченную в борьбу против своей воли: классовый интерес сторонников этой группировки толкал их на срыв восстания; 2) зелотов — неструю по своему составу группировку, ставившую своей задачей свержение римского ига и борющуюся под национальными и религиозными лозунгами; не имея отчетливой политической программы, зелоты включали в свои ряды и умеренные элементы наряду с крайним крылом, примыкавшим к сикариям; 3) сикариев, возглавлявших борьбу городской, крестьянской бедноты и рабов против их угнетателей. У них также не было и не могло быть ясной политической программы. Восставая против существующего строя, они не имели отчетливых перспектив и в первую очередь удовлетворяли свою жажду мести угнетателям. Этими угнетателями были богачи, ростовщики, рабовладельцы, как иудейские, так и римские. Гнев сикариев одинаково обрушивался на тех и на других; эксплуатируемые массы хорошо понимали, что римляне и эксплуататорские группы еврейского общества действуют в союзе против них.

В то время как умеренные зелоты стремились только к свержению римской власти и выдвигали смутную идею «республики божьей», не помышляя о социальных реформах, сикарии вели на практике вооруженную борьбу против своих классовых врагов, опиравшихся на римские легионы. Сикариев резко отделяло от прочих группировок смутное, искаженное религиозными и националистическими идеями стремление к уничтожению социального неравенства.

С самого начала война осложнилась национальной рознью между евреями и эллинизированным населением сирийских городов. Римские власти не использовали и раздували эту рознь, руководствуясь девизом: «divide et impera» («разделяй и вла-

ствуй»). Начало иудейской войны ознаменовалось рядом кровавых столкновений в Сирии и Палестине между евреями и эллинистическим населением городов. В Цезарее, Птолемаиде, Антиохии, Аскалоне, Бетзане и ряде других городов тысячи жертв с обеих сторон еще больше ожесточили национальные распри. Это, однако, не могло погасить восстания, на что рассчитывали римские власти и их иудейские прихвостни.

Когда Гессий Флор вынужден был покинуть Иерусалим, а оставленный им гарнизон был уничтожен сикариями, на выручку явился наместник Сирии Цестий Галл. В его войско входили 12-й легион, отборный сводный отряд в 2 тысячи человек из других легионов, 10 отрядов конницы и вспомогательные войска, в том числе 3 тысячи пехотинцев и 2 тысячи всадников Агриппы.

Подступив к Иерусалиму и убедившись после нескольких стычек с иудейскими отрядами, что без длительной осады Иерусалима не взять, Галл отступил в Антихию. Еврейские отряды преследовали отступающую армию, отбили обоз, перебили около 6 тысяч воинов, захватили знамя легиона. С трудом Галл вывел свою потрепанную армию из окружения.

Фактически Иудея освободилась от власти римлян. Осень 66 года была объявлена началом новой эры. В Иерусалиме стали чеканить собственную монету с надписью: «Год... освобождения Израиля»; сохранились такие монеты с обозначением первого, второго, третьего и четвертого годов.

3

Плоды победы, достигнутой благодаря храбрости и самоотверженности зелотов и сикариев, присвоили себе стоявшие у власти высшее жречество, руководители синедриона и чиновники. Они взяли на себя руководство и умышленно назначили полководцами для ведения войны таких людей, которые способны были только провалить дело.

Оборона Иерусалима была поручена открытым друзьям римлян — первосвященнику Анапу и Иосифу бен Горнион. Галилея была отдана Иосифу Флавию, который, по собственному признанию, с самого начала решил предать порученное ему дело. Зато все же не попал в полководцы фактический вождь восстания зелот Элеазар бен Симон, а инициатор движения Элеазар бен Анания был удален из Иерусалима под благовидным предлогом назначения его на должность военачальника незначительной области — Плумен.

Веспасиан. Мраморный бюст.
Капитолийский музей.

Так представители знати и жречества, ставленники Рима, с самого начала дезорганизовали борьбу. В синедрионе они занялись проведением строгих ограничительных правил сношений с «язычниками», переключая, таким образом, ненависть масс на шовинистические чувства и разжигая национальную рознь. Руководители сикариев, рассеянные по стране, не могли оказывать влияние на ход событий в столице.

В конце 66 года император Нерон возложил задачу усмирения Иудей на испытанного полководца Флавия Веспасиана. К весне 67 года Веспасиан и сын его Тит собрали многочисленную армию из 3 легионов со значительным количеством конницы и вспомогательных отрядов, всего около 60 тысяч человек. В числе вспомогательных войск находился и отряд Агриппы.

Так как Веспасиан победил наступление с севера, то первым театром военных действий должна была стать Галилея, оборона которой была поручена Иосифу Флавию. Иосиф с самого начала вел двойную игру: руководя восстанием в Галилее, он одновременно старался сохранять добрые отношения с Агриппой и не слишком скомпрометировать себя в глазах римлян.

Поведение Иосифа внушало серьезное подозрение zelotам. Особенно резко выступил против него с разоблачениями Иоанн из Гисхалы. По его требованию иерусалимский синедрион направил в Галилею комиссию из 4 человек для расследования действий Иосифа. Но Иосиф сумел через своих делегатов замять дело в Иерусалиме, а когда отозванные члены комис-

сии все же отказались вернуться в Иерусалим, он силой захватил их и отослал в столицу закованными в цепи.

Военные действия Иосиф вел вяло, оборона не была организована, и когда Веспасиан вступил в Галилею, города один за другим сдавались ему без боя. Иосиф со своими войсками укренился в сильной крепости Потапате и в течение некоторого времени оказывал серьезное сопротивление армии Веспасиана. Но вследствие предательства одного перебежчика римлянам удалось ночью тайком пробраться в крепость. Застиснутый врасплох, гарнизон был уничтожен, все население было частью перебито, частью продано в рабство. Город и крепость были сравнены с землей. Иосиф с группой в 40 человек спрятался в пещерне. В отчаянии они решили друг друга перебить, чтобы не достаться римлянам. одному Иосифу удалось каким-то образом спастись; он сдался римлянам. Его отвели к Веспасиану, который милостиво с ним обошелся. Так кончилась военная карьера Иосифа Флавия.

После падения Потапаты римские войска постепенно овладели остальными укрепленными пунктами: Гамалой, горой Табор и Гисхалой. Иоанн из Гисхалы успел со своим отрядом уйти в Иерусалим. К концу 67 года Галилея вся была в руках римлян и дорога на Иерусалим была свободна.

Спасшиеся от разгрома и резни в Галилее боеспособные элементы стекались в Иерусалим, население которого, по словам Тацита, достигло в это время 600 тысяч человек. Иерусалим лихорадочно укреплялся, но города Иудей вне Иерусалима остались почти совершенно беззащитными. Только сикарии крепко держались в занятых районах. В частности Масада, где укрепились сикарии во главе с Элеazarом бен Яир, держалась против Рима еще 3 года после покорения Палестины.

Прибытие в Иерусалим остатков галилейских отрядов, явная измена ставленника синедриона Иосифа Флавия, подозрительное поведение синедриона—все это привело к тому, что не только сикарии, но и умеренные zeloty отшатнулись от синедриона и его руководителей. Стало очевидным, что для успеха восстания необходимо свергнуть власть первосвященников, раввинов, храмовых и придворных чиновников, денежной и рабовладельческой знати. В Иерусалиме разгорелась междоусобная борьба, инициатором которой был бывший первосвященник Анан, рассчитывавший, что ему легко удастся расправиться с сикариями. «Самые уважаемые из первосвященников, Иосиф, сын Гамалы, и Анан, сын Апана, открыто упречали народ в бездеятельности и подстрекали его

Тит. Мраморная статуя. Ватиканский музей.

против zelотов», — пишет Иосиф Флавий. Анап ошибся в расчете. При помощи подошедшего отряда идумеев, тесно связанных с сикариями, народ одержал победу. Бывший первосвященник Анап, Иосиф бен Гамала и их приспешники были казнены. синедрион был распущен и переизбран на демократических началах. Еще раньше был избран путем жеребьевки первосвященник Пинхас из деревни Афты. Он оказался последним первосвященником, так как при нем иерусалимский храм был разрушен римлянами.

Базой сикариев была Масада. С ними солидаризировались отряды идумеев, численность которых, по словам Иосифа, достигала 90 тысяч человек.

Многие богатые иудеи бежали из Иерусалима. Среди беглецов, предоставивших себя в распоряжение римлян, был и величайший раввинский авторитет Иоханан бен Закай. Буржуазные еврейские националисты до сих пор превозносят до небес подвиги этого «светоча Израиля», изменнически перешедшего в стан врага в то время, когда народ героически отстаивал свободу ценой своей крови.

Зимой 67—68 года из Цезарей выступил римский военачальник Веспасиан, который в короткий срок занял Перею и ряд городов собственно-Иудей, вплоть до Иерихона. Таким образом, из трех областей Иудейского царства: Галилеи, Цереи, Иудей — две целиком и третья в значительной части заняты были римскими войсками. Войска Веспасиана вплотную подступали к Иерусалиму.

Однако смерть Нерона 9 июня 68 года и борьба за императорский трон отвлекли

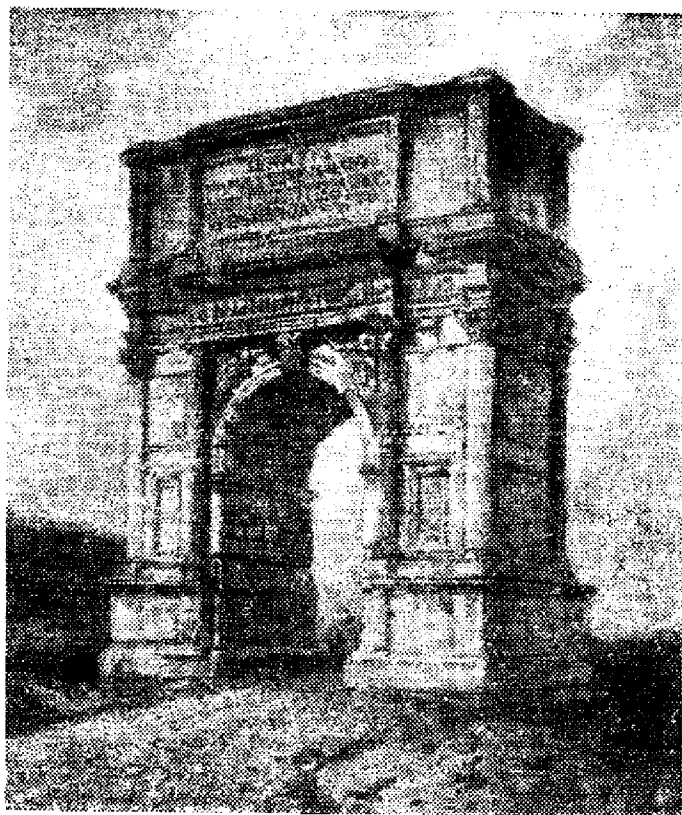
внимание Веспасиана от иудейской войны. В течение целого года Веспасиан бездействовал, и лишь рост движения сикариев под предводительством Симона бар Гиора побудил его в 69 году возобновить военные действия. В результате была занята вся Иудея, за исключением Иерусалима, Масады, Махера и Иродиона.

Между тем 1 июля 69 года египетские легионы провозгласили Веспасиана императором. Веспасиан направился в Александрию. После убийства в Риме конкурента Веспасиана, императора Вителлия, Веспасиан, ставший владыкой Римской империи, направил в Иудею для окончания войны своего сына Тита.

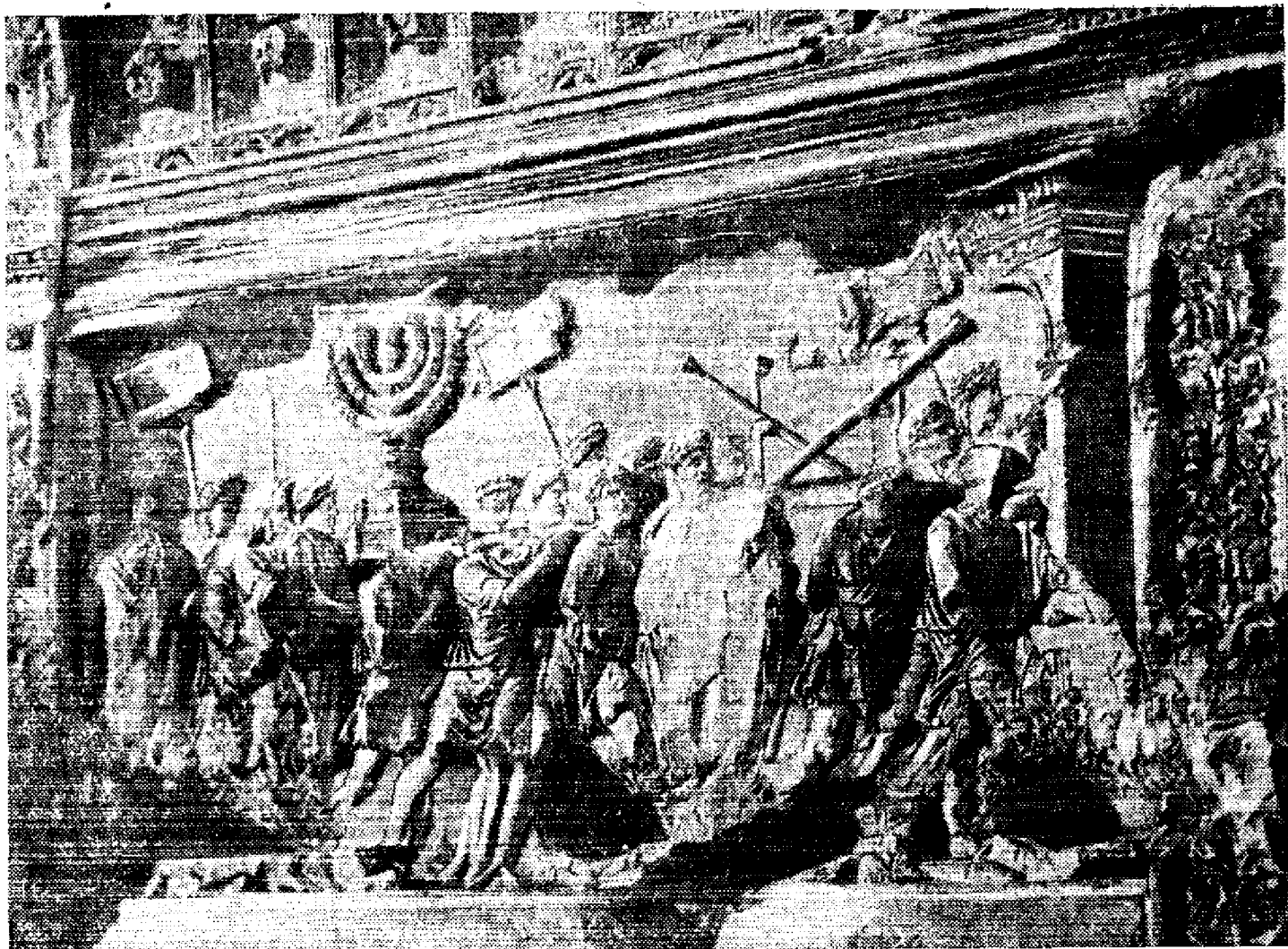
Весной 70 года Тит с 4 легионами, многочисленными вспомогательными отрядами и войсками союзников подступил к стенам Иерусалима. В армии Тита находился со своим отрядом Агриппа, а в свите Тита состоял бывший «защитник» Галилеи Иосиф Флавий.

В Иерусалиме тем временем продолжалась ожесточенная борьба, которая развернулась на этот раз между zelотами, руководимыми Иоанном из Гисхалы, и сикариями, вождь которых Симон со своими отрядами прибыл в Иерусалим. Только непосредственная угроза городу заставила zelотов и сикариев соединить свои силы для защиты от общего врага.

Иерусалим был хорошо укреплен, но он, конечно, не мог устоять против военной техники римлян. Штурмом, однако, Тит не мог взять город. Мало того: отчаянно смелые вылазки гарнизона города нанесли чувствительный урон римским легионам.

Титовы врата в Риме, воздвигнутые в память о войне против иудеев.

Триумф римских завоевателей.

Барельеф на вратах Тита.

В начале весны 70 года Тит приступил к правильной осаде Иерусалима.

Пять месяцев длилась осада. Несмотря на все ужасы голода осажденные с мужеством отчаяния отстаивали каждую пядь земли, совершая безумно смелые вылазки. Когда была занята разрушенная таранами первая линия укреплений, защитники города засели на второй линии. Когда пали стены города и башни, кровопролитные бои продолжались в храме, а затем в Верхнем городе. Наконец, в сентябре римские войска взяли и сожгли последнюю линию обороны. Оставшиеся защитники города, истощенные голодом и боями, уже не могли сопротивляться и были захвачены в плен, в том числе Иоани из Гисхалы. Симон бар Гиора попытался через подземелье пробраться на волю, но голод вынудил его выйти из своего убежища. Он был схвачен римлянами. Отправленный в оковах в Рим, он шествовал за триумфальной колесницей победителей, а после триумфа был уведен в тюрьму и затем казнен.

Иерусалим был разрушен и разграблен. Иерусалимский храм был сожжен. Население Иерусалима, не погибшее от голода и меча, было продано в рабство. В ознаменование покорения Иудеи Веспасиан вы-

пустил монету с надписью: «Покоренная Иудея».

Но хотя императору Веспасиану и его сыну Титу был устроен триумф в 71 году, Иудея полностью не была тогда еще покорена. В руках восставших оставались Махер, Продион, Масада. Покорение этих городов, порученное сирийскому наместнику, досталось римлянам с трудом. Особенно упорно сопротивлялась укрепленная Масада, главный опорный пункт сикариев. Лишь в 73 году после долгой осады римлянам удалось взять Масаду. Чтобы не попасть в руки римлян, оставшиеся в живых защитники крепости и их предводитель Элеазар бен Яир сами друг друга перебили. Вступившие в крепость римляне увидели, что ни одного живого человека в ней не осталось.

Некоторым спасшимся от разгрома повстанцам удалось пробраться в Александрию и Киренаику. Здесь они стали поднимать свреев на восстание. Но александрийское еврейское купечество и представители еврейской знати в Киренаике по своей инициативе приняли меры к подавлению восстания и выдали его инициаторов римлянам. Последние оставшиеся революционеры были преданы жестоким пыткам и казням.

Буржуазные историки и в особенности

еврейские буржуазные националисты при изложении истории иудейской войны совершенно не касаются классовой борьбы в Иудее; в борьбе группировок они видят лишь борьбу честолюбий. Они обрушиваются на «разбойников», «террористов» «тиранов», которые не желали жить в мире с первосвященниками и рабовладельцами и тем якобы привели восстание к поражению. Они используют историю иудейской войны для пропаганды классового мира, для дискредитирования революционного движения масс.

Между тем факты показывают, что только широкие массы трудящихся оказались до конца преданными делу освобождения народа, что вопреки предательству жрецов и руководителей синедриона, богатей и знати, именно сикарии в начале войны привели восстание к победе, в разгар войны героически сражались с римлянами, не прекращая вместе с тем борьбы со своими классовыми врагами, а после подавления восстания в Иерусалиме в течение трех лет стойко держались против союза победивших римских легионов и иудейских эксплуататорских верхов.

Факты показывают, что именно «благонамеренная» «партия мира» принесла народное дело в жертву классовым интересам хищников и эксплуататоров.

Поражение Иудеи не истощило революционной энергии народа. Восстания возобновились при императоре Траяне (115—

116 годы) и с особой силой под руководством Бар Кохбы в 132—135 годах. Но оба эти восстания кончились поражениями, которые привели к усилению среди евреев религиозно-мистических мечтаний, к укреплению веры в небесного спасителя — мессию.

«Слабость, — писал Маркс, — как всегда спасалась верой в чудеса, считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении...»¹

Иудейская война — один из интереснейших эпизодов борьбы угнетенных против угнетателей. «Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными. Только в нашей стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян»².

¹ К. Маркс «Восемнадцатое Брюмера». Соч. Т. VIII, стр. 327. 1930.

² И. Сталин. Речь на II всесоюзном съезде советов. Стр. 30—31. 1938.

С. Безбах

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С УЧАЩИМИСЯ ПО ИСТОРИИ

Время, отведенное для прохождения курса истории, очень невелико по сравнению с материалом программы. К тому же у учащихся, если учитель сумел заинтересовать их предметом, появляется естественное желание углубить свои знания по той или иной теме. Слабые же учащиеся, не успевающие усвоить в течение урока новый материал, требуют дополнительной помощи.

Все это ставит перед учителем, желающим добиться прочных знаний у своих учеников, задачу организации вспомогательной работы вне класса.

Помимо общеизвестных форм в виде кружков и экскурсий существует много других разнообразных методов.

Изложенные ниже виды вспомогательной работы были осуществлены автором в 1937—1938 учебном году в V и VI классах 8 и 11-й школ Выборгского района Ленинграда и очень помогли ему заинтересовать учащихся предметом и повысить усвоение основных знаний по истории нашей родины. В то же время эти мероприятия постепенно приучали учащихся к углубленной самостоятельной работе и вдумчивому подходу к прочитанному материалу.

Руководство чтением учащихся

Одна из важнейших задач вспомогательной работы — правильно организовать домашнее чтение учащимися исторической литературы, выходящей и самостоятельными изданиями и в периодической печати.

Приступая к руководству чтением, учитель прежде всего должен учесть литературу, имеющуюся в школьной и местной массовой библиотеках. Если он организовал для себя вспомогательную картотеку, аналогичную той, что описана в статье о под-

готовке к уроку¹, то составляются также же карточки на имеющиеся в библиотеках издания и вставляются в соответствующие отделы картотеки. Можно поручить это учащимся. Они охотно возьмутся за дело и попутно научатся заполнять библиографические карточки. В дальнейшем надо условиться с библиотекарем и все вновь поступающие книги брать на учет с помощью тех же учащихся.

Далее просматриваются журналы и выбираются в них статьи, заметки, рисунки, задачи и т. п., содержащие исторический материал.

Для учащихся 5—6-х классов можно использовать журналы «Пионер» и «Костер». В 8 и 9-х классах можно рекомендовать ученикам отдельные статьи из «Исторического журнала», а в 9 и 10-х классах — статьи из «Историка-марксиста». Для небольших самостоятельных работ (докладов, рефератов и т. п.) можно использовать и материалы, помещенные в «Красном архиве». Например в связи с темой о восстании Пугачева можно провести работу над текстом допросов Пугачева и Хлопуши, опубликованным в №№ 68, 69—70 «Красного архива».

Кроме того исторические материалы помещаются иногда в массовых журналах «Смена», «Работница», «Крестьянка» и других. Поэтому надо просматривать регулярно те из них, которые выписываются местными библиотеками и самими учащимися, вносить все исторические статьи на карточки и включать в соответствующие разделы картотеки, отмечая в левом верхнем углу, какому возрасту можно рекомендовать их для чтения.

В дальнейшем можно поручить определенным учащимся следить за вновь выходящими номерами и брать на учет все соответствующие материалы.

Выполнив это, учитель получит в свое распоряжение несколько десятков статей, повестей и рассказов, целиком отвечающих курсу или расширяющих знания учащихся в других разделах истории.

Пройдя эту первичную стадию, можно перейти к работе с классом. В тетради по истории, имеющейся у каждого учащегося, отводится несколько страниц, специально разграфленных, под заголовком «Надо прочесть по истории». Время от времени учащиеся записывают сюда рекомендуемые названия.

Как видно из рисунка, на листке, помимо графа для порядкового номера, автора и

¹ См. «Исторический журнал» № 5 за 1938 год.

Наде прочесть по Истории СССР

№№ по порядку	Автор	Название, где напечатано	В каком § учебн. атлас.	Когда прочесть	Впечатления и замечания о прочитанном
1	А. Шевченко	„Поэт Евксинский“, „Пионер“, 1938 г., № 4, стр. 109	4		
2	Володя Смирнов	„Путь из варяг в греки“, „Костер“, 1938 г., № 1, стр. 45	6		
3	А. Пушкин	„Песнь о вещем Олеге“	6		
4	В. Васильев	„Слово о полку Игореве“, „Костер“, 1938 г., № 5, стр. 35	10		
5	Г. Шторм	„Куликовская битва“, „Пионер“, 1938 г., № 4, стр. 44	13		
6	А. Разумовский	„Василий Блаженный“, „Костер“, 1938 г., № 1, стр. 24	17		
7	М. Лермонтов	„Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“	18		
8	А. К. Толстой	„Князь Серебряный“	18		
9	Т. Богданович	„Соль Вычегодская“	13		
10	Н. Гоголь	„Тарас Бульба“	22		
11	В. Самойлов	„Землепроходец Семен Дежнев“, „Пионер“, 1938 г., № 4, стр. 74	24		
12	А. Пушкин	„Арап Петра Великого“	—		
13	А. Пушкин	„Полтава“	28		
14	А. Пушкин	„Медный всадник“	28		
15	О. Виглин	„Куншт — камора“, „Наука и жизнь“, 1938 г., № 1, стр. 63	29		
16	И. Лажечников	„Ледяной дом“	30		
17	А. Пушкин	„Капитанская дочка“	31		

заглавия, имеются еще места для отметки о прочитанном, записи впечатлений и замечаний. Такая система дисциплинирует учащихся, приучает их к порядку. Учащиеся часто пишут коротенькие отзывы о прочитанном и таким образом попутно учатся формулировать свои мысли. При периодическом просмотре тетрадей учитель учит все эти отметки в своей работе.

Когда тетради подготовлены, учитель объявляет в классе первую группу названий произведений, которые надо прочесть. Они пишутся на доске, и учащиеся переписывают их в тетради.

Книги и статьи желательно давать учащимся последовательно, подбирая их по темам проходящего курса. Вот тут-то и пригодится указанный выше прием расстановки библиографических карточек в разделе картотеки. Рассказав, например, о походе Ивана Грозного на Казань и Астрахань и упомянув о постройке «в память этого события собора Василия Блаженного в Москве на Красной площади, учитель в заключение указывает на рассказ Разумовского в № 1 журнала «Костер» за 1938 год, где описана история постройки собора и судьба его зодчих, Бармы и Постышка. При этом надо иметь в виду, что рекомендовать можно только то, что преподаватель

сам прочел или просмотрел. Кроме того можно так же советоваться с библиотекарем. Книжки, содержащие исторические ошибки, нельзя рекомендовать детям, так как они не могут отнестись критически к материалу.

Мало указать, что читать, надо следить за тем, как дети читают. С целью приучить учащихся к более углубленному усвоению прочитанного время от времени проводятся дополнительные мероприятия (конференции читателей, собрания кружкового порядка с докладами, разборами, беседами и т. п.). Кроме того можно задавать при опросе в классе вопросы по содержанию прочитанного и наталкивать учащихся на самостоятельные выводы, причем эти ответы обязательно учитываются при отметке.

Работа по руководству чтением требует от учителя очень немного времени. Вскоре сами ученики будут помогать ему в этом деле. Так, он рекомендует книгу Богдановича «Горный завод Петра III», а ему принесут книгу Злобина «Салават Юлаев». Постепенно список будет расти, попутно будут расти и знания учащихся.

В некоторых случаях можно с помощью учеников подобрать целую библиотечку для чтения. Одни принесут №№ журналов

(«Пионер», «Костер», «Вокруг света», «Вестник знания» и др.), другие — имеющиеся дома книжки по истории. Все это учитель просмотрит (в особенности дореволюционные издания), отберет ценное, а ненужное возвратит владельцам. Могут попасться и явно вредные книжки, забивающие головы детей неверными сведениями, прославляющие бога и царскую власть. Такие книжки надо постараться вообще изъять из обращения, может быть, выкупить у владельца и уничтожить, вырезав предварительно интересные иллюстрации.

Подобранная с помощью учащихся, библиотечка работает либо самостоятельно либо передается в качестве передвижки в школьную библиотеку. В том и в другом случае выдавать книги должны ученики — участники организации библиотечки.

По окончании учебного года эту библиотечку надо обязательно раздать владельцам, чтобы не подорвать их доверия и обеспечить успех этого мероприятия и в будущем году.

Описанная работа поможет и учителю накопить известный опыт. Руководя чтением ребят, учитель в то же время сблизится с ними, узнает их интересы и легче сможет воздействовать на них.

Кроме того из прошедших через его руки изданий он выберет дополнительно немалый фактический материал, которым оживит свои уроки в классе.

Книга вырезок

Очень полезно также применение так называемой «Книги вырезок».

В «Пионерской правде», «Ленинских искрах», «Комсомольской правде» помещается много коротеньких, но очень содержательных статей и заметок по истории.

Учитель объявляет в классе о сборе вырезок. Уже на следующий урок ученики принесут вырезки. В большую перемену или после уроков можно начать с помощью 2—3 учащихся-добровольцев изготовление «Книги вырезок».

Из плотной бумаги любого цвета нарезаются листы формата с большой книги (18 × 26 сантиметров). С левой стороны листа пробиваются два отверстия. Разобранные по темам вырезки наклеиваются на листы.

При этом нужно учесть следующее:

а) На каждый отдельный лист можно наклеивать только иллюстрации по одной теме (например «Путь из варяг в греки»). Если останется место, то его заполняют материалом на ту же тему. Например вырезка «Ледовое побоище» из «Пионерской правды» дополняется вырезкой на ту же тему из «Ленинских искр». Если одного

листа не хватает, продолжают клеить на втором, сделав соответствующую пометку в правом верхнем углу.

б) Клеить надо только столярным клеем, клейстером из крахмала или картофельной муки или же фотоклеем-пастой. Ни в коем случае нельзя употреблять канцелярский клей (гуммиарабик). Он разрушает бумагу, особенно газетную; через короткое время вырезка пожелтеет и вскоре распадется на обрывки. Вырезка наклеивается целиком, а не только по краям. Клей употребляется густой. От него бумага меньше жоробится при высыхании.

в) При расположении вырезок на листе надо обратить внимание на эстетическую сторону работы. Столбцы вырезок кладутся рядом с просветом в 5—6 миллиметров, ближе к правому краю. Заголовки и рисунки располагаются так, чтобы страница в целом выглядела нарядно. Наклейка должна быть произведена очень аккуратно. Нужно помнить, что «Книга вырезок» обойдет весь класс, и нельзя пренебрегать возможностью воспитания через нее в учащихся чувства аккуратности, порядка и красоты. В тех же целях прививания ученикам полезных навыков необходимо под каждой вырезкой делать библиографическую ссылку (например к вырезке «Как прочли пероглифы» делается указание, что она взята из № 50 «Ленинских искр» от 29 мая 1936 года).

Когда вырезки наклеены на листы, последние собираются в книгу. Вложив их в обложку с такими же отверстиями, продевают сквозь них шнурок и завязывают. Предварительно на каждом листе и на лицевой стороне обложки делается продольный сгиб вдоль отверстий (отступя 5—8 мм. от них), для того чтобы книгу легко было открывать при чтении.

На обложке ученик, умеющий рисовать, делает виньетку и заголовок. Например:

«ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ».

Книга вырезок № 1. Класс 6-а

8-й средней школы,

Выборгского района.

Книга такого рода очень удобна. Можно подбирать листы с вырезками по разным темам, из одной книги сделать несколько и т. п. С помощью «Книги вырезок» можно распространить среди учащихся много интересного материала из газет, которые обычно читают далеко не все учащиеся. В форме книги этот материал не только обойдет весь класс, но пригодится и при повторении и при подготовке к испытаниям. По окончании учебного года «Книга вырезок» поступает в библиотеку и будет использована в последующие годы, когда от старых газет и следа не останется.

ВОЙНА 1812 ГОДА

Удачно оформленная витрина о войне 1812 года.

Такая подборка, проводимая из году в год, даст учителю много полезного материала, заменит отчасти книги, недостающие по отдельным темам, и облегчит преподавание курса.

Нечего и говорить, что вся работа с «Книгой вырезок» также проводится силами учащихся и отнимает у учителя, в общем, очень мало времени на организацию, руководство и наблюдение. Один ученик собирает вырезки, другой наклеивает, третий ведет выдачу отдельных выпусков книги для чтения, следит за сохранностью книги.

В старших классах можно такую же работу проделать с газетами для взрослых, постоянно помещающими ценные материалы по истории.

В итоге за ряд лет в разных классах школы можно собрать много «Книг вырезок», которые гораздо удобнее применяемых в наших школах альбомов вырезок с их бессистемным подбором при наглухо закрепленных в корешках листах, неудобным для хранения форматом и далеко не эстетическим оформлением.

Историческая витрина

Демонстрация наглядных пособий (диапозитивов, таблиц, карт и т. д.) на уроке недостаточна, особенно для слабых учеников, так как они не успевают разобраться в деталях во время быстрого просмотра. В целях устранения этого недостатка, а попутно расширения и углубления конкретных знаний об изучаемой на уроках эпохе можно применять «Исторические витрины».

Для этого изготавливаются рамы со стеклом, в которые вставляются листы фанеры. Размер желателен возможно больший

(100 × 75 см., 150 × 100 см.). Эти рамы вешаются в школьном коридоре.

Так же как и в предыдущих случаях учитель широко использует активность учащихся. Постоянно подбирая всевозможный наглядный материал (открытки, цветные и черные репродукции, вырезки из иллюстрированных журналов, вырезки из обрывков старых книг с рисунками, фотографии, рисунки и пр.), преподаватель предлагает делать то же своим ученикам, привлекает рисующих для копирования выбранных иллюстраций, подбирает монтажеров, шрифтовиков и т. п.

После прохождения какого-нибудь раздела программы в коридоре появляется витрина с серией иллюстраций, частично повторяющих виденное в классе, частично новых.

При оформлении подобранного по теме материала надо учесть следующее:

а) Нельзя давать много мелких однообразных иллюстраций. Зачастую сама по себе неплохая по содержанию, с оригинально сделанным заголовком подборка на какую-нибудь тему потеряет внешне очень много из-за того, что будет состоять из одних открыток — хотя и красочных — и мелких рисунков. Совсем иное впечатление оставляет витрина «Война 1812 года», где наряду с открытками помещены также крупные многокрасочные репродукции с известных картин Верещагина.

б) При отборе иллюстраций для витрины нужно выбрать такие, которые освещают существенные моменты изучаемого периода и технически лучше выполнены. Повторения безжалостно отбрасываются: от этого витрина только выиграет. Так например благодаря строгому отбору открыток, изобра-

жающих терема в Кремле, для витрины «Старая Москва» было создано яркое представление об этом замечательном памятнике древнерусского зодчества.

в) Когда готовые иллюстрации подобраны, а недостающее воспроизведено учениками-художниками, надо продумать тексты подписей и заголовков. Подписи ни в коем случае нельзя давать в обычном виде, например «Вече Новгородца»; надо с помощью подписи мобилизовать внимание зрителя, заставить его в связи с этой картиной вспомнить уже известное ему. Поэтому подпись должна выглядеть так: «Какую роль играло вече в Новгороде и чьи интересы оно защищало?». Заголовок должен быть краток и тоже напоминать пройденный раздел курса («Завоевание Кавказа», «Война 1812 года» и т. п.).

г) Помимо иллюстраций желательно включать и тексты художественного характера. Так, на витрине «Санкт-Петербург» был помещен очень красочный пушкинский стих:

«Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...»

А для витрины «Старая Москва» использованы пушкинские же слова:

«Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!»

Такой приём не только привлечет внимание, но даст возможность ученикам запомнить кратко художественные характеристики, обогатит культуру их речи.

д) Оформление витрин должно проводиться очень тщательно. Если художественный момент важен в «Книжке вырезок», то здесь он еще важнее. Ведь витрина будет висеть в коридоре, где собираются все учащиеся. Она должна быть нарядной и красивой. Для фона под иллюстрации надо употреблять тонкую бумагу, лучше всего плакатные матовые обои. Они стоят недорого и выгодно выделяют любой экспонат. Обои удобны еще тем, что позволяют закреплять экспонаты не портя. Если это открытка, то в обоях делают уголки (как в альбоме); если это страница книги, где рисунок

занимает только часть листка, в обоях в соответствующем месте делается прорез по размеру рисунка, и страница, положенная снизу, прижимается фанерой к стеклу.

Надписи лучше делать либо прямо на обоях либо на полосках бумаги. Последнее менее изящно, так как бумага резко выделяется на фоне обоев, «режет глаз».

Заголовок витрины делается накладными буквами под стиль отражаемой эпохи. Буквы из обрезков картона промазываются столярным клеем и посыпаются елочными блестками, цвет которых подбирается к цвету фона. Под стеклом блестки выглядят очень нарядно. Можно буквы обернуть станолью от конфет и покрыть цветным лаком.

Оформленная таким образом витрина обязательно привлечет внимание учащихся. Ее будут рассматривать в перемены, до и после уроков, обдумывать показанные в ней материалы. Таким путем целый ряд конкретных исторических знаний незаметно закрепится в памяти учащихся.

Имея несколько рам, можно последовательно показать всей школе серию тем. Первую витрину сперва вывешивают в коридоре, где находится класс, составивший ее. Когда появится новая витрина на другую тему, первая перевешивается в коридор другого этажа, а на ее место помещается вторая и т. д.

Неплохо около витрин вывесить историческую карту, портреты исторических деятелей.

И здесь учитель затратит очень мало времени на организацию и руководство. Надо лишь подобрать подходящих учеников, интересующихся и любящих историю. Первую витрину придется приготовить с ними целиком; для следующих надо лишь просмотреть и отобрать материал, проверить и отредактировать составленные учениками подписи и надписи, утвердить расположение материала. Все остальное выполняют сами ученики. При известной налаженности и предварительной договоренности в течение года можно изготовить целую серию витрин на последовательные разделы курса.

Разобрав одну, обобщив всю школу витрину, возвратив иллюстрации владельцам или передав на хранение в школьный методкабинет, можно сейчас же монтировать следующую и т. д.

РИСУНОК И КАРТИНА НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Для того, чтобы добиться в преподавании истории конкретности и занимательности, необходимо использовать на уроках картины и рисунки. В связи с этим следует остановиться на методике использования этого материала. Но прежде всего возникает вопрос, откуда взять необходимый иллюстрационный материал. Перечислим некоторые издания.

Издательства СССР выпустили еще очень немного картин по истории. Учпедгизом выпущены картины большого размера: 4 картины по истории докалассового общества, 6 картин по древней истории и 10 картин по истории СССР. Музей революции СССР выпустил несколько картин по истории рабочего движения в царской России и по истории СССР. Изданы альбомы по истории партии. Массовым тиражом вышли открытки, изданные Музеем революции СССР и Музеем Красной Армии. Однако все эти издания давно разошлись.

В последние годы появились книги с хорошими иллюстрациями, изданные Госиздатом. Очень хороши иллюстрации «Истории гражданской войны в СССР» и ряда книг Издательства политической литературы.

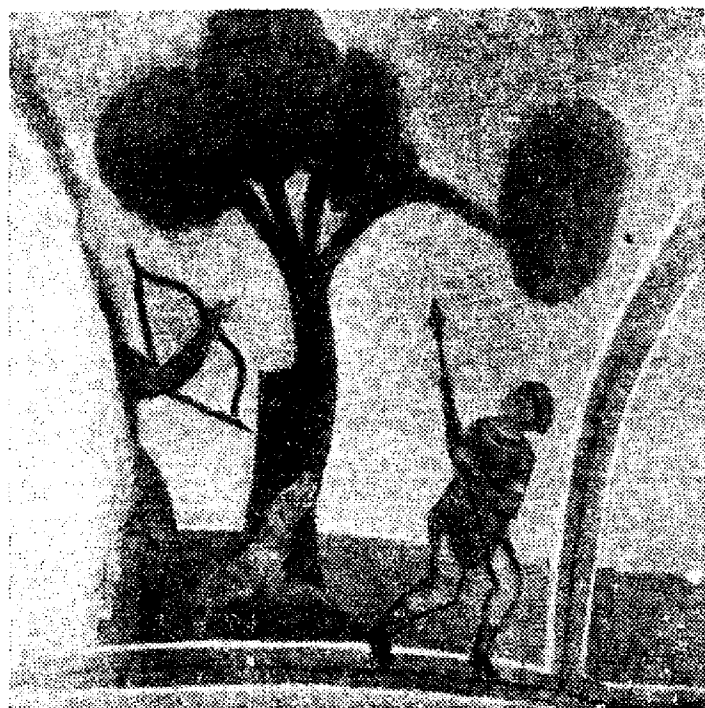
Госиздату следовало бы выпустить отдельным альбомом рисунки и картины из «Истории гражданской войны». Надо также шире развернуть выпуск открыток типа «Москва — Кремль» (три серии), отпечатанных Гознаком.

Больше всего рисунков и картин можно найти в изданиях Изогиза. Вот некоторые из этих изданий: А. И. Некрасов «Древнерусское изобразительное искусство», В. В. Павлов «Очерки по искусству древнего Египта», Варшавский «Передвижники», В. В. и Е. В. Журавлевы «Художник Иванов», К. С. Кузьмичевский «Русская реалистическая иллюстрация XVIII—XIX вв.», Кукрыникины «Кого мы били» (каржатура), Р. Кауфман «Д. Моор» и др. Отметим также в издании «Академия» такую кни-

гу, как Н. И. Брунова «Очерк по истории архитектуры». Прекрасные иллюстрации имеются в журнале «Юный художник» Детиздата ЦК ВЛКСМ. Иллюстрированный материал есть также в «Историческом журнале», в «Вестнике древней истории» и т. д. Снабжены интересными картинками и рисунками отдельные исторические книги, например Н. А. Куца «Что рассказывают древние греки о своих богах и героях» или В. А. Тураева «История древнего Востока». Имеются иллюстрированные издания музеев и художественных галерей, например «Антирелигиозная экскурсия», изданная Государственной Третьяковской галереей. Необходимо использовать и дореволюционные издания. Однако достать старые серии исторических картин в издании Думнова, Гроссмана, Кнебеля, Сытина и др. очень трудно. Дореволюционные исторические картины относятся в основном к древней и средней истории. Новая история иллюстрировалась преимущественно портретами всяких царей и батальными сценами. Кроме того многие рисунки и картины, которые можно собрать по истории России, совершенно не удовлетворяют советского историка-преподавателя своим освещением событий. Сейчас в музеях идет большая работа по собиранию старых и написанию новых картин, рисующих положение угнетенных народов. Преподаватели должны также использовать рисунки и картины на исторические темы, помещаемые время от времени в наших центральных газетах: «Правде», «Известиях»,

«Кого мы били». Колчак. Рис. Кукрыникины.

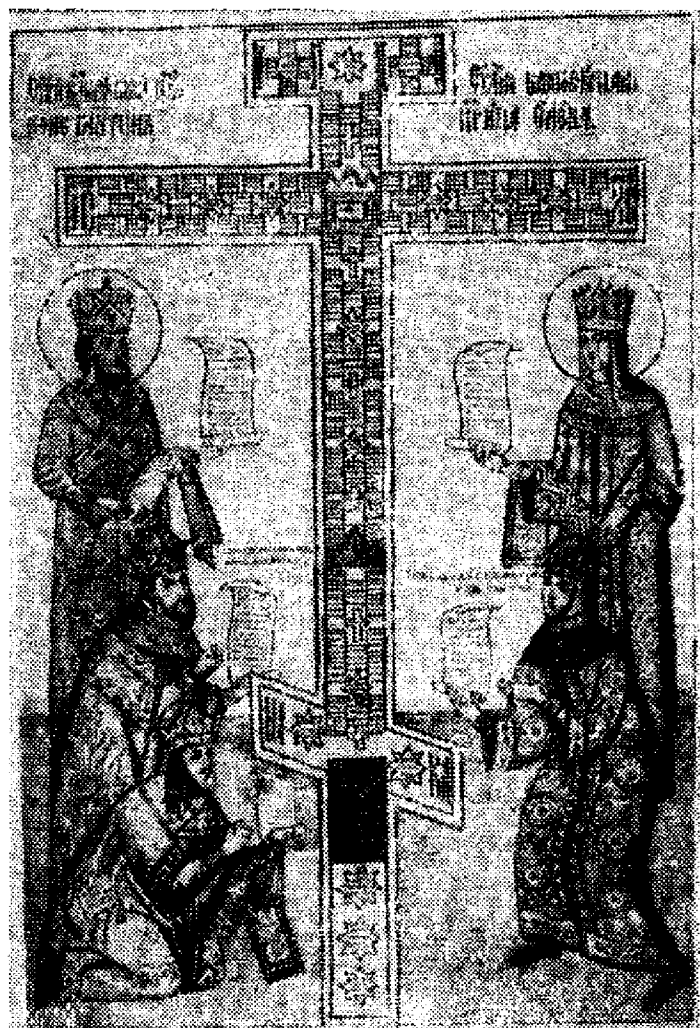
Охота. Фреска на лестнице Софийского собора. Киев.

«Комсомольской правде» и «Пионерской правде», — например «Летовое побоище», «12-й год», «20 лет Красной Армии» и др.

В общем нужно признать, что положение с рисунком и картиной по истории обстоит еще не достаточно хорошо.

Отбор рисунка

При отборе рисунка и картин для уроков приходится иметь дело главным обра-

Нарсуна Иконо. Гос. исторический музей.

дом с репродукциями картин или рисунков. Демонстрировать рисунок и картину полезно только тогда, когда они реалистичны и просты. Например фрески с лестницы Софийского собора в Киеве; с небольшими комментариями преподаватель может с помощью этих фресок дать ученикам отчетливое представление об охоте и о развлечениях киевских князей X и XI веков. Сильно действуют на учеников такие документы и картины, как портреты исторических деятелей, например Александра Македонского в битве с персидским царем Дарием (фреска из Помпеи). Исключительно большое впечатление производят на ребят карикатуры и композиции типа серии Кукрыниксы «Кого мы били».

По содержанию рисунка и картины историю приходится иметь дело со всевозможной тематикой: батальной, бытовой, социальной, пейзажной и т. п. Любая тематика представляет интерес, так как освещает какую-нибудь сторону жизни или быта.

Репродукция скульптурных и архитектурных произведений равноценна репродукции картин и рисунков.

Рисунки и картины-композиции существенно отличаются от рисунков и картин-документов. И рисунки и картины-композиции преподаватель должен подвергнуть критике, прежде чем использовать на уроках. Для целей преподавания важна историческая точность, а также четкость и ясность репродукции.

Рисунок и картина-композиция могут охватить всю тему урока, поэтому они удобны в младших классах. Такими композициями являются исторические картины под редакцией Тарасова и Маравского, Князькова, Мемана и др.

Примером картины-композиции может служить икона-плакат, находящаяся в Государственном историческом музее, изображающая осаду новгородскими войсками Новгород-Великого. На иконе-плакате показано, как, помимо войск московского царя, по приказу «небесного царя» новгородцев осыпало стрелами «небесное воинство», как по тому же приказу «царя небесного» совершилось «чудо» и река Волхов изменила свое течение, потекла вверх, затопила высокие места и потопила массу новгородцев. Не довольствуясь истреблением новгородцев такими способами, «царь небесный», желая во что бы то ни стало покорить московскому царю Новгород, посылает огненную тучу, которая стала сжигать всех тех новгородцев, которым удалось укрыться и от стрел «ангелов» и от наводнения Волхова. Цель плаката-иконы

Скоморохи и уличные представления в России. XVII век.

Рис. Оллария.

ясна, агитация его обнажена до деталей: новгородцы, не сопротивляйтесь войскам московского государя, это — дело безнадежное, ведь на их стороне сам «царь небесный» с ангелами и со всей «чудотворной силой». А ты, московское войско, и вы, московские ратные люди, идите смело на приступ Новгорода: вы боретесь за «божье дело», вам помогает «небесное воинство».

Среди культовых рисунков и картин типа плакатов следует еще обратить внимание на парсуны полуконны-полупортреты «земных» господ. Парсуны на уроках истории могут быть широко использованы. Вот большая парсуна с изображением греческого императора Константина и его матери Елены («святые»), под ними Алексей Михайлович и его жена, а под Алексеем Михайловичем — патриарх Никон. Парсуна была написана по заказу патриарха Никона; она может быть использована на уроках истории на тему «церковная реформа Никона и раскол». Этот плакат полуконна-полупортрет (есть святые и не святые) утверждает близость к богу «земных властей», находящихся под особым высоким покровительством. Власти эти — лица светские и духовные, причем опорой светской власти на земле является духовная власть в лице патриарха.

Наши историки недостаточно внимания уделяют рисункам и картинам с изображением повседневной жизни масс. Такой документальный материал крайне необходим историку: он помогает показать ученикам развернутую картину быта народных масс. К категории подобных рисунков следует отнести известные многим историкам, но мало пока использованные гравюры Дюрера, отражающие эпоху крестьянских войн в Германии: рыцарь, захваченный в плен крестьянами, совещание крестьян и др.

Картины «В монастырской гостинице» Корзухина или «В монастырской трапезной» Шерова ярко и остро рисуют быт монахов и их «благодетелей» купчих. Разве репинский «Крестный ход в Курской губернии» не дает представление о классовом составе царской помещичьей России?

Как читать рисунок и картину

Читать рисунок или картину — это значит уметь пользоваться ими так же, как писанным текстом для преподавания.

При чтении художественных картин и рисунков следует исходить из следующего положения: образ вызывает у зрителей известное представление, которое затем мы

выражаем словами. Это путь от образа к слову.

Принято читать и объяснять всякий художественный рисунок и картину со стороны выполнения их и со стороны содержания. При искусствоведческом подходе часто делается упор на отдельных деталях, за которыми теряется самое содержание. С другой стороны, чтение и объяснение художественного рисунка и картины исключительно только по содержанию приводят к обесцениванию художественной ценности рисунка и картины. Поэтому необходимо при показе художественного рисунка или картины наряду с раскрытием сюжета указать на значение их с художественно-искусствоведческой стороны. Впоследствии у ребят под руководством грамотного преподавателя выработается умение самостоятельно читать рисунок.

На правильное понимание картины нужно натолкнуть самих ребят двумя—тремя словами. В этом мастерство художественного истолкования картин и рисунков, к этому следует стремиться историку.

Проще, но тоже нелегко, читать и объяснять художественный рисунок или картину-документ, т. е. такой рисунок или картину, которые сделаны современниками. Если же рисунок или картина-документ является зарисовкой (Олеарий, Мейерберг), фиксирующей какой-либо факт или явление, то они объясняются ребятами исключительно по своему содержанию. В тех случаях, когда в рисунке не соблюдены перспективы или пропорции разных фигур или даны условные изображения, что наблюдается на рисунках Египта, Древнего Востока, Китая, Японии и т. д.—необходимо дать ребятам объяснение этих особенностей.

Подготавливая к уроку иллюстративный материал и выбирая из него необходимый, историк сплошь и рядом сталкивается с тем, что некоторые картины и рисунки могут быть использованы на уроке только частично. Здесь можно провести аналогию со словесным художественным произведением или документом: как из словесного произведения берутся цитаты, параграфы, главы и т. п., так и из графического изображения берутся иногда части их.

Один и тот же рисунок и картина могут быть демонстрированы на разных по темам уроках. Поэтому историк должен тщательно изучать рисунки и картины, а не просто приносить их в класс для показа.

Демонстрируя ребятам бытовые картины и портреты, необходимо путем анализа приблизить их к ребятам, сделать их понятными. К серии таких рисунков и картин-документов можно отнести почти все рисунки и картины Древнего Востока, Гре-

ции, Рима, Древнего Китая, средневековья. К рисункам и картинам, извращающим реальность, нужно применять критику. Такие картины и рисунки можно найти по всем разделам истории.

Показ рисунка и картины

Когда и каким образом рисунок и картина того или другого размера могут быть использованы на уроках?

Легче пользоваться рисунком большого размера, который хорошо виден с мест, если он удачно поставлен.

Рисунки же и картины небольшого размера вызывают ряд затруднений при демонстрации. Если быстро пройти по классу с рисунками, то это едва ли оставит должное впечатление среди ребят, если же останавливаться дольше около смотрящих ребят, то это вызывает у несмотрящей части класса излишнюю пассивность, влекущую за собой нарушение дисциплины.

Поэтому следует предпочесть рисунки, соединенные в альбом, но не наклеенные, с тем чтобы можно было в любой момент и в любом порядке доставать их оттуда. Еще лучше, если отработанные рисунки и картины оформить на щите и некоторое время продержать их в классе.

Важным методическим вопросом является вопрос о времени пользования рисунком и картинами: до, во время или в конце урока. Этот вопрос разрешается применительно к теме урока, к картине и к классу. Задача эта довольно сложная и требует тщательного учета всех обстоятельств. Картина, показанная в начале урока, является зарядкой, показанная же в конце урока, после рассказа, помогает повторить проработанный на уроке материал. И в том и в другом случае роль преподавателя пассивна.

Иное положение создается при использовании преподавателем рисунка и картины в процессе самого урока. Тогда по рисункам и картинам идет либо повторение и контроль проработанного материала либо проработка нового материала и закрепление его. Самым ответственным моментом работы преподавателя с рисунком и картиной является проработка иллюстраций во время урока при изучении нового исторического материала.

При даче задания к следующему уроку преподаватель должен фиксировать внимание ребят на рисунках и картинах. Рисунки и картины должны сопровождать каждый урок истории. Они закрепляют и воспроизводят проработанный в классе материал.

Методика проверки урока по истории, по рисунку и картине разработана недостаточно. Преподаватели истории должны

поэтому наблюдать и учитывать эффективность ответа ребят по рисунку и картине.

Непраздным вопросом является количество рисунков и картин на уроке истории. Строго дозировать их число, безусловно, нельзя. Норма зависит от класса, от темы и от характера рисунков и картин. В младших классах предпочтительны уроки истории по картинкам композиционного характера. В зависимости от объема содержания урока и композиции можно дать и две—три картины («Новгородское вече» и «Новгородская торговля» Учпедгиза), но можно ограничиться и одной («Во дворе удельного князя» или «Связ крестьян» и т. п. издания Гроссмана, Сытина, Думнова).

Чем старше класс и чем насыщеннее урок, тем больше приходится прибегать к отдельным рисункам, картинкам-документам (миниатюры, рисунки Олеария, Мейерберга и т. п.), к отдельным отрывкам-«цитатам» из художественных картин (Сурикова, Рябушкина, Ренина и др.) и к картинкам, составленным по типу научно-исследовательских исторических произведений (А. Васнецов и др.). В старших классах возможны уроки, построенные на отрывках картин, рисунков (как документов, так и научных и художественных произведений и композиций). Единственно, о чем следует предостеречь преподавателя, это, чтобы он не обращал урок истории в беглый просмотр целых серий рисунков и картин разных типов. Повторные уроки можно построить на целой серии рисунков. Это сравнительно широко практикуют преподаватели при помощи серий диапозитивов и исторических фильмов. К этой же категории можно отнести и посещение музеев и картинных галерей.

Как изготовить пособие из рисунков и картин для классного пользования

На каждую отдельную тему, которая проходит в один или в несколько уроков, наберется ряд рисунков и картин. Эти рисунки и картины требуют монтажа. Обычно их объединяют в одной большой тетради. Но неудобство альбомного распределения рисунков и картин заключается в том, что смотрит альбом небольшая группа, смотрит, так сказать, бесконтрольно со стороны преподавателя. Кроме того учащиеся смотрят одни рисунки и картины без текста, для которого обычно нет места. Рисунки же и картины, скомпонованные на щите-плоскости, видит весь класс. Главное преимущество расположения рисунка на щите состоит в сочетании с текстом и в том разнообразии, какое можно придать расположению рисунков, картин, таблиц, диаграмм, карт и т. п. Имеются

Часть щита о борьбе кавказских народов.

и неудобства в композиции щита, заблаговременно изготовленного. Но они легко устранимы, так как с помощью кнопок легко произвести перестановку материалов на щите. Следовательно, несколько не снижаются преимущества щита перед альбомом, главное назначение которого в систематическом и тематическом расположении и хранения рисунков и картин. На щите всегда можно и нужно отвести место высказываниям классиков марксизма, цитатам из художественных произведений или документов, высказываниям самих исторических личностей и т. п.

Взять хотя бы такую тему, как «Россия XVIII века — империя помещиков и купцов», т. е. эпоху Петра I. О Петре I имеется прекрасная характеристика товарища Сталина; дальше высказывание Ключевского и ряда буржуазных ученых-историков; художественные характеристики Петра I, сделанные Пушкиным, Алексеем Толстым и др.; есть фольклорный материал, а также высказывания самого Петра I. Интересный материал имеется также по таким темам, как монголо-татарское иго, польская и шведская интервенции. На каждом щите следует помещать марксистско-ленинские цитаты, дающие установку всей теме.

На щитах помещаются также карты, диаграммы и хронологические даты. Щит делается на плотной бумаге, картоне или

Фашисты готовят нападение на Советский Союз.
Долой фашистских поджигателей войны! На защиту
СССР — отечества трудящихся и угнетенных всех стран!

Мы стоим за мир и отказываемся делить мир.
Но мы не боимся угрозы и готовы ответить
ударом на удар поджигателей войны!

Сталин

Антивоенный плакат Изогиза.

Художник Ян:

даже фанере размером в 1, 1½ и 2 метра на 2, 3 метра. Приступая к монтажу определенной темы, преподаватель изучает содержание данной темы по трудам классиков марксизма, по документам, художественным произведениям и т. д. Одновременно он подыскивает рисунки-документы и рисунки-композиции. Под рисунком и картиной следует давать фамилию автора-художника и место хранения (музей, книга, альбом). Изучением писанного и графического изобразительного материала заканчивается первый период композиции темы. Затем наступает следующий, важнейший этап в оформлении щита — составление плана или, как говорят, макета щита. Макетирование щита может идти по двум путям. Первый путь — на плоскости щита распределяется весь заготовленный материал в том порядке, в каком предполагается его смонтировать. Это возможно, когда весь текст и весь изобразительный материал имеется налицо. Второй путь — предварительно делается проект макета; на уменьшенной плоскости щита отводятся места для текста и иллюстраций в том порядке, как они запроектированы на щите. Текст выписывается целиком или обозначаются страницы книги, откуда он цитируется, рисунок берется только в названии, а если нужно, то в кратком описании. Тут же указываются размеры текста, иллюстраций, а также цвет фона.

Следует предусмотреть и чисто оформительные детали будущего щита: чтобы он был внешне привлекателен, не был перегружен рисунком или текстом; чтобы шрифт на щите соответствовал общему стилю. Как правило, желательно писать текст черной тушью и печатными буквами современного простого шрифта. Но если по теме на щите сопоставляются два борющихся класса, то допустима красная тушь в цитатах о поработанном классе. Можно также использовать в отдельных случаях шрифт, внешне приближающийся к древним или национальным шрифтам (клинопись, китайский, славянский и др.), но тоже в небольшой дозировке, как своеобразную графическую деталь щита.

Так как весь текст невозможно поместить на щите, то остальная его часть печатается на машинке и кладется в специальные конверты-кармашки, приклеенные к щиту с соответствующими надписями. В такие кармашки следует уложить и списки научно-популярной художественной литературы с указанием страниц, если это статьи, помещенные в журналах и с краткой аннотацией их. Желательно положить также в эти кармашки рисунки и картины, не поместившиеся на щите или имеющие второстепенное значение для данной темы, и списки рисунков и картин, относящихся к данной теме с указанием мест их хранения. Сюда же следует положить методическую разработку данной темы и

Методические указания, как пользоваться текстом и иллюстрациями щита на уроке. Последнее делается, если щит обслуживает преподавателей.

Монтаж щита может быть сделан или перед демонстрацией его в классе или подготовлен с таким расчетом, чтобы на уроке по мере проработки материала размещать текст и иллюстрации на свои места. Щит, принесенный в класс в готовом, смонтированном виде, может отвлечь учеников младших классов от рассказа преподавателя. Заранее смонтированные щиты пригодны скорее для зарядки или для повторения. Наиболее целесообразно приносить щит в класс с одним лишь фоном и заголовком темы. Преподаватель по мере использования им текста или иллюстраций помещает их на соответствующее место щита с тем, чтобы потом закрепить их. Прежде чем водворить на свое место рисунок, преподаватель показывает его ученикам. Так, по мере изложения урока щит монтируется тут же, в классе, на глазах учеников.

Монтаж щита и работа с ним — дело пока еще новое и нелегкое, но оно уже

проникло в практику преподавания истории и требует к себе внимания.

Отметим еще плакат как иллюстративное пособие на уроках истории. Плакат уже завоевал себе место в школе на уроках истории. По существу, плакат — это печатный щит, смонтированный и принесенный в класс уже в готовом виде. Плакат имеет те же недостатки, что и смонтированный до урока щит. Мы имеем прекрасные плакаты по Великой Октябрьской социалистической революции, по истории Красной Армии, по истории непа, коллективизации, по развитию промышленности; плакаты на антирелигиозные, интернациональные темы, по мировому революционному движению, по борьбе с фашизмом и т. п. Работа с плакатом в классе аналогична работе со щитом.

Было бы полезно и своевременно, если бы кабинет истории при Государственном научно-исследовательском институте школ Наркомпроса РСФСР поставил работу с рисунком и картиной на уроках истории: на научно-исследовательские фельсы и организовал у себя очную и заочную консультацию по этому вопросу, а также накоплял опыт преподавателей и обобщал его.

Н. Рябов

Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 год). М. Госвоениздат ЦКЮ Союза ССР. 1938. 303 стр.

К двадцатилетию РККА и Военно-Морского Флота профессор Академии Генерального штаба РККА комдив В. А. Меликов выпустил небольшую книгу, посвященную политически актуальной и почти совершенно неразработанной в военно-исторической литературе теме — героической обороне Царицына. Через полгода автор выпустил новую книгу, на ту же тему, но гораздо более основательно разработанную.

Свою работу над указанной темой автор начал еще в 1929—1930 году и постепенно накапливал, систематизировал и обобщал материал по этому вопросу. В течение последних трех лет тов. Меликов вплотную подошел к исследованию имеющихся первоисточников — боевых и оперативных документов, хранящихся в архивах. Чтение лекций слушателям Академии Генерального штаба РККА о походе армий К. Е. Ворошилова из Донбасса к Царицыну и об обороне Царицына в 1918 году способствовало научной разработке указанных проблем. На основании высказываний Ленина — Сталина и Ворошилова автор попытался дать возможно более точное описание событий и фактов указанного периода.

В. А. Меликов в своем предисловии вполне справедливо говорит о том, что «девять месяцев героической борьбы, из которых три месяца падают на поход армий К. Е. Ворошилова из Украины к Царицыну и шесть месяцев — на ожесточенные бои под руководством товарищей Сталина и Ворошилова за сохранение Царицына и всего юговостока Советской России, являются замечательными страницами великой гражданской войны в СССР» (стр. 4). Книга начинается с описания интервенции германских империалистов, вторгшихся в пределы Советской Украины. Эта интервенция имела целью завоевать новую территорию, выкачать продовольственные и топливные запасы посредством оккупации Украины, Крыма и Грузии, свергнуть советскую власть в России и установить от Гельсингфорса до Одессы империалистический барьер против проникновения влияния

Реликой Октябрьской социалистической революции на Запад.

Наступление австро-германских войск было облегчено в результате предательского поведения Иуды-Троцкого, поддержанного главарем контрреволюционной банды «левых коммунистов» Бухаринным, которые, маскируясь «левой» фразой, готовили в союзе с «левыми» эсерами срыв брестского мира, свержение советской власти, убийство Ленина, Сталина и Свердлова. Они хотели создать контрреволюционное правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров для реставрации капитализма в нашей стране. Иуда-Троцкий сознательно затягивал переговоры в Бресте, игнорируя совершенно точную директиву Ленина и Сталина о подписании мирного договора и немедленном прекращении военных действий. Саботаж Троцкого привел к тому, что вооруженные до зубов германские империалисты перешли в наступление и захватили огромную территорию. Они продолжали двигаться дальше на восток даже после подписания мира, так как получили поддержку контрреволюционной Центральной Рады.

Пролетариат Украины в союзе с беднейшим крестьянством, организовавшись в красные отряды, противодействовал оккупантам, стараясь сдержать их наступление. В самый разгар наступления австро-германских войск, в марте 1918 года, на Украину приехал по поручению большевистской партии для формирования вооруженных рабочих отрядов Климент Ефремович Ворошилов. Под его руководством был создан первый дуганский социалистический отряд. В книге описываются героические сражения дуганского отряда рабочих в районе Ворожбы в конце марта 1918 года. Уже эти сражения показали, что отход армии к Царицыну будет совершаться в очень тяжелых условиях, так как с запада наступали немцы, а в тылу действовали контрреволюционные казачьи станицы, продавшиеся немецким оккупантам. В результате немецкой интервенции «...Советская Россия оказалась отрезанной от своих основных продовольственных, сырьевых и топливных районов.

Тяжело было в этот период в Советской России. Нехватало хлеба. Нехватало мяса. Голод терзал рабочих. Рабочим Москвы и Петрограда выдавалось по осмужке хлеба на два дня. Бывали дни, когда вовсе не выдавали хлеба. Заводы не работали, или почти не работали: нехватало сырья, топлива. Но рабочий класс не унывал. Не унывала партия большевиков. Неповторные

трудности этого периода и отчаянная борьба с ними показали, какая неисчерпаемая энергия таится в рабочем классе и до чего велика, неизмерима сила авторитета большевистской партии»¹.

Военную обстановку этого периода очень ярко обрисовал тов. Ворошилов на совещании командиров отрядов, которое было им созвано на ст. Родаково. Вот как автор излагает содержание выступления тов. Ворошилова:

«...Тов. Ворошилов обрисовал общее военно-политическое положение, создавшееся в связи с австро-германской оккупацией, и наметил меры, которые он считал безотлагательными.

Тов. Ворошилов говорил, что в данных условиях борьбы реальное соотношение сил оказалось невыгодным для Красной Армии и советской власти на Украине и Донбассе. Германский империализм, бросив на оккупацию огромные вооруженные силы, оказался и в боевом и в военно-техническом отношении на данном этапе борьбы сильнее нас.

Тов. Ворошилов призывал учиться у опытного врага, хотя бы за эту выучку пока приходилось платить очень дорого, особенно в условиях отступления. Отступление, говорил тов. Ворошилов, тоже искусство и притом искусство нелегкое. Отступать надо с умом, организованно, по плану. При малейшем беспорядке в отступлении красные рискуют потерять не только территорию, но, что особенно дорого, ценнейшие рабочие кадры, огромные богатства фабрик, заводов и рудников Донбасса. Надо так организовать отступление под прикрытием красных вооруженных отрядов, чтобы дать возможность местным советским органам произвести полную эвакуацию богатств Донбасса. Отходить следует планомерно и с упорными боями, стараясь задерживать на каждом удобном рубеже германскую армию и всемерно помогавшую ей отечественную контрреволюцию.

Но для того, чтобы планомерно отходить, необходимо организовать из хаоса этих маленьких отрядов и отрядков одну армию с армейским аппаратом управления, т. е. штабом. Такая армия может и будет действовать крепким ударным кулаком, а не растопыренными пальцами, как сейчас, когда существует множество различных самостоятельных отрядов. Без твердой организации не может быть победы» (стр. 34).

Тов. Ворошилов проводил в жизнь положение военной тактики — потерять пространство, чтобы выиграть время, обратиться с силами и отбросить врага назад.

Пятидесятитысячная армия тов. Ворошилова, сдерживая напор противника, пробиваясь с

боями от рубежа к рубежу, проделала беспримерный в истории гражданской войны 700-километровый поход из Донбасса в Царицын. В рецензируемой работе освещаются только главные этапы этого похода. Автор приводит описание этого периода из автобиографии тов. Ворошилова: «...Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скербом рабочих и их семьями пужно было провести через бушевавший казачий Дон.

Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхеларовым, Денисовым и другими, пробивались мои отряды, восстанавливая железнодорожное полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца «группа войск Ворошилова» пробилась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10-я Красная армия, которой мне было поручено командовать» (стр. 38).

Благодаря большевистской энергии тов. Ворошилова, его решительной борьбе с паникерскими элементами, умению дать правильный анализ обстановки, непосредственному руководству боями и личному общению с бойцами и командирами, V Украинская армия сумела вырваться из германско-белогвардейского окружения и оказать действительную помощь Царицыну. По дороге в Царицын армия тов. Ворошилова возросла с 5 до 15 тысяч бойцов (в эшелонах было более 35 тысяч человек). В своей работе Клемент Ефремович опирался на таких прекрасных соратников, как замечательный энтузиаст революции 22-летний начальник штаба армии Коля Руднев, Пархоменко и др.

Заключивая так называемый предцарицынский период, автор переходит к описанию ярчайших событий, связанных с победоносной защитой Царицына в 1918 году. Стратегическое значение Царицына в этот период определялось, по словам товарища Сталина, тем, что удержание его в наших руках разделило действия южной и восточной контрреволюции. Кроме того это давало возможность получать из прилегающих к Царицыну районов продовольственные и топливные ресурсы для голодающих северных губерний и по удобным железнодорожным и водным путям быстро перебрасывать их по назначению. Выбор района Царицына для нанесения решающих ударов врагу был правильно сделан с политической и оперативно-стратегической точки зрения.

В середине 1918 года положение Царицына было критическим. Контрреволюция Дона при поддержке немецких захватчиков подняла голову, стремясь захватить Цари-

¹ «История ВКП(б)», стр. 218.

цын. Для этого она сосредоточила в районе Царицына 40-тысячную армию при 300 пулеметах и 100 орудиях. Немцы передали донской контрреволюции 11 651 винтовку, 64 орудия, 88 пулеметов, 109 тысяч артиллерийских снарядов и 11 594 721 патрон. К моменту первого наступления на Царицын (август 1918 года) белогвардейский атаман Краснов насчитывал в своей армии 27 тысяч пехоты, 30 тысяч конницы, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 самолетов и 4 бронированных поезда.

За два месяца до этого по инициативе Ленина Центральный комитет нашей партии послал товарища Сталина в Царицын в качестве чрезвычайного уполномоченного по продовольствию всего юга России, облеченного особыми полномочиями Совета Народных Комиссаров. 6 июня 1918 года товарищ Сталин с небольшим отрядом красноармейцев и двумя автоброневиками прибыл в Царицын и сразу же развернул кипучую деятельность по мобилизации продовольствия и отправке его в Москву и Петроград. Он наладил работу местных партийных, советских и профессиональных организаций, мобилизовал их на борьбу с контрреволюцией и борьбу за хлеб. Товарищ Сталин провел большую работу по очищению тыла от контрреволюционных заговорщиков и враждебных элементов. Он раскрыл крупный заговор троцкистских ставленников, окопавшихся в штабе южного фронта, беспощадно уничтожал предателей из эсеров-меньшевистского лагеря. По поводу последних товарищ Сталин писал в одной из телеграмм Ленину: «Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески» (стр. 106). Вместе с тов. Ворошиловым и группой старых большевиков товарищ Сталин, став во главе Реввоенсовета южного фронта, создал регулярные части Красной Армии, очищая ее ряды от шпионов, вредителей и диверсантов и выдвигая на командные посты преданных советской власти людей из рабочих и крестьян.

Товарищ Сталин проделал эту работу при горячей поддержке Ленина и Свердлова и при ожесточеннейшем сопротивлении предателя Троцкого, который употреблял все усилия на то, чтобы сорвать оборону Царицына и тем самым скомпрометировать деятельность Сталина и Ворошилова на южном фронте. Постепенно из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию товарищ Сталин превратился в непосредственного руководителя военными операциями на южном фронте. Составленный им политический и стратегический план обороны Царицына являет собой образец большевистского военного искусства, а победа, достигнутая при осуществлении

этого плана,—одна из самых значительных побед, которые одерживал товарищ Сталин над многочисленными врагами советской власти в годы гражданской войны. «В период 1918—1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места»¹,— пишет тов. Ворошилов.

Автор описывает решающие бои Красной Армии с белоказаками в период первого окружения Царицына, показывает ее героизм и отвагу в стремлении к победе над численно и технически превосходящими силами врага. Одной из наиболее ярких страниц героической и беззаветной борьбы, требовавшей сверхчеловеческих усилий, является 35-дневная борьба мартыновцев и орловцев в 50 километрах к северозападу от Куберле, в районе слободы Мартыновка. Трехтысячный отряд Ковалева был освобожден из белогвардейского окружения смелыми и решительными действиями кавалерийского отряда тов. Ворошилова. Красная Армия сумела отстоять свои позиции в районе ст. Воропаново при поддержке бронепоездов тов. Алябьева, которые своим ураганным артиллерийским огнем неустанно косили белоказачков, отбрасывая их за исходные позиции.

По всему фронту белые терпели поражение. Армия контрреволюции была окончательно деморализована. «Всемирно-историческая заслуга бойцов-героев Царицынского фронта и заключается в том, что они доблестно отстояли своей кровью район Царицына и под руководством Ленина, Сталина и Ворошилова нанесли первый смертельный удар по августовскому наступлению атамана Краснова...» (стр. 165),— таков основной вывод автора.

Но контрреволюция не успокоилась на этом. Оправившись от удара, она стала готовиться ко второму окружению. Последняя часть книги показывает наступление белоказачков в октябре 1918 года, их разгром и ноябрьские бои на царицынском фронте. Контрреволюция собрала для второго похода крупные силы: 51 тысячу белоказачьих бойцов, из коих 60% составляла конница при 79 орудиях и 267 пулеметах. Технические средства армии состояли из 68 самолетов, 14 броневиков, 3 бронепоездов, химического взвода, имевшего 257 баллонов с удушливыми газами и 15 тысяч дымовых шашек, 450 самолетов, более 3 тысяч верст телеграфного и телефонного кабеля и более 2 тысяч аппаратов.

Для решающего разгрома врага товарищ

¹ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 4.

Сталин выдвинул идею сокрушительного концентрического удара в сердце красновской контрреволюции — Новочеркасско-Ростовский район. Как и в период первого окружения, товарищи Сталин и Ворошилов непрерывно находились на самых опасных участках фронта, проявляя образцы оперативного искусства. Защитники Царицына разрушали все планы врага. Белые боролись с невиданным ожесточением. «Все это хорошо знали герой-защитники Царицына, и в плен, как правило, не сдавались; попавшие в окружение, боролись до последнего патрона, расходуя последний патрон на себя, с одной мыслью не сдать живыми врагу» (стр. 209). Все части Красной Армии были охвачены одним порывом: погибнуть, но Царицына не отдавать.

Наша армия несмотря на численное и техническое превосходство противника одерживала одну победу за другой потому, что красноармейцы сражались за свое кровное дело, за свободу и процветание нашей великой советской отчизны. Героическая оборона Царицына показала всем врагам нашего народа, на что способна Красная Армия, созданная и руководимая Лениным и Сталиным. Страницы книги оживляют перед читателем выдающиеся эпизоды гражданской войны, многочисленные примеры мужества и героизма бойцов и командиров. Героическая оборона Царицына под непосредственным руководством товарища Сталина и его ближайшего соратника тов. Ворошилова войдет в историю как бессмертная эпопея блестящей победоносной борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией.

Книга В. А. Меликова является ценным пособием при изучении истории гражданской войны. Ее с интересом прочтут не только военные специалисты, на которых она в первую очередь рассчитана, но и преподаватели истории, студенты-историк, ученики старших классов средней школы и каждый патриот нашей родины, так как книга учит тому, как надо бороться с врагом и побеждать его. Книга поучительна и в том отношении, что она показывает, как наш великий народ громил врагов в 1918 году даже в условиях слабой технической вооруженности. Теперь наш советский народ, создавший идеологически закаленную, самую мощную в мире армию — Красную Армию, — способен сокрушить любого фашистского агрессора, где бы ни появилось его свиное рыло.

К сожалению, в книге В. А. Меликова есть и некоторые недостатки, которые необходимо исправить. Основным, наиболее резко бросающимся в глаза недочетом кни-

ги является исключительно узкая трактовка темы. Автор совершенно сознательно стремился осветить «главным образом организацию управления и командования» (стр. 4 предисловия). Оставаясь верным этой установке, он совершенно не дает хотя бы общего очерка экономического и политического состояния страны, в том числе и Царицына перед первым и вторым его окружением. Направившая на нас со всех сторон контрреволюция охарактеризована в книге только в виде схемы боевых фронтов гражданской войны, помещенной на 98-й странице книги, и нескольких строк, посвященных Баку. Недостаточно показана работа товарища Сталина по оздоровлению и улучшению работы местных партийных, советских и профессиональных организаций. Слабо освещена деятельность товарища Сталина на продовольственном фронте. Здесь, в частности, нет очень характерных данных о количестве отправленного им в центр Советской России хлеба, мяса, рыбы и других продуктов (см. VIII выпуск Альбома наглядных пособий по изучению Истории ВКП(б), издаваемого Высшей школой пропагандистов имени Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б)). При освещении легендарного похода армий тов. Ворошилова из Донбасса в Царицын недостаточно показано хозяйничанье германских империалистов на Украине, в Белоруссии, Крыму и Грузии и борьба против германских поработителей рабочих и крестьян этих республик.

Следует отметить несколько надуманное автором положение о том, что Деникин придерживался союзнической, а Краснов немецкой ориентации. «Германское главное командование, — утверждает автор, — хорошо знало, что политика Деникина в отношении Германии диктовалась представителями при нем держав Антанты, а поэтому сразу же пригрозило Краснову, указав открыто, что если он будет любезничать с Добровольческой армией, то «дружбе конец» и оружия и снарядов Краснов больше не получит» (стр. 89). Понятно, что «союзническая» ориентация Деникина и прочих белогвардейцев определялась не принципиальными соображениями, а лишь тем, кто больше даст денег и оружия для свержения советской власти.

Книга тов. Меликова должна быть дополнена описанием блестящих операций 1919—1920 годов.

Необходимо также устранить отдельные опечатки, выправить стиль изложения, сделать ссылки на источники и внести исправления, указанные в рецензиях на предыдущее издание этой книги.

В. С. СЕРГЕЕВ «Очерки по истории древнего Рима». Соцэкгиз. 1938. Ч. 1-я и 2-я. 829. стр.

Выход в свет работы профессора В. С. Сергеева «Очерки по истории древнего Рима» является значительным событием для советской исторической науки. Впервые, в порядке реализации указаний председателя Совета народных комиссаров СССР тов. Молотова об издании учебников для высшей школы, появляется систематическое изложение курса истории древнего Рима, рассчитанное на удовлетворение потребностей преподавателей истории в средних школах, учащейся молодежи, а также на лиц, интересующихся исторической наукой и, в частности, вопросами древней истории.

Прежде всего следует отметить общее благоприятное впечатление от всей работы в целом. Безусловным достоинством вновь вышедшего курса является его полнота и конкретность изложения. Не будучи излишне перегружен отдельными деталями, он содержит конкретное и достаточно подробное изложение истории древнего Рима, начиная с легендарного периода царей и кончая падением Западной Римской империи.

Методически и методологически правильной является принципиальная установка автора, данная им в введении к 1-й части. Отмечая историческую роль Римской империи, как высшей и вместе с тем последней стадии развития рабовладельческого общества, В. С. Сергеев разоблачает антинаучные измышления фашистских лжеученых, подчеркивая, что «Римская империя не была созданием одних только италиков, но в значительной степени также и других народов: греков, испанцев, кельтов, народов Африки и Малой Азии, и потому на богатое культурное наследие античности могут претендовать все европейские и вне-европейские народы» (часть 1-я, стр. 5). Исходя из этого положения, автор несколько изменяет традиционное взаимоотношение различных отделов курса. В то время как у подавляющего большинства буржуазных историков основное внимание уделялось республиканскому периоду римской истории, а эпоха империи в буржуазной историографии излагалась лишь в общих чертах, В. С. Сергеев дает подробное изложение истории Римской империи, уде-

ля особое внимание отдельным странам, входившим в состав Римской империи, и культуре императорской эпохи.

Культурная история империи освещается по отдельным периодам. История культуры начального периода Римской империи — эпохи принципата II в. нашей эры — и, наконец, эпохе поздней империи посвящены специальные главы. Это внимание к вопросам культурной истории, которая впервые в учебном историческом курсе получила равноправное положение наряду с изложением вопросов истории социально-политической, является, безусловно, большим достоинством рецензируемой книги.

Положительным качеством «Очерков» является также умелое использование автором цепнейших указаний классиков марксизма-ленинизма по вопросам древней и, в частности, римской истории. Гениальные высказывания Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина даны автором в неразрывной связи с изложением конкретных исторических фактов. Эти высказывания способствуют отчетливому научному пониманию хода исторического процесса в целом и характеризуют отдельные моменты исторического развития рабовладельческого общества Рима.

Весьма удачно разрешена автором сложная задача изложения социальной истории эпохи поздней республики. В. С. Сергеев не только подробно и ярко излагает историю революционного движения рабов, но вскрывает исторически прогрессивный характер этого движения и его теснейшие взаимоотношения с остальными событиями той эпохи.

Все важнейшие положения, выдвигаемые в курсе, основаны на хорошо подобранных выдержках из произведений античных авторов, а в некоторых случаях и целых документах (например, эдикт Дюклетяна о непах), причем некоторые из них впервые даются в русском переводе, что также следует отметить как одно из достоинств рецензируемой работы. Приведенные профессором Сергеевым отрывки из документов и яркие афоризмы отдельных исторических лиц не только оживляют изложение, но и имеют большое значение для развития культуры речи советского студенчества и педагогов. Можно также приветствовать большую работу, сделанную автором, над восстановлением подлинных латинских названий собственных имен и законов.

Легкий и простой язык книги в значительной степени способствует усвоению курса и облегчает запоминание событий.

К достоинствам книги следует отнести и хороший подбор карт, помогающих читателю при чтении текста, и внимательный подбор иллюстраций. Последние взяты из новейших международных изданий, не-

трафаретны и снабжены хорошо продуманными аннотациями. Безусловного одобрения заслуживают хорошо подобранный библиографический справочник, а также точный перечень всех римских императоров с указанием их полных латинских имен, дат рождения и правления. Столь же внимательно составлен и справочник хронологических дат. Внешнее оформление книги производит также весьма благоприятное впечатление.

Однако наряду с крупными достоинствами рецензируемой работы в ней имеются и недостатки. Наиболее существенным из них является отсутствие специального историографического очерка. Сведения о важнейших античных историках даются в процессе изложения самого курса. Там же упоминается и мнение новейших историков по отдельным проблемам Римской истории (например дается точка зрения Моммзена, Дессау, Гардтгаузена по вопросу о сущности принципата (т. II, стр. 399); мнение новейших исследователей по вопросу об этрусках (т. I, стр. 21); о хронологии возникновения трибуната (т. I, стр. 55) и т. д.). По этому, безусловно, недостаточно. Читатель нуждается в общем очерке, содержащем характеристику важнейших этапов развития европейской, русской и позднейшей буржуазной и советской историографии по вопросам римской истории.

Имеются и отдельные шероховатости при изложении некоторых вопросов. Так например, сообщая о государственном устройстве Римской республики и касаясь вопроса об обязанностях и правах народных трибунов, В. С. Сергеев совершенно правильно отмечает, что последние становились по истечении своих полномочий членами сената. Однако сжатое изложение (ч. 1-я стр. 55—56) и отсутствие указаний на то, что эти права были получены трибунами лишь в позднереспубликанскую эпоху, могут вызвать недоумение читателя благодаря широко распространенному ложному представлению о том, что трибуны в течение всей республиканской эпохи не имели права заседать в сенате и тем более не могли стать его членами. Было бы желательно, чтобы в последующих переизданиях книги изложение этого вопроса было уточнено.

Несколько неточно изложен рассказ о падении Нерона (ч. 2-я, стр. 438). Взяв за основу рассказ Диона Кассия, автор почему-то игнорирует сведения по данному вопросу, сообщаемые Светонием, который подчеркивает, что самоубийство Нерона

произошло с помощью его вольноотпущенника Энафродита, и несколько иначе передает последние слова умирающего принца.

Не совсем правильно изложен рассказ о капитуляции римской армии под Нумантиней. Консул Манци не был взят в плен, а заключил мир на условиях оставления в руках у нумантинцев римского военного обоза и гарантирования Римом нумантинской независимости. Греческий историк Полибий проживал в Риме не в качестве эмигранта (ч. 1-я, стр. 163), а в качестве заложника. Неудачно составлена в редакционном отношении фраза на стр. 282 (ч. 1-я). Сообщая о мире, заключенном Помпеем с Тиграном Армянским, автор пишет: «Тигран отказался от своих владений по малоазийскому побережью — Сирии, Финикии, Киликии, Галатии и Калпадокии». Фразу необходимо в последующих изданиях уточнить, так как из вышперечисленных областей только одна Киликия лежит на побережье Малой Азии. Безусловная опечатка вкралась на стр. 397 (ч. 2-я), где говорится о «чистке» Августом сената. В курсе упоминается о «замогильных чинах», в то время как по смыслу изложения Светония можно говорить лишь о «замогильных члехах» сената. Так же недостаточно точно излагается в курсе и дислокация римской армии при Августе (ч. 2-я, стр. 386). При перечислении важнейших групп римской армии в «Очерках» выпало сообщение о гарнизонах придунайских провинций и Далматии, где, согласно указаниям Тацита в начале I века нашей эры, размещалось шесть легионов, и, наоборот, число легионов в Испании составляло не восемь, как указано в курсе, а всего лишь 3. Наконец, неточно дается и имя преторианского префекта в момент падения Нерона. В 68-м году нашей эры префектом преторианской гвардии был не Отон, находившийся в качестве наместника в Лузитании, а Нимфидий Сабий. Все эти в общем незначительные недостатки необходимо исправить при последующих изданиях.

Автор курса В. С. Сергеев несмотря на перечисленные частные недочеты проделал большую, серьезную и нужную работу в деле создания учебных пособий для высшей школы.

Нет никаких сомнений в том, что книга явится ценным пособием для повышения квалификации педагогов средней школы и при изучении курса римской истории студентами исторических вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ „КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)“	1
В. М. МОЛОТОВ — 21-ая ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (Доклад на торжественном заседании Московского совета 6-го ноября 1938 г.)	12
Б. ВОЛИН — Октябрьская революция и интеллигенция	23
Г. ГАК — Работа Ленина „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“	34
М. МОСКАЛЕВ — Разрыв Плеханова с народничеством и переход его к марксизму	44
В. КУЛАКОВА — Крестьянская реформа 1861 года	55
В. САМОЙЛОВ — Семен Дежнев	69
В. ВИРГИНСКИЙ — Тоннель под Ламаншем	81
Н. САМОРУКОВ — Всеобщая стачка и стачка горняков в Англии в 1926 году	88
А. РАНОВИЧ — Иудейская война 66 — 73 годов нашей эры	99

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

С. БЕЗБАХ — Вспомогательная работа с учащимися по истории	110
В. ЛАБУНСКИЙ — Рисунок и картина на уроке истории	115

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. РЯБОВ — Меликов В. А. „Героическая оборона Царицына“	122
А. БОКЩАНИН — В. С. Сергеев „Очерки по истории древнего Рима“	126

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Зам. редактора **С. И. Гопнер**
Отв. секретарь **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б—44043 Изд № 1193 Заказ 2899 Тираж 48 300
Материал сдан в набор 26 XI 1938 г. Подписан к печати 2/XII 1938 г. 4 бум. л. 70 000 зн. в печ. листе

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.